

Даниэль Дакар Фабрика героев

Даниэль Дакар

Фабрика героев

Аннотация:

Если ты появился на свет в результате строгого генетического отбора и в двухмесячном возрасте попал в учебный центр Линий - добро пожаловать на "фабрику героев". У тебя до тридцати с гаком лет не будет ничего своего, кроме имени, да и то лишь частично.

А если ты всего лишь жалкий полукровка и твоя мать допустила и сохранила не санкционированную Генетической службой беременность от неизвестного чужака - то попробуй-ка, докажи Линиям и всему Бельтайну, что ты не выродок.

Именно эта задача и оказалась поставлена перед Мэри Александрой Гамильтон, полукровкой. Не просто оказаться достойной внимания генетиков, а стать лучшей из тех, кого когда-либо выпускали стены учебного центра. Лучшей - во всем. В физической подготовке, в скорости реакции, в мастерстве боевого пилота...

Моему брату Павлу "Рикардо Вернеру" Балашову. Если бы не ты, я не написала бы ни строчки.

Глава I

- У вас не больше двенадцати часов.

Голос женщины на центральном экране был сух и деловит. Белый апостольник с черным крестом на нем казался странно неуместным в сочетании с гравикомпенсаторной броней, но никто из собравшихся в Зале Совета не обращал на это внимания. Ну апостольник. Ну и что? Мать Агнесса, настоятельница монастыря Святой Екатерины Тариссийской, как и любая из монахинь, обнажала голову только перед посадкой в пилотское кресло. Это послушницы, настоящие и бывшие, могли позволить себе ходить с

непокрытой головой, что и демонстрировали две из них, сидящие сейчас в зале.

- Мы активируем минные заграждения и немного их придержим, конечно, но... Вы не хуже моего знаете, принципал, что рудовозы и челноки - не боевые корабли. Скрыться в астероидах - да. Наладить, если потребуется, партизанские вылазки, базируясь на уцелевших рудниках - сколько угодно. Но противостоять эскадре?

Джастин Монро, принципал Совета Бельтайна, когда-то гибкий, словно хлыст, а теперь изрядно отяжелевший мужчина немногим старше ста, прошелся взад-вперед перед рядами вспомогательных мониторов. Покосился на собравшихся. Кашлянул. Повернулся было в сторону матери-настоятельницы, даже рот приоткрыл - и снова принялся мерить шагами возвышение. Ему очень не хотелось задавать вопрос. Очень не хотелось. Совсем. Тем более что ответ сидел тут же, и этот ответ изрядно надоел принципалу за последние тридцать три года. Пожалуй, поправился он мысленно, почти тридцать четыре. Однако дальнейшее молчание будет выглядеть грубостью. Даже если забыть о том, что максимум через пару часов сестры-тариссийки могут вступить в бой, и задерживать их командира недопустимо. Принципал тяжело вздохнул, посмотрел в глаза аббатисы и, приложив все силы, чтобы голос звучал обыденно, спросил:

- Что вы предлагаете?

И ничуть не удивился, когда собеседница едва заметно улыбнулась:

- Я хотела бы услышать мнение сестры Мэри. Оно ведь у вас есть... - она немного помедлила, - капитан?

Теперь уже не только заранее развернувшийся принципал, но и все сидящие в зале смотрели на бритоголовую женщину с капитанскими нашивками на рукаве повседневной формы ВКС Бельтайна.

- Да, матушка. Мнение у меня есть. - Капитан выпрямилась в кресле и подобралась, как перед прыжком. Говорила она резко, отчетливо, словно команды отдавала. - Следует немедленно начать эвакуацию личного состава Звездного Корпуса. Я видела на орбите "Сент-Патрик". Что-то еще у нас есть? Нет? Хреново... Хотя... Старшие курсы на практике? - поглядела она через плечо. Представитель Корпуса кивнул. - Тогда "Сент-Патрика" должно хватить. Условия так себе, но это единственный выход. Цвет Бель-тайна не должен попасть в лапы этих ублюдков... простите, матушка.

По лицу капитана было видно, что извиняется она исключительно потому, что не хочет задевать чувства своей наставницы, но все, кого собрал под свои знамена Джерайя Саммерс, были, есть и будут ублюдками, как ты их ни назови.

- Ты думаешь, девочка, планетарная оборона не выдержит? - мягко поинтересовалась мать Агнессы.

- Не выдержит, - отрезала та. - Я это знаю, вы это знаете, и Марк Фортескью это знает тоже, не говоря уж о Джерайе Саммерсе. Все, на что в данной ситуации способна планетарная оборона, это оттянуть на себя силы нападающих, пока "Дестини" и учебные корветы Корпуса будут эскортировать отход "Сент-Патрика" в зону Тэта. Мистер Морган, ваши люди прикроют поверхность?

- Больше двадцати часов не обещаю, - криво усмехнулся командующий полицейскими силами, - но уж в течение этого времени ни одна десантная капсула до поверхности не долетит. Клясться не буду, но вы меня знаете, капитан.

- Знаю, полковник. Кому и знать, как не мне, - при этих словах и без того нервничающий Монро вздрогнул и принялся исподтишка бросать косые взгляды на пилота и копа. Очень ему не понравилось подобное упоминание о плотном знакомстве. Когда это они успели узнать друг друга настолько хорошо? Неужели эта дрянь имеет что-то общее с неудачами последних восемнадцати лет?

- Я надеюсь, хоть сколько-то корветов боевой практики осталось при Корпусе? - снова обернулась Мэри.

Следующий кивок майора Маккинна вышел несколько неуверенным, и капитан, поморщившись, процедила сквозь зубы:

- Не говорите мне, в каком они состоянии, Маккинн. Сколько их там? Всего шесть? Черт... Ладно, и то хлеб... Далее. Все фонды флота должны быть переведены в доступ капитана Фицсим-монс и наставников Корпуса. С правом отзыва, но я бы не слишком рассчитывала на то, что будет кому отзываться. Ребятишки не должны ни в чем нуждаться, а покойникам средства ни к чему.

Мэри была абсолютно спокойна. Так же спокойны были окружающие ее люди (за исключением, пожалуй, принцепала) и аббатиса на экране. Да, вероятно, многие из них умрут. И очень скоро. И некому будет сидеть в темно-синих креслах и отдергивать тяжелые старомодные портьеры, впуская в мрачноватый Зал Совета яркий, радостный свет Тариссы. И Зала тоже не будет. И Совета. Это неважно. Важно спасти мальчишек и девчонок, кадетов Звездного Корпуса, сливки сливок бельтайнских Линий. Спасти, вывести из-под удара, не позволить Саммерсу захватить их, потому что организовать обучение он все равно не сможет - даже если захочет, - а бордели и лаборатории Пространства Лордан как-нибудь обойдутся без пополнения с Бельтайна.

Изящная, завораживающе красивая, когда-то блестящий капитан, а теперь не менее блестящий бухгалтер, Лорена Макдермотт кивнула, пробежалась пальцами по видимой только ей клавиатуре и засвидетельствовала перевод с помощью генетического идентификатора. Изрядно растерявшийся Монро только открывал и закрывал рот, как вытащенная из воды рыба. Человек сугубо штатский, он не умел - да никогда и не стремился уметь - разговаривать с теми, кого презрительно называл "чертовыми вояками", так что сейчас при всем желании взять дело в свои руки просто не знал, как именно это сделать. Тем более что прочие гражданские члены Совета благоразумно не явились на заседание, посвященное обороне. Знала кошка, чье мясо съела.

- "Сент-Патрик" сможет принять кого-то еще? - негромко спросил угрюмый, жилистый полковник Фортескью, чья голова также была обрита, но узоры тарисситовых татуировок выглядели простоватыми в сравнении с изысканными извивами, просвечивающими сквозь кожу черепа Мэри. Против данной пилотом оценки возможностей планетарной обороны ее командующий не возражал, однако взгляд, которым он окинул пожившегося принцепала, был весьма далек от восхищения.

Капитан пожала плечами:

- Немногих. На всякий случай объявите эвакуацию учебных центров Линий, но пусть готовят только тех детей, которые смогут обслуживать себя сами. На борту не будет няnek, вы же понимаете. Наставники и восьмой-девятый курсы смогут позаботиться о первокурсниках и отчасти нулевичках, но это и все.

Жестоко. - Фортескью стиснул засунутый подмышку тонкий черный стек так, что побелевшие костяшки пальцев стали отдавать в синеву, и Мэри вспомнила, что младшему сыну полковника всего полгода. - Жестоко. Но с вариантами у нас плохо. Просто-таки совсем плохо с вариантами. Жаль, - полковник ослабил хватку на стеке и слегка встряхнул кистями рук. - Как я понимаю, вы собираетесь прикрывать транспорт "Соломоном"?

- Больше ничего не остается, - дернула головой Мэри. - Набрать на учебные корветы экипажи из частей резерва, добавить к ним "Дестини" и проводить "Сент-Патрик" до перехода. Вы можете предложить еще что-нибудь?

- Не щетиньтесь, капитан! - примирительно поднял ладони полковник. - Я прекрасно понимаю, что это единственный выход, просто хотел убедиться, что вы так же оцениваете ситуацию, как и я.

- Так же. Можете не сомневаться.

- Значит, объявляем боевую тревогу? - деловито уточнил Терри Малоун, отвечающий в Совете за гражданскую оборону.

- Объявляем, - кивнула Мэри. - Матушка?

- Действуй, дитя. У тебя получится. Бог да благословит тебя и всех вас. - И экран погас.

Не обращая внимания на побелевшего от злости принцепала, точку зрения которого ни-

кто и не подумал спрашивать, полковник подошел к одному из пультов у стены, откинул защитный колпак, зло оскалился и перекинул тумблер.

* * *

Девочка знала, что она особенная. С самого раннего детства. Всегда. И эту особенность она с радостью променяла бы на то, чтобы быть, как все. Чтобы не слышать обращенного к бабушке сочувствия редких гостей. Чтобы в учебном центре такие же, как она, ребята не тыкали пальцами и не кричали: "Уходи, Полукровка!" А еще - чтобы была мама. Настоящая мама, пусть изредка, но прилетающая в отпуск. Почему у всех есть мамы, а у нее - только голопроекция да еще камень на мемориальном кладбище, где устанавливали плиты с именами тех, кто погиб в космосе? Девочка знала, что неправа. Мамы были не у всех. Только почему-то особенно обидно, что у рыжего Рори О'Нила, который вопит "Полукровка!" громче всех, мама есть, а у нее - нету. И папы нету. Хотя в Линии Пилотов Гамильтон папы в расчет не принимались, но она-то не из Линии! Она - полукровка, и у нее вполне мог бы быть папа, и тогда в том, чтобы быть полукровкой, было бы хоть что-то хорошее!

Вокруг девочки говорили много непонятного. Понятного, впрочем, тоже. Порой она удивлялась: все вокруг как будто не принимали ее всерьез, считали то ли глухой, то ли глупой... Ни глухой, ни глупой она не была, хотя рано научилась скрывать понимание и вызванные им эмоции, запоминая и обдумывая услышанное. И уж конечно разговор, изменивший все в ее жизни, девочка запомнила навсегда.

Бабушка как раз забрала ее из учебного центра домой, и девочка наслаждалась редкой возможностью посидеть в тишине, выпить воды без опасения, что стакан выбьют из рук, и спокойно собрать модель корвета, не отвлекаясь на необходимость дать тумака рыжему Рори. Все было хорошо, все было просто замечательно и было бы еще лучше, если бы явившийся без приглашения незнакомец не помешал девочке возиться с конструктором и не разозлил бабушку.

"Алтее следовало избавиться от ребенка чужака... Это существо - кошмарная ошибка... Как жаль, что такая прекрасная ветвь изумительной Линии прервалась... Чистота крови..." - человек в форме Генетической службы не знал, куда девать глаза, потому что на девочку он смотреть не хотел, а на бабушку опасался. И - чеканящая слова София Виктория Гамильтон: "Моя дочь не совершала никакой ошибки. И Бельтайн еще убедится в этом. А что касается тебя, Джастин Монро, то держался бы ты подальше и от меня, и от дочери Алтеи. Далее тебе не под силу отменить Закон Выявления, и как бы ты ни злился, это ничего не изменит. И не делай вид, будто тебя заботит чистота крови девчонки. Алтея предпочла тебе другого - только это и важно, правда, Джастин?! Пошел вон!"

Человек в форме становился все меньше, как-то усыхал с каждым словом не отводящей глаз от заоконного пейзажа бабушки, и наконец сбежал из комнаты, где все - скудная мебель, огромный аквариум, гордая женщина у окна и забившаяся в угол девочка - было так переполнено яростью, что не оставалось места для воздуха.

Бабушка глубоко вздохнула и разжала сцепленные за спиной руки с девочкой подумала тогда, что бабушка с трудом удержалась, чтобы не побить незваного гостя, и, кстати, правильно подумала). Затем нашла взглядом маленькие, изрядно потрепанные пыльные ботинки, предательски торчащие из-за кадки с засыхающей муреной, чьи изогнутые плоские листья действительно были похожи на хищную рыбу с Земли.

- Подойди ко мне, Мэри. Нам надо серьезно поговорить. - София помедлила. - Это очень, очень важно.

Девочка выбралась из своего угла и робко приблизилась к бабушке, как-то вдруг ссутулившейся, словно соскользнувшей с волны белоглазого бешенства, несшей ее только что.

- Садись, - указала София на подоконник, - у нас много дел, а времени мало. Совсем нет

времени, понимаешь?

Девочка не понимала, но на всякий случай кивнула. Такой она бабушку еще не видела и это ей не нравилось.

- Вот что. Я знаю, в центре тебя дразнят полукровкой. Ты понимаешь, что это значит?

Девочка снова кивнула, на этот раз более уверенно.

- Это значит, что мой папа не из Линий и вообще не с Бельтайна.

- Верно. Как, по-твоему, это хорошо или плохо? Заметь, я хочу знать, что думаешь ты. Не мальчишки и девчонки, вместе с которыми ты проходишь курс обучения. Не их родители. Не твои наставники. Не наши соседи. Не этот дурак, который наконец убрался отсюда, а именно ты.

- Я... - девочка собрала с духом и выпалила: - Я думаю, это неважно. Я - это я. Не папа, не мама, не ты. Вот.

Мэри торжествующе смотрела на бабушку, а та изо всех сил старалась не прослезиться. Она вдруг увидела во внучке дочь, хотя наблюдать на абсолютно негамильтоновском, более того, вообще небельтайнском лице присущее Алтее выражение упрямой гордости было странно. Странно, но радостно.

- Хорошо. Ты умница. Раз ты все правильно понимаешь, тогда слушай. Я сказала Монро чистую правду. Я действительно уверена, что ты можешь стать гордостью Бельтайна. Но меня кое-что беспокоит. Я наблюдала за тобой сама, читала отчеты... Ты скрываешь свои способности, так?

Девочка насупилась и принялась водить пальцем по подоконнику. София мельком отметила, что узор получался сложным, красивым и удивительно логичным.

- Посмотри на меня, Мэри. Твои наставники в центре уверены, что ты не имеешь никаких особых талантов, что ты - никчемная серость, только благодаря моему влиянию и щедрой плате получившая право обучаться вместе с детьми из Линий. Ты делаешь это нарочно, верно?

- Д-да... - выдавила девочка и вдруг закричала: - Это безопаснее, понимаешь?! Не так трудно! И драться приходится меньше! Если бы я была среди лучших...

- Понимаю. Прекрасно понимаю, - бабушка присела рядом с внучкой на подоконник и неловко погладила коротко стриженные волосы. - Но через неделю ты вместе со всеми будешь участвовать в Испытаниях. И - смотри мне в глаза, Мэри Александра Гамильтон! - ты должна показать все, на что ты способна, ты меня поняла? Все, на что ты способна. Вряд ли за неделю удастся наверстать то, что ты упустила на спортивных занятиях, но голову изволь подключить. Если ты провалишься на Испытаниях, это будет означать, что твоя мама действительно сделала ошибку. Тебе ясно?

Девочка отвернулась, какое-то время молчала, а потом соскользнула с подоконника, выпрямилась, посмотрела на бабушку, и София вздрогнула - такая решимость была на бледном голубоглазом личике. Ну точно, Алтеина дочка.

- Мне все ясно, капитан Гамильтон, мэм. Разрешите выполнять?

София приняла игру. Игру ли?

- Выполняйте, кадет.

Неделя Испытаний, приходившаяся на середину лета, была одним из важнейших событий в жизни планеты Бельтайн. В ходе Испытаний - в соответствии с Законом Выявления - все без исключения рожденные на планете дети, достигшие к моменту их начала возраста четыре года девять месяцев, демонстрировали свои умственные и физические способности. Двадцать пять групп тестов позволяли с довольно высокой вероятностью определить склонности ребенка и степень его пригодности для той или иной профессии в будущем. И чем выше были показанные ребенком результаты, тем меньше у него и его родителей было свободы в выборе его судьбы. Мнением лучших вообще не интересовались. А зачем, собственно? Происходить из Линии или быть внесенным в списки Линий в результате отбора, служить Бельтайну там, где будет приказано и умереть, если понадобится, во славу родной планеты - что может быть почетнее?

И сейчас просторные холлы Комплекса были заполнены родителями, стремящимися своими глазами увидеть результаты, показанные отпрысками. Разумеется, туда, где проходили собственно Испытания, никого из посторонних не пустили. Более того, те сотрудники Комплекса, чьи дети начали сегодня проходить отбор, были безжалостно выдворены с рабочих мест. Им нашли замену, дабы ничто не могло смутить какого-то ребенка или наоборот поддержать его, улучшив тем самым его настроение, а значит, и шансы показать более высокий результат. Так что с десяток мужчин и женщин в известной всему Бельтайну бежевой форме с шоколадного цвета окантовкой бесцельно слонялись по холлам Комплекса, неуклюже лавировали в толпе, заговаривали с такими же взволнованными бедолагами, присаживались в кресла, подпирали стены и вообще, как сказали бы во флоте, "генерировали". Впрочем, "генерировали" не только штатские.

Капитан София Гамильтон нервничала. И чем больше пыталась скрыть это, тем сильнее было неподобающее боевому офицеру желание покрутить в руках какую-нибудь вещичку. Или побарабанить пальцами по стене. Или даже наорать на первого, кто под руку подвернется. Первый день Испытаний. Ранжирование детей по уровню физического развития. Ах, Мэри, Мэри... Да ну, при чем тут девочка? Это ей, Софии, дуре эдакой, следовало вовремя обратить внимание на то, что внучка хитрит. А хватит ли ей теперь явно кое-как проведенных тренировок? Если она сорвется сейчас, если не пройдет успешно самый первый тест, все будет кончено. Хотя... Вселенная большая, неужели не найдется в ней места хорошему пилоту и маленькой девочке? Но оставить Бельтайн... София так погрузилась в свои невеселые мысли, что не заметила ни наступившей в холле тишины, ни остановившегося прямо перед ней человека. Лишь когда узкая сильная ладонь легла на плечо, она вскинула голову и тут же склонила ее вновь:

- Благословите, матушка!

Худошавая монахиня только неодобрительно поджала губы, покачала головой и жестом указала в сторону пары кресел, с которых под мягким, но недвусмысленным взглядом сестры-тариссийки помоложе торопливо поднимались рослые, плечистые мужчины, явно принадлежащие к одной из Линий Десанта.

- Ты плохо выглядишь, Гамильтон, - без обиняков заявила мать Альма, когда однокашницы уселись, а в паре шагов от них замерла изваянием, охраняя конфиденциальность беседы,

сестра Агнесса, минутой ранее представленная Софии. - К тому же потеряла чутье. Ничего не видишь, ничего не слышишь. И руки не контролируешь. В чем дело?

- Мэри. Сегодня ее Испытание.

- Знаю. И что?

Как - что? А вдруг она не справится? - как ни сдерживалась София, в голосе неожиданно даже для нее самой прорезались нотки подступающей истерики.

- Кто не справится? Дочь Алтеи? Твоя внучка? Воля твоя, София, - не смешно, - вопреки сказанному интонация настоятельницы была насмешливой. - Что ты себе вообразила?

- Понимаешь, Альма, она нарочно занижала свои результаты, нарочно делала все медленнее и слабее, чем могла, тренировалась вполсилы, а я, идиотка, догадалась об этом только незадолго до Испытаний. - София изо всех сил старалась успокоиться.

- Действительно, идиотка, - щадить собеседницу мать Альма явно не собиралась. - Ты так боялась, что девочка не продемонстрирует результаты, оправдывающие Алтею в твоих - не спорь, именно твоих! - глазах, что даже не нашла в себе смелости внимательно приглядеться к происходящему. Хорошо хоть я взялась присматривать за малышкой.

- Ты?! - ахнула София, приподнимаясь в кресле.

- Я. И сядь, пожалуйста, не стоит привлекать внимание. Давай просто спокойно подождем, осталось не больше получаса. Уверена, Мэри справится с блеском.

Мать- настоятельница откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. София последовала ее примеру, без удивления обнаружив, что в присутствии Альмы продолжать

нервничать просто невозможно. Так было всегда, даже в Корпусе, не говоря уж о монастыре, из которого София ушла, а Альма осталась. Осталась, чтобы в свой срок стать самой молодой настоятельницей за всю историю ордена тариссиек.

Несколько минут спустя результаты первого дня испытаний загорелись на огромном табло, о чем сообщил вырвавшийся у присутствующих дружный вздох и, подождав для верности еще чуть-чуть, чтобы все смотрели только туда и не обращали внимания ни на что больше, София приоткрыла глаза и бросила взгляд на оранжевые строчки. Первое место... второе... не может быть! Она встряхнула головой, несколько раз моргнула и снова уставилась на табло, где горела невероятная, ошеломляющая, изумительная информация: "Гамильтон, Мэри Александра".

- А я что тебе говорила? Одиннадцатая - из скольких линейных? Держись, Бельтайн, эта девочка еще себя покажет! - мать Альма в соседнем кресле сдержанно ликовала.

"Вниманию капитана Софии Гамильтон. Капитан София Гамильтон, немедленно пройдите в административный корпус. Повторяю. Вниманию капитана..."

- Это еще что такое? Спокойно, София. Сейчас разберемся. Сестра Агнесса, ты идешь с нами.

Аббатиса решительно поднялась и широким, размашистым шагом, который не смогли изменить даже добрых шесть десятков лет в монастыре, направилась впереди своих спутниц к административному корпусу

София Виктория Гамильтон, мы вызвали вас для дачи объяснений по вопросу... - Джастин Монро запнулся, ошеломленно переводя взгляд со злой, как черт, Софии на мать Альму, с хладнокровным любопытством взирающую на людей, собравшихся в конференц-зале. Насмешка, таящаяся в уголках губ третьей женщины, тоже не добавляла ему уверенности в себе. Принципал Совета Бельтайна, уже совсем старый Мэтью О'Киф, вопросительно приподнял бровь, наблюдая за разыгрывающейся перед ним сценой.

- В чем дело, Джастин? Вы онемели? - О'Киф терпеть не мог проволоочек, а уж если подчиненный начинал мямлить что-то маловразумительное, такому подчиненному лучше всего было провалиться сквозь землю. Самому. Пока не помогли. - Договаривайте, раз уж решили, что наше присутствие здесь необходимо!

- Э-э-э... София Виктория Гамильтон, извольте объяснить, каким образом ваша внучка ухитрилась попасть в первую дюжину? Вы отдадите себе отчет, что использование стимуляторов во время Испытаний категорически запрещено и что вашу девчонку сейчас вышвырнут из Комплекса? Вместе с вами? - Монро быстро пришел в себя, в голосе зазвенел прежний напор.

- А с какой, собственно, стати? - Альма предостерегающе сжала пальцы Софии, мягко улыбнулась и опустила в кресло у стола. - Садитесь, девочки, ноги надо беречь.

В крови Мэри Гамильтон обнаружены стимуляторы! Эта чертова полукровка украла одиннадцатое место, а вы - вы помогли ей в этом! Разве могла она сама додуматься до такого или достать нужные препараты и правильно рассчитать дозировку?! - Джастин уже почти визжал.

- Стимуляторы, вот как? - Лицо аббатисы было ласковым до приторности. - И когда же вы их обнаружили? До испытаний или после?

Глаза Монро забегали.

- И до, и после! - выпалил он. - Вот, вот распечатки, можете посмотреть!

- Да, это будет нелишне, - мать-настоятельница не пошевелилась, даже глаза не скосила на свою помощницу но листы распечаток, которыми потрясал Монро, вдруг испарились из его руки. Сестра Агнесса, внезапно оказавшаяся на изрядном расстоянии от побледневшего чиновника, быстро просматривала их, презрительно хмыкая и кривя губы. Судьи Испытаний и принципал Совета переводили взгляды с аббатисы на монахиню, с монахини на Монро и снова на аббатису.

- Матушка...

- Да, Агнесса? Тебе понравилось то, что ты увидела? - скрывать иронию в голосе Альма

и не подумала,

- Более чем! - выплюнула женщина. - Прекрасный результат! Великолепный результат! Вот только я своими глазами видела у Мэри ободранные коленки, а с таким - и даже вдвое меньшим - содержанием FeY в крови и с малейшим повреждением кожи она не то что бегать - ходить не смогла бы. Она сейчас лежала бы в реанимации, в нее закачивали бы кровь галлонами и чистили организм еще пару суток. Если бы вообще спасли. Судя по вот этому, - Агнесса взмахнула распечаткой, - Мэри ввели боевой коктейль пилотов в дозе, необходимой взрослому человеку для многочасовой схватки. Да вы сами взгляните.

- Какая прелесть! - восхитилась аббатиса, мельком проглядев поданные листки. - Нет, я положительно в восторге! Подумать только, у Мэри взяли кровь на анализ, и прокол не начал фонтанировать - это при таких-то показателях... Про кардиограмму я уж и вовсе молчу. Надо будет обследовать ее потщательнее, не каждый день попадаются такие уникалы. И кстати, Монро, а почему ее вообще допустили к состязаниям при столь явном использовании стимулятора? Что, в списках не было пометки о недопустимом составе крови?

- Ну... э-э... я думаю, произошел сбой программы...

- И, очевидно, анализатор сломался тоже? Ведь никакого сигнала тревоги не было, не так ли? Отклонение от нормы вопиющее, а сигнала не было, так, Монро?! - София больше не давала себе труда сдерживать клокотавшую в груди ярость. Она вскочила с места, ее кулаки, суховатые крепкие кулаки потомственного пилота угрожающе сжались, и, похоже, только появление новых действующих лиц спасло Монро от грандиозной трепки, София, уловившая какое-то движение слева и сзади, резко развернулась ко входу в конференц-зал и рявкнула привычно-командным голосом: - Что такое?!

- Мисс Мэри Гамильтон, мэм. По приказу мистера Монро, - промямлил сунувшийся в дверь служитель, подталкивая впереди себя голенастую девчонку с действительно ободранными коленками. Ссадины были совсем свежими, шорты и майка в пыли и мазках зелени, на спине красовался выдранный клочок материи, опухоль под левым глазом обещала в недалеком будущем богатейшую палитру красок.

- Прости, бабушка! - угрюмо пробормотало встрепанное существо, более всего похожее сейчас на портовую крысу, с боем прорвавшуюся через превосходящие силы корабельных котов. - Ты была права. Если бы я тренировалась усерднее...

- Вы недовольны показанным результатом, мисс? - никто не ожидал, что принципал вмешается в происходящее, но на его лице, обычно невозмутимом, сейчас проступило выражение острого интереса. - Вам не нравится быть одиннадцатой?

- Конечно, не нравится! - шмыгнула носом девчонка, переступая с ноги на ногу. - Я хотела, чтобы бабушка мною гордилась, а как можно гордиться одиннадцатым местом? Вот вы бы гордились?

- Я? Безусловно! - принципал откровенно забавлялся. Девочка пришлась ему по душе. Ее гордость, недовольство собой и стремление заслужить одобрение бабушки нравились ему и, несомненно, относились к разряду благородных чувств. А вот мотивы Монро были неясны, но благородством тут уж точно и не пахло. Старый Мэтью неплохо знал людей и, пожалуй, с огромным удовольствием избавился бы от такого заместителя, но увы - за наглым и явно нечистым на руку щенком стояли люди, ссориться с которыми О'Киф не хотел. Не сейчас. - Более того, как принципал Совета Бельтайна я горжусь тем, что в Испытаниях принимают участие девицы, показывающие такие замечательные результаты. Дело же не в том, какое место вы заняли, мисс. Ваша скорость, выносливость и длина прыжка просто великолепны. Я бы в вашем возрасте так точно не смог.

- Правда? - просветлела Мэри.

- Правда. Я уж не говорю о том, что когда-то, очень давно, когда даже вашей бабушки еще не было на свете, я занял по результатам первого дня Испытаний не одиннадцатое, не двадцать второе и даже не тридцать третье место... Вы вполне можете гордиться собой, а ваша бабушка уж конечно должна гордиться вами.

- Бабушка, ты слышала? - лобастая, невзрачная мордашка осветилась искренней

радостью и стала почти хорошенькой.

- Слышала, малышка. Ты молодчина. - София уже успокоилась. Старый хитрец О'Киф явно был не на стороне чертова генетика, а принципалом Совета покамест был все-таки не Монро. - А к завтрашнему дню ты готова?

- Конечно, бабушка. Мы полетим домой прямо сейчас?

Подошедшая к девочке сестра Агнесса присела на корточки, приподняла пальцами подбородок, вздохнула, повертела в руке ладошку со сбитыми костяшками пальцев, еще раз вздохнула и мягко произнесла:

- Не прямо сейчас. Нужно сделать еще один анализ крови. У меня с собой все необходимое, так что тебе придется потерпеть совсем чуть-чуть.

Девочка надулась, ковырнула носком ботинка мягкое покрытие пола и пробурчала:

- Опять... Вот заберете у меня всю кровь - и как я буду завтра решать задачки?

- Не волнуйся, дорогая, - монахиня уже накладывала жгут, - мне нужно совсем чуть-чуть... Ну, вот и все.

Крохотная пробирка легла в контейнер портативного анализатора, извлеченного из просторной сумки, с которой сестра-тариссийка не расставалась ни на секунду. Несколько мгновений спустя принтер анализатора тихонько загудел, и полоска распечатки выскользнула прямо в подставленную ладонь настоятельницы.

- Ну-ка, ну-ка, что там у нас... ага... Взгляните, принципал. Девочке можно только позавидовать.

О'Киф пробежал глазами распечатку и удовлетворенно кивнул:

- Вы правы, матушка, все бы так восстанавливались. И что интересно - никаких следов стимулятора. Да уж, Монро, вам следует проверить оборудование, такие проколы просто недопустимы, тем более в ходе Испытаний.

Старший генетик оправдывался, принципал недовольно взрыкивал в ответ на каждый аргумент, а Мэри подошла к бабушке, боднула ее плечо взлохмаченной головой и жалобно сказала:

- Бабушка, я хочу домой...

София обняла ее, чмокнула в макушку (удивив этим не только внуку, но и саму себя) и ободряюще улыбнулась:

- Все в порядке, детка, я думаю, что мы здесь больше не нужны и можем отправляться домой немедленно. Пошли?

- Я полагаю, дитя, - вступила в разговор аббатиса, - что тебе с бабушкой стоит заночевать в странноприимном доме при храме Святой Екатерины. И вообще имеет определенный смысл пожить там до конца Испытаний. Там-то уж тебя точно некому будет соблазнять витаминными напитками...

- Какими еще витаминными напитками? - встрепелась София.

- Да так, пустяки, сущие пустяки, - рассеянно отмахнулась настоятельница, выбираясь из кресла. - Пошли, Мэри, тебе у нас понравится.

Два часа спустя, когда накормленная до отвала Мэри была безжалостно отправлена спать - уверявшая, что ни капельки не устала, девочка заснула, едва ее голова коснулась жесткой подушки - София решительно уселась напротив старой подруги.

- Ну же, Альма, не испытывай мое терпение. О каких витаминных напитках ты говорила в Комплексе?

Мать Альма устало потерла виски. Ей очень, очень не хотелось говорить Софии о пакетике сока, который кто-то сунул Мэри перед самым началом тестирования. И уж тем более она не собиралась озвучивать результаты анализа, который провела тут же на месте Агнесса, перехватившая злополучный пакетик до того, как девочка успела сделать хотя бы глоток. Но что-то сказать было надо...

- Ничего особенного, София. Кто-то предложил девочке витаминизированный сок в пакетике. А она взяла. Ты что, не учила ее ничего не брать от незнакомцев? Хорошо хоть сестра Агнесса была там в качестве наблюдателя от монастыря и отобрала сок. А если бы не

успела? Если бы кто-нибудь заметил, что Мэри держит в руках что-то несанкционированное? Ты представляешь, что устроил бы Монро, будь у него на руках такой козырь? Он сегодня блестяще блефовал и вовсе без козырей. Вот ведь пакостник, его бы мозги - да на мирные цели!

- Черт побери... прости...

- Ничего. Иди-ка ты спать, София. Завтра будет непростой день.

Ранним утром через неделю после окончания Испытаний София Гамильтон смотрела на внучку и тихонько ругалась себе под нос, маскируя заковыристыми флотскими словечками предательскую щекотку в носу. Конечно, Мэри не могла ни видеть, ни слышать бабушку, стоящую за зеркальным стеклом и глядящую, как падают на пол непослушные пряди, но София все же сдерживала себя. Перед людьми неудобно. А, кроме того, вдруг девочке потом расскажут? Бабушка должна быть сильной. Самой сильной в этом мире, где нет места слабакам. Да, именно так. Она уже почти не помнила тот день, когда ей впервые обрили голову, но гордость пополам со страхом до сих пор ощущалась на языке сорока... Старшая дочь Софии, Дороти Грейс, умерла на операционном столе, а скольким еще знакомым капитана пришлось хоронить детей, не переживших операцию... или подписывать согласие на эвтаназию малышей, превратившихся в результате в растения, а потом тоже хоронить... Да, Мэри сильная, но никто и никогда - за полным отсутствием необходимости - не изучал воздействие тарисситовой имплантации на небельтайнский организм. Будем ждать. Ждать и молиться. Вон и Альма сидит в неудобном госпитальном кресле, и сестра Агнесса застыла как статуя, только пальцы шевелятся, перебирая четки... София присела рядом с матерью-настоятельницей, опустила веки и приготовилась ждать.

Она не помнила, сколько прошло времени, прежде чем явно огорченный голос вырвал ее из кокона ожидания, страха и надежды.

- Капитан Гамильтон! Капитан!

- Да? Что?!

- Мне очень жаль, - высокий мужчина в серой операционной робе, забрызганной кровью, неуверенно топтался перед ее креслом, - но ваша внучка умирает. Вы желаете проститься с ней?

- Нет! - София вскочила, пошатнувшись, слепо отбросила поддерживавшую ее руку сестры Агнессы. - Боже мой, нет! Только не это! Только не Мэри! - Слезы, так долго сдерживаемые, брызнули из глаз, лицо хирурга расплылось в неясное пятно.

- Идем, София, - аббатиса не позволила своему голосу дрогнуть, ладонь на локте разом постаревшей однокашницы была жестка, как

перчатка скафандра. - Девочка уж как минимум заслужила право уйти рядом с теми, кто ее л юбил. Идем, - странную, почти кощунственную идею, возникшую только что в ее голове, тариссия предпочла не озвучивать. Подать Софии надежду сейчас было бы жестоко. Слишком жестоко. Не по-христиански.

Коридор. Лифт. Коридор. Тамбур. Лампы, приборы, люди в масках. Стол с поддержкой для спины и шеи. Какая же она крохотная, эта девочка, ее единственная внучка, ее последняя связь с прошлым, ее последняя надежда на будущее... Она не может подойти. Не может посмотреть в широко открытые глаза, из которых уходит жизнь. Не может взять маленькую ручку. Не может. Не может и все.

- Мэри, ты слышишь меня? - мать Альма, убедившаяся, что сдвинуть Софию с места невозможно, подошла к столу и склонилась над вытянувшимся тельцем. - Ты должна выжить, Мэри. Твой организм должен принять имплан-ты, иначе ты никогда не сможешь стать пилотом и огорчишь бабушку. Ну же, Мэри, что за глупости, как может номер первый по результатам Испытаний умереть во время пустяковой операции?

- Сэр! Это невероятно, сэр, взгляните... она... она стабилизируется! - глядящая на экран огромного дисплея, испещренного непонятными символами, графиками и неведомо что обозначающими цифрами операционная сестра заикалась от изумления.

- Что значит - стабилизируется? Не может быть. - Хирург, протиснувшийся в

операционную

мимо застывшей Софии и мрачно сосредоточенной сестры Агнессы, буквально отшвырнул в сторону замешкавшуюся подчиненную и, приоткрыв рот, уставился на монитор, как на нечто совершенно невозможное. - Так, все посторонние вон отсюда, немедленно. Прошу вас, матушка, вы мне мешаете. Что вы стоите, олухи, работаем, работаем!

Опомнившаяся София попятилась, натолкнулась на монахиню, чуть не упала, но реакция сестры оказалась на высоте и обе женщины очутились сначала в тамбуре, а потом и в коридоре. Вслед за ними буквально выпрыгнула нервно потирающая руки аббатиса.

- Не может быть, не может быть... - проворчала она, - много он понимает, этот медик! Сказано же блаженным Августином: "Чудеса Господни противоречат не законам Природы, а человеческим представлениям об этих законах!"

- Что ты сделала, Альма? Ведь это ты сделала, да? - в благоговейном ужасе прошептала София.

- Нет, это сделала не я, - собираясь с мыслями, мать Альма прошлась туда-сюда по коридору перед входом в операционную, резко разворачиваясь на каждом пятом шаге. - Это сделала сама Мэри. Только не спрашивай меня как. Я не понимаю механизм, да он мне сейчас и не интересен. Главное, что я догадалась, как этот механизм запустить.

- М-м-механизм?! - губы не слушались Софию.

- Называй как хочешь. Я еще на Испытаниях заметила: девочка может выполнить практически любую поставленную задачу, главное, эту задачу правильно сформулировать. Надо быстрее всех бегать - будем быстрее всех бегать, надо лучше всех считать - будем лучше всех считать, надо выжить в процессе имплантации... - аббатиса пожала плечами. - У малышки в мозгу, или в крови, или в душе - не суть важно - заложен режим максимальной целесообразности, его просто надо активировать. Ну? - последний возглас, резкий, как щелчок кнута, относился к выбравшемуся в коридор хирургу, утиравшему пот со лба снятой шапочкой.

- Если бы я не видел этого собственными глазами... если бы мне рассказали... Я бы не поверил, клянусь! Все в порядке. Вы можете быть совершенно спокойны, мэм, ваша внучка отправится в Корпус вместе со всеми детьми, чья имплантация пройдет так же успешно. Хотя ТАК успешно - вряд ли. Никогда ни с чем подобным не сталкивался... Ничего не понимаю... - И хирург, бормоча что-то себе под нос, понуро побрел куда-то вглубь госпитального крыла.

Глава II

- Я протестую! - опомнившийся Монро срывался на визг. - По какому праву вы тут распоряжаетесь, капитан?! А вы, Макдермотт? Фортескью? Что происходит?! Я принципал Совета и...

- Заткнитесь, Монро, - сухо произнес Фортескью. - По вашей милости Бельтайн остался беззащитным и все, что у нас сейчас есть для спасения хотя бы Звездного Корпуса - "Сент-Патрик", "Дестини" и здравый смысл. НАШ здравый смысл, поскольку вы им явно не обладаете. Мэри, я могу чем-то помочь?

Капитан качнула головой и встала с кресла, разминая позвоночник и суставы плавными, усвоенными еще в детском учебном центре движениями. Сделав несколько шагов по направлению к терминалам планетарной связи, Мэри обернулась и поймала вопросительный взгляд представителя Корпуса.

- Что вы сидите, Маккинн? - неприязненно бросила она. - Вы намерены объявлять эвакуацию или нет? Время уходит!

Тот подхватился и кинулся мимо нее к выходу, на бегу вызывая через коммуникатор Старшего Наставника. Полковник Фортескью решительно взял принципала под руку и буквально им полком его из зала. Остальные члены Сове-и а теперь в зале остались только

военные - даже не пытались скрыть облегчение от удаления источника истерики и спокойно и слаженно занялись исполнением своих обязанностей по боевому расписанию. Не отвлекаясь больше на окружающих, Мэри запросила коммуникационный код, послала вызов и хмуро уставилась на возникшее на экране женское лицо.

- Капитан Фицсиммонс.

- Капитан Гамильтон. - Собеседница чуть заметно кивнула. - Боевая тревога?

- От Зоны Сигма к Бельтайну идет флот Джерарди Саммерса. Слышали про такого? Вижу, что слышали. Принято решение использовать "Сент-Патрик" для эвакуации личного состава Звездного Корпуса и стольких детей Линий, сколько мы сможем на него впихнуть сверх того.

Капитан Фицсиммонс щелкнула каблуками так громко, что это было слышно даже в Зале Совета.

- К какому шлюзу пристыкован "Сент-Патрик"?

- Игрек-одиннадцать-два.

- Он заправлен?

- Так точно.

- Я посылаю туда техников и погрузчиков, необходимо переоборудовать его для приема пассажиров. - Мэри покосилась на командующего базой "Гринленд", уже стоящего у соседнего терминала. Тот торопливо отдавал малопопятные команды. Можно было не сомневаться, что все силы станции, не относящиеся к военному

флоту и не занятые непосредственно обороной, брошены к транспортнику. - Заодно прикинем, сколько человек он сможет взять на борт. Я примерно представляю себе число, но нам важно каждое место.

- Понимаю. - Фицсиммонс никогда не отличалась многословием. - Куда пойдет корабль?

- В Зону Тэта. А оттуда... на ваше усмотрение. Главное, чтобы Саммерс не достал. Я провожу вас "Соломоном". - Мэри едва заметно улыбнулась при виде явного одобрения на лице однокашницы. - Сколько времени займет переоборудование? Ваше мнение?

- Десять часов.

- Семь. И час на посадку. Иначе не успеем уйти. Данные по количеству пассажиров нужны мне через четыре часа. Все, Ванора, работайте, не буду вмешиваться.

Капитан Гамильтон показала язык своему отражению в погасшем экране, с силой потерла ладонями лицо и продолжила вызовы.

- Рори, ты где?

- В "Драконисс". - Рори О'Нил не скрывал раздражения. Изображение он включать не стал, и оставалось только гадать, сколько красоток мамыши Глиндоуэр сладко потягивается сейчас за его спиной. Зная Рори - уж никак не меньше двух. Жалко девочек, чего они точно не умеют, так это драться за свою жизнь... А ведь придется... - Ну вот что тебе неймется, а, Мэри? Уж и отдохнуть человеку нельзя.

- Влезай в штаны, красавчик, собирай остальных и марш на "Дестини". - Капитан позволила себе усмехнуться. - Вылет через восемь часов.

- Что-о-о-о? - взвыл бортинженер-двигатель-лпст. - Мэри, я в отпуске, ты в отпуске, все в отпуске, расслабься, девочка...

- Воюем, Рори. Эскадра Саммерса на подходе. - Как капитан и думала, громкое "ах!" выдал не один женский голос. И, кажется, даже не два. Не без удовольствия выслушав грозное "Цыц!" и изысканный букет эпитетов и определений в адрес Саммерса, загубленного отпуска и Вселенной в целом, она продолжила: - Монастырь активизирует минные заграждения, но это ненадолго, сам понимаешь. Будем пытаться вытащить ребятишек из Корпуса.

- На чем, Мэри? На х... галопом?! Или ты их молекулируешь и запихнешь на "Дестини"?!

Судя по доносящимся звукам, О'Нил уже застегнул ботинки и теперь прилаживал

ремень, на котором даже в баре космопорта или на танцульке висели - и звякали при каждом шаге, чтоб ему... перфекционисту хренову... - многочисленные тестеры, щупы и прочий мелкий инструмент.

- "Сент-Патрик", Рори. Больше ничего нет, а молекулировать я не умею, да и ты тоже... Все, парень, не морочь мне голову, мне еще экипажи набирать на шесть корветов. Из резерва, прикинь?

- У-у-у... Удачи, лапочка, она тебе понадобится... - И связь прервалась.

Так. Боевая тревога объявлена, эвакуация организована, экипаж "Дестини" будет собран и вылетит на орбиту как пробка из бочки с сидром - тут на Рори вполне можно рассчитывать... Что-то же еще было... А, чтоб тебе, растяпа!

- Гамильтон Маккинну! - рявкнула она в коммуникатор.

- Здесь! - отозвался тот.

- Корветы надо перегнать в сектор восемь, в заправочную зону, прямо сейчас. С майором Доггерти я свяжусь сама. Дети должны быть у шлюза игрек-одиннадцать-два через семь часов. Выполняйте.

- Есть. - Маккинн отключился.

Пальцы Мэри снова пробежались по клавиатуре терминала, уж этот-то код она помнила наизусть, как и любой капитан, хоть раз за последние полвека стартовавший с базы "Грин-ленд".

- Здесь Доггерти!

Мэри с удовлетворением отметила, что в голосе главного снабженца базы не было ни суеты, ни паники. Хороший офицер, хоть что-то не изменилось за двадцать лет.

- В заправочную зону сектора восемь перегоняют шесть корветов. Они должны быть проверены, заправлены и загружены немедленно. Сделайте полный прозвон всех систем, корабли пойдут в бой. Закачайте в накопители все, что сможете...

- И еще чуть-чуть утрамбуйте! - хмыкнул тот.

Мэри невольно рассмеялась: верно говорят, что на войне нет ничего лучше старой, заезженной шутки.

- И еще чуть-чуть утрамбуйте. Полный боекомплект, самый полный, не скупитесь, майор! Если ваши ребята успеют, пусть демонтируют ложементы наставников. Не успеют - черт с ними. Да, и "Дестини" подготовьте тоже, О'Нил скоро будет на базе, согласуете загрузку с ним. Н вот еще что. Установите на транспорт "Сент-Матрик" генераторы маскирующего поля. Это псе.

- Разрешите выполнять, капитан? - сарказмом, звучащим в голосе стовосемнадцатилетне-го Доггерти, вполне можно было резать ростбиф.

- Нашли время ерничать, майор... ну кто, кроме вас, справится? Не сомневайтесь, я еще помню, кто меня гонял по подготовке боевого вылета!

- И теперь в отместку вы гоняете меня по складам и заправщикам? - Доггерти уже откровенно веселился, и Мэри про себя вздохнула с облегчением. - Занимайтесь своим делом, Гамильтон, а я займусь своим, - посерьезнел он. - Корабли вы получите в лучшем виде. И, Мэри...

- Да, сэр?

- Постарайтесь хоть немного поспать. Иначе упустите что-нибудь. Это я вам говорю как старый комплектовщик.

Да уж, что-то приходит, что-то уходит, но "Наседка" Доггерти все тот же...

- Я постараюсь. - Ага, сейчас. Аж два раза. Вот так вот прямо и залегла.

Мэри вдохнула, со свистом выдавила воздух через стиснутые зубы, переглянулась с вернувшимся Фортестью - правую руку он держал несколько на весу и время от времени потирал левой - и холодно усмехнулась:

- Общую тревогу, полковник. Общую.

День отбытия новобранцев Звездного Корпуса на базу "Гринленд" выдался ветреным. Налетавшие с Маклира порывы трепали знамена, засыпали поле Центрального космопорта невесть откуда принесенными листьями деревьев и срывали с маленьких бритых голов форменные серые береты. Однако ни один из свежее испеченных кадетов даже не пытался удержать своевольный головной убор. Они стояли вытянувшись и прижав руки к бокам, и повторяли вслед за Старшим Наставником слова присяги.

- Клянусь!

Из-за спин стоявших в торжественном оцеплении церемониальных гвардейцев на них, маленьких и гордых, смотрели матери и отцы, немногочисленные бабушки и дедушки, изнывающие от зависти младшие братья и сестры.

- Клянусь!

С этого дня они числились солдатами армии Бельтайна. • С этого дня начинался отсчет выслуги. С этого дня их домом был Корпус, их семьей - кадеты и наставники, их жизнью - служба Бельтайну.

- Клянусь!

Когда-нибудь они вернутся на родную планету. Или не вернутся, оставив там, среди звезд, не только годы жизни, но и саму жизнь. Они -лучшие. Избранные.

- ...клянусь жизнью и смертью своей защитить Бельтайн и да поможет мне Бог. Аминь.

- Аминь!

Церемония закончилась. Выскочившие будто из-под земли служащие космопорта споро подбирали береты и раздавали их владельцам, благо имя кадета и номер подразделения значились на начищенных до блеска кокардах. Взводные наставники пролаивали команды и вот уже первые колонны двинулись к челнокам.

София Гамильтон тщетно пыталась разглядеть Мэри в этих одинаковых, перестраивающихся в линии квадратах. Может, оно и к лучшему, думала она. Нет милосердия в том, чтобы рубить хвост по частям. Сегодня у девочки началась новая жизнь, жизнь, для которой ее предназначили поколения пилотов Линии Гамильтон, и никакая чужая кровь не смогла ничего изменить. Надо бы идти, но вдруг... вдруг Мэри захочет оглянуться? Еще раз увидеть бабушку? А той не окажется на месте...

Ни один кадет не оглянулся.

- Итак, леди и джентльмены, мы прибываем на базу "Гринленд", - взводный наставник позволил себе коротко улыбнуться. - Первыми выходят те, кто сидит в задней секции, затем сидящие в центре и наконец те, кто сидит впереди. Не толпитесь и не толкайтесь, соблюдайте дисциплину, немедленно после выхода стройтесь в том же порядке, в котором шли на посадку. Помните, хотя база "Гринленд" является орбитальной крепостью и принадлежит флоту, тем не менее на ней немало гражданских. Вы не можете уронить честь кадетов Корпуса, устроив толчею у шлюза. Всем ясно?

- Так точно! - звонко выпалили двадцать пять юных глоток, и наставник еще раз улыбнулся. Когда-то именно эти слова услышал он сам... давно, да. Хороший взвод. Кто бы что ни думал, а он рад, что эта полукровка Гамильтон досталась именно ему. Какие результаты, черт бы ее побрал, какие результаты! Поговаривают, что она чуть было не умерла во время вживления имплантов, но потом словно раздумала... Вести ее будет интересно, по-настоящему интересно, а этот штафирка Монро может подавиться своими посулами и плохо завуалированными угрозами. Вот ведь любопытно, он что же, всерьез рассчитывал, что кто-то в Корпусе согласится испортить жизнь украшению первого курса только потому, что украшение кровью не вышло? Станный народ штатские, и мотивы у них странные, и мысли...

- Правое плечо, вперед! Эй, там, сзади, не отставать, успеете еще наглазеться!

Ага, вот она, слева в третьей шеренге. Девчонка как девчонка, ничего особенного. Так вот и не скажешь, что хоть чем-то отличается от остальных, разве что не слишком красива,

чтобы не сказать дурнушка - но это бывает и в чистейших Линиях. Не по красоте же родительские пары подбираются, в самом-то деле. Главное что? Главное - сохранить и улучшить породу, а скорость реакции, выносливость и способность просчитать курс не от формы носа зависят. Хотя Алтея Гамильтон, которую Коннор Фицпатрик прекрасно помнил, была красавицей штучной. Так что девчушка, видать, в отца пошла. И что, скажите на милость, Алтея нашла в этом чужаке? По дочке если судить - не урод, конечно, но и только. А уж какие мужики к ней яйца подкатывали... не поймешь этих баб, и стараться не стоит! Утешившись этой мыслью, взводный ухмыльнулся и, в очередной раз, прикрикнув на подопечных, завел их в просторный сектор базы, занимаемый Звездным Корпусом.

Трудно сказать, кто первый решил, что Звездный Корпус должен располагаться в орбитальной крепости - она же основной транспортный узел системы Тариссы, она же обсерватория, она же... она же... она же... За давностью лет разве что профессиональные архивисты могли точно проследить путь базы "Гринленд" от крохотного пересадочного терминала до гигантского комплекса, в котором жили и работали без малого двести тысяч человек. Так или иначе, к тому моменту, когда экспедиционные экипажи наравне с тарисситом стали одной из главных статей экспорта Бельтайна, подготовкой этих экипажей занимались исключительно на орбите. В частности еще и потому, что закупаемые на верфях Нового Амстердама корветы не предназначались для планетарного базирования. Они строились в космосе, летали в космосе и гибли там же, в отличие от людей, которым для качественного рождения все-таки требовалась твердь под ногами: как ни странно, зачатые и появившиеся на свет на "Гринленде" дети совершенно не годились для службы в военном флоте. В гражданском - сколько угодно, но для ВКС им не хватало, прежде всего, адаптационных резервов организма. И сколько бы врачи и инженеры не твердили, что гравитация на базе соответствует планетарной, радиационная защита идеальна, а качество жизни зачастую лучше, чем внизу, факт оставался фактом - рожденные в космосе в военном флоте Бельтайна не служили, потому что не выдерживали нагрузок Корпуса. Примерно раз в поколение очередной энтузиаст из числа постоянно живущих на базе пропихивал в Корпус своего отпрыска, размахивая, как флагом, "Законом выявления", но максимум через год забирал его оттуда (если было, кого забирать). Даже прошедшие отбор кадеты, бывало, не выдерживали, поэтому формирование будущих экипажей начиналось только на восьмом курсе. А до того - звездные карты, прокладка курса и тактика ведения боя для пилотов. Изучение оружейных систем и бесконечные стрельбы для канониров. Строение кораблей - всех, с какими даже теоретически может столкнуться экипаж, схемы выработки, накопления, подачи и распределения энергии, починка всего, что чинится и не чинится, для бортинженеров. Общие практические занятия на виртуальных кораблях. А еще программирование, рукопашная (бельтайнский офицер должен уметь справиться с портовой шпаной без оружия!), развивающие вестибулярный аппарат танцы (я не требую от вас тридцать два такта в секунду, но шевелиться все-таки надо!), бесконечные тренировки в спортивных залах и тирах (а если мятеж на корабле? Стрелять надо уметь, кадет, заткнись и выполняй!), языки (исключительно во время ночного сна, при помощи гипнопедии), лекции по истории и культуре... Центрифуги, зоны свободного полета, постепенно увеличивающиеся дозы стимуляторов - для каждой специальности своих... Потом приходило время основ стратегии, политологии, торгового и военного межпланетного права, лучшие кадеты по окончании Корпуса направлялись в Академию Свободных планет на Картане. Звездный Корпус готовил элиту. Элиту, которую Бельтайн потом сдавал в аренду тому, кто лучше платил. Далеко не все могли позволить себе нанять экспедиционные экипажи на Бельтайне, ибо стоили они дорого. Очень дорого. Поэтому бельтайнские корветы были своего рода признаком устойчивого положения, безукоризненной платежеспособности и возможности потратиться на престиж, а кто ж откажется выпендриться перед соседями? Хотя чисто представительские функции выпускники Корпуса выполняли редко - слишком уж много средств приходилось выкладывать желающим. Разве что лидеры Рах Мехшапа вот уже на протяжении полутора сотен стандартных лет неизменно нанимали дюжину экипажей

в исключительно церемониальных целях (спричем требовали лучших!), без звука платили астрономические суммы и всегда являлись на любые мероприятия Лиги Свободных Планет в сопровождении бельтайнского эскорта. Но с этих-то что взять, стоит только посмотреть на количество орденов у офицеров и нашивок и значков у солдат! Экипажи экспедиционных корветов между собой именовали нанимателей с Рах Мехюапа елками, намекая на пышное убранство рождественских деревьев, о назначении туда говорили "послали в лес" и из-за всех сил интриговали, чтобы не попасть в число бедняг, обреченных болтаться полтора-два года без всякого дела.

- Итак, сегодня мы поговорим о том, как и когда наши предки пришли на Бельтайн. В конце тридцатых годов двадцатого века русский физик Свиридов сформулировал теоретические основы подпространственного перехода. Человечество получило, наконец, возможность добраться до звезд и немедленно этой возможностью воспользовалось. Каждая страна стремилась направить в космос хотя бы один поисковый корабль, программа свободного поиска стала последним общим для всех землян делом. У наших предков были более чем веские причины найти подходящую для колонизации планету. К концу положения на Британских островах Земли крайне обострилось. Большое количество выходцев из бывших имперских колоний сделало жизнь европейского населения исключительно трудной. Перенаселенность центральных английских графств выходила за все мыслимые границы, в сороковых годах в стране начались массовые беспорядки. Этим воспользовалась Ирландия, до конца ассимилировать оттяпанную когда-то часть которой англичане так и не смогли. Сильные католические традиции позволяли не допускать совсем уж нестерпимого засилья мусульман, к Ирландии де-факто присоединились Шотландия и Уэльс, образовав так называемый Кельтский союз. На основе гэльского и валлийского языков в сочетании с шотландским вариантом английского стремительно формировался кельтик - язык, на котором говорим мы с вами, но было очевидно, что долго этот островок наконец-то обретенной независимости не продержится. Извечное стремление человека к звездам приобретало для представителей европейской расы черты насущной необходимости искать новый дом. И если русские летели в космос потому, что им так хотелось, то у остальных европейцев на выбор было два варианта: раствориться в потоках переселенцев из Азии и Африки или найти место, где их не будет. Первый корабль, принадлежавший Кельтскому союзу, получил название "Гринленд" и стартовал с космодрома на мысе Канаверал на северном американском континенте января года, будучи последним из всех европейских поисковиков. Командование принял капитан Пол Дженкинс, первым помощником стал Кристофер Гамильтон - ваш предок, мисс! Вы гордитесь им? - Робин Макдугал нашел глазами Мэри, сидящую по своему обыкновению позади всех. Чем она там занималась, сказать было трудно, но училась так, словно поставила себе целью окончить Корпус не за двенадцать лет, а за девять-десять. Шансы у нее на это были, и недурные.

- Горжусь, сэр. Но я надеюсь, что когда-нибудь смогу гордиться не только предками, но и собой.

- Я тоже надеюсь на это, мисс. Более того, я в этом совершенно уверен. Однако продолжим. Как вам уже известно, существовавшие в то время двигательные системы не позволяли кораблям развить высокую скорость, поэтому обследование звезд, вблизи которых имелись зоны перехода, занимало не один десяток дней - особенно, если в системе имелась планета, представлявшая интерес в плане возможной колонизации. Быстро разбирались только с пустыми системами... Сейчас от Зоны Сигма до Бельтайна можно дойти на маршевых - за сколько, О'Нил?

- За десять-двенадцать часов в зависимости от конкретного вектора перехода и положения планеты на орбите, это если не задевать кромку пояса астероидов. От Зоны Тэта за четырнадцать-шестнадцать. Но это цифры для военных кораблей. Баржу с рудой вы так не разгоните.

- Разумеется. Благодарю вас. Я заговорил о возможностях тогдашних двигателей для того, чтобы вы отчетливо представили себе, какой труд, какое самопожертвование

потребовалось от экипажа "Гринленда". По сути, тогда корабли вроде "Гринленда" уходили в поиск, надеясь лишь на удачу, а она далеко не всегда была благосклонна к ищущим. Учтите, что в обязанности поисковиков входило обследование ВСЕХ систем, в которые им довелось попасть. Каждый корабль нес на себе несколько маяков, обычно их было шесть, которые размещали вблизи зон перехода, создавая таким образом первую систему межзвездной навигации. По сути дела, поиск заключался в том, чтобы войти в подпространство и задать компьютеру выход в любой выбранной случайным образом зоне перехода, еще не отмеченной маяком. Когда маяки заканчивались, корабль возвращался к Земле за новой партией, а зачастую и за новой командой - если еще мог вернуться. Не выдерживали нервы. Не выдерживали организмы... Всякое бывало. Полу Дженкинсу повезло. Двенадцатого марта две тысячи пятьдесят третьего года по корабельному времени, имея на борту один, последний, маяк, "Гринленд" прошел через то, что сейчас мы называем Зоной Сигма и оказался в пространстве звезды, которую капитан Дженкинс назвал Тариссой. Кто-нибудь скажет мне, почему он выбрал такое название? Макартур?

- Это было имя его жены.

- Верно. Тарисса Дженкинс была школьной учительницей, и когда ее муж ушел в поиск, осталась ждать его на Земле. А капитан Дженкинс всерьез вознамерился выполнить обещание, которое до него бесчисленное количество мужчин давало своим возлюбленным - подарить звезду с неба. Увы, Тарисса Дженкинс так и не получила этот подарок: за несколько месяцев до триумфального возвращения Пола Дженкинса на Землю она была найдена убитой на заднем дворе школы, в которой преподавала. На ее проломленную голову был натянут хиджаб - головной убор мусульманских женщин. Именно эта смерть - не первая и не последняя в ряду таких же, ставших повседневными, трагедий - вызвала бурю общественного возмущения и дала партии экспансионистов необходимые полномочия. Средства на строительство кораблей-маток потекли рекой, в частности, о своих ирландских корнях вспомнил богатый и влиятельный американский клан Кеннеди. К моменту возвращения экспедиции Дженкинса "Дублине уже сошел со стапелей компании Мамонтова, "Эдинбург" заканчивали обшивать, переговоры о закладке "Белфаста" были в самом разгаре и Пол Дженкинс (судя по его мемуарам - с ужасом) понял, что у него больше нет жены, зато есть флот. Да, О'Нил?

- А почему Кельтский союз обратился в русскую судостроительную компанию? Разве отношения стран не были натянутыми?

- Как вам сказать, О'Нил... Не думаю, что Россия вообще хоть как-то интересовалась Кельтским союзом. Если вы посмотрите на политическую карту Земли и сравните площади государств, вы, несомненно, поймете - почему. Хотя надо заметить, что создание союза ослабило Англию, с которой у России на протяжении нескольких веков время от времени возникали трения по тому или иному поводу. Так что, полагаю, Россия относилась к союзу равнодушно-доброжелательно. А почему не выбрали европейского, китайского или американского подрядчика - на этот вопрос вы мне ответите на следующем занятии. Подготовьте подробный доклад. Даю подсказку: посмотрите историю русских изобретений первой половины двадцать первого века и с точки зрения бортинженера прикиньте, за право использования какого количества патентов русским НЕ приходилось платить, поскольку эти патенты и так принадлежали России. Но вернемся к тому моменту, когда "Гринленд" вышел из подпространства в Зоне Сигма. Немедленно стало очевидно, что на долю ирландского поисковика выпала невероятная удача: звезда класса С имела две планеты и обширный астероидный пояс, причем одна из планет казалась весьма перспективной.

1 мая года "Гринленд" дошел до орбиты упомянутой планеты. Экспресс-анализы подтвердили надежду, которую никто из экипажа не рисковал озвучить: классический "голубой ряд"! Сила тяжести на восемь процентов ниже земной нормы, воздух пригоден для дыхания, вода для питья, и даже время обращения планеты вокруг светила - если оценивать не в днях, а в часах - оказалось близко к земному. Сутки, длящиеся двадцать восемь стандартных часов, на этом фоне выглядели скорее пикантной изюминкой, нежели

недостатком. И хотя континент, каменистый, жаркий, изуродованный вулканической активностью, не слишком подходил для нормальной жизни, но многочисленные острова с лихвой компенсировали этот единственный недостаток открытой планеты. Это было истинное чудо. Право дать имя новому миру Пол Дженкинс предоставил своему старшему помощнику, и Кристофер Гамильтон, в полном соответствии с датой выхода на орбиту, предложил назвать планету Бельтайном. После многодневных исследований, в ходе которых экипаж с каждой минутой все больше убеждался в том, что им достался главный приз Больших ирландских скачек, "Гринленд" оставил на поверхности передатчик, объявляющий, что по праву первого ступившего планета Бельтайн принадлежит Кельтскому союзу. И, разумеется, немедленно отправился на Землю, где, как я уже говорил, один корабль-матка был готов, второй находился в стадии обшивки. Тут же начался отбор первых колонистов. Полгода спустя Дженкинс увел "Дублине" с Земли, унося на борту две тысячи человек. "Гринленд" также участвовал в этом полете в качестве корабля эскорта - поисковик переоборудовали, оснастив дополнительными орудийными системами. Еще через восемь месяцев вслед за ними стартовал "Эдинбург" под командованием Кристофера Гамильтона в сопровождении фрегата "Форчуне", а Дженкинс вернулся на "Гринленде" на Землю, дабы привести в систему Тариссы "Белфаст". Компания Мамонтова один за другим выводила в зону свободного полета транспортные корабли. Желавшие принять участие в колонизации Бельтайна выстраивались в длинные очереди у дверей представительств "Свободной земли", на транспортники загружалось оборудование, семена, помещенный в холодный сон крупный и мелкий домашний скот. Английская Джамахирия не препятствовала улетающим. Более того, по сохранившимся документам можно судить о том, что за оставляемые дома и земли жители Кельтского союза получали сравнительно справедливую цену. Правительство Джамахирии не без оснований полагало, что это ускорит освобождение территорий от излишне пассионарной части населения, а вернуть с лихвой вложенные средства можно было и позднее. Исход начался.

Мэри нравилось учиться в Корпусе. Полное отсутствие свободного времени ее совершенно не беспокоило - гораздо важнее, с ее точки зрения, было выполнить поставленную бабушкой и матерью Альмой задачу и пройти курс как можно скорее. Предупреждение аббатисы она приняла просто как данность: если матушка говорит, что нормально учиться Мэри сможет только до тех пор, пока Советом командует старый о'Киф, значит, так оно и есть. Джастина Монро она зачислила в разряд "плохих людей" еще в самую первую встречу, впоследствии это мнение только закрепилось, и девочка даже не давала себе труда анализировать, почему этот человек опасен для нее. Опасен, и все. Стало быть, чем быстрее она сумеет занять положение, при котором он уже не сможет ей навредить (или сможет, но не слишком), тем лучше. А занять такое положение у нее получится только при условии скорейшего прохождения курса обучения. Все было просто, как расчет вектора перехода, - рассчитать вектор трудно? Да ну вас, тоже мне трудность выдумали! - а значит, надо было учиться. На то, что ей достаются куда более сложные задания, чем одноклассникам, Мэри долгое время не обращала внимания. И только когда на пятом курсе сестра Агнеса, осуществлявшая наблюдение за подготовкой девочек старисситовые рудники в поясе астероидов нуждались в самых лучших пилотах), устроила выволочку инструктору по физической подготовке, девочка сообразила, что дело не только в том, что перед лучшими всегда ставятся самые трудные задачи.

- Вы окончательно рехнулись, Фицхью? - мягкость голоса сестры-тариссийки, без предупреждения явившейся на тренировку, никого не могла обмануть. - Чего вы добиваетесь? Хотите, чтобы Гамильтон сорвалась?

- Эээээ... сестра... не при кадете же! - огромный, не только поджарой фигурой, но и лицом

напоминавший волкодава-переростка, инструктор растерянно отступал под гневным взглядом всерьез рассерженной монахини.

- А почему бы, собственно, и не при ней? Речь идет о ее здоровье, между прочим! То я

узнаю, что адаптация организма Мэри к воздействию стимуляторов проводится по индивидуальному ускоренному графику, то вы заставляете ее выделять Бог знает что, да еще и находите это совершенно нормальным!

- Сестра, но мы же должны узнать предел ее возможностей!

- Кто это "мы"? Кто должен, что должен и кому?

- Ну как же вы не понимаете, ведь Гамильтон совершенно уникальна! - инструктор приободрился, решив, что нашел веский аргумент в споре. - Этот кадет может стать гордостью Звездного Корпуса и...

- Она и так уже гордость. А вот если вы ее перетренируете, то она не будет не только гордостью Корпуса, но и пилотом вообще. Заканчивайте это, Фицхью. Орден заинтересован в пилоте Гамильтон, и если Мэри сорвется, я оторву голову ВАМ. Все ясно? Так, девочка, мыться и спать, немедленно. И не вздумай включать обучающую приставку, это приказ.

Поздним вечером того же дня Фицхью сидел в комнате, занимаемой Лореной Макдермотт, и злился. Не на кого-то конкретного, а вообще. Тем более что красотка-бухгалтер решительно приняла сторону сестры Агнессы, заявив, что, дескать, они тут все посходили с ума с этими попытками выжать из девчонки Гамильтон все, на что она способна, и что такое любопытство совершенно неуместно и не доведет до добра не только будущего пилота, но и Корпус в целом.

- Ты уж меня послушай, мужик. Угробить ее сейчас - раз плюнуть, это я тебе как пилот говорю. Малейший перекося, чуть-чуть перестараетесь, и организм пойдет вразнос. Она будет чем-то феноменальным, в этом уже сейчас нет никаких сомнений, и нечего валять дурака, форсируя ее сверх меры. Утром мы с Агнессой поговорим со Старшим, пусть накрутит хвосты медикам. А то ведь и впрямь слетит и тогда прости-прощай денежки, уже потраченные на ее обучение. Это я тебе говорю как бухгалтер.

- Уж лучше бы ты говорила, как женщина, - проворчал Фицхью, отчего сходство с волкодавом сделалось совсем уж отчетливым.

- А как женщина я тебе скажу, что если Гамильтон вылетит из Корпуса, не окончив курс, - форменная рубашка упорхнула куда-то в направлении платяного шкафа, - или вообще погибнет в процессе обучения, эта скотина Монро получит такой подарок, что лучше и не придумаешь, - майка последовала за рубашкой. - Алтея ему не дала, так он на ее дочке решил отыграться, сволочь злопамятная, - левый ботинок плюхнулся на порог санитарного блока. - Мне Агнесса кое-что порассказала на правах старой приятельницы. Думаешь, все эти бесконечные проверки просто так на нас сыплются? - правый ботинок, оскалившись застежками, замер на столике возле кресла, в котором сидел Фицхью, с удовольствием наблюдавший за процессом. - Он же даже не скрывает, что если "это отродье" отчислят, штатские придурки тут же оставят Корпус в покое. Ты что же, так стремишься доставить удовольствие этой поганой крысе?

На хищной, совершенно не приспособленной для выражения положительных эмоций, физиономии Фицхью вдруг расцвела насмешливо-нежная улыбка. Огромная лапища сгребла Ло-рену и неожиданно аккуратно переместила на койку.

- Я лучше доставлю удовольствие тебе, лапочка, - хрипло сказал он, откровенно любясь безукоризненной грудью.

- Это мысль, - рассмеялась Лорена, - но как же душ?

- Потом!

Мэри вышла из шлюза в коридор и недовольно покосилась на подпиравшую стены небольшую толпу. Событие нашли, как же! Хотя, с другой-то стороны, действительно событие. Десятый год обучения только начался, а она сдала сегодня последний экзамен за полный Курс Звездного Корпуса. Ей четырнадцать лет, в кармане ее комбинезона лежит сертификат пилота, торжественно оформленный Старшим Наставником прямо на борту учебного корвета, она доказала всем - и в первую очередь самой себе - что чистота крови не главное... теперь-то уж никто не посмеет назвать ее полукровкой. Впрочем, если хорошенько подумать, так ее не называли уже очень давно, и права сестра Агнесса - нечего

цепляться за старые обиды. Хоть на того же Рори О'Нила посмотреть - вон он, в первых рядах, улыбается так широко, что непонятно, как до сих пор не треснула круглая веснушчатая физиономия. Сейчас прыгнет и схватит. Точно.

- Мэри, это правда? Правда? Ты сдала?

- Сдала. Рори, нет! Немедленно поставь меня па место! Вы чего?! Ааааа! Здесь же по... толки... низ... ки... е-е-eee!

Коннор Фицпатрик с одобрительной улыбкой смотрел на происходящую в коридоре вакханалию. Тяжело пришлось с девчонкой. Чему он, дурак, радовался девять лет назад? Да с ней было труднее, чем с любыми пятью кадетами его взвода, на выбор! Один только характер чего стоит. Независимость и гордость - ладно, все они тут такие, но отчужденность, доходящая до мизантропии замкнутость и полное нежелание завязывать дружбу с однокурсниками... Твердая уверенность в том, что окружающие с трудом ее терпят (что уж там, поначалу так и было)... Острый, как бритва, язык, совершенно не желающий держаться за зубами ни при каких обстоятельствах - доказать любому сверстнику (и не только сверстнику), что он в сравнении с ней неуч, Мэри Гамильтон особого труда не составляло, а желания и так было хоть залейся... Что там дружба, вооруженное перемирие-то установилось далеко не сразу. Сколько драк ему пришлось разнимать курса примерно до третьего! Это уже потом, лет в восемь, когда к гибкости и скорости начала добавляться сила, девчонка стала противником настолько опасным, что ее хотя бы свои оставили в покое, которого она так упорно добивалась. О'Нил еще этот... Ведь как кошка с собакой, пока она ему два зуба не выбила - на курсовых соревнованиях, под приглядом Фицхью, строго в рамках правил! После этого парень резко ее зауважал. Наставник фыркнул, вспоминая случай, когда трое парней-канониров курсом старше попытались поучить жизни наглую задаваку, да вот беда - не учли, что конопатый увалень, не далее как неделю назад схлопотавший от этой самой задаваки полновесную зуботычину, встанет рядом с ней. А кулаки, в отличие от реакции, у Рори уже тогда были о-го-го. И какое прикажете накладывать дисциплинарное взыскание? А главное - кому и за что? Двум малькам, рядком уложившим противников возле столовой? Трем старшим, которые мало того что пристали к мелочи, так еще и не смогли с этой мелочью справиться? Они тогда с Дунканом Маккарти, наставником пострадавшей троицы, крепко выпили в баре одного из грузовых терминалов базы и решили дело замять. А то в самом деле чушь какая-то получается. Что уж там Маккарти своим толковал, Коннор не спрашивал. Хватило ему и того, что все его нотации и - что уж греха таить! - ругань разбились о непрошибаемое молчание этой парочки. Да и не так уж он был рассержен по большому-то счету. Гамильтон троих не испугалась (хотя Коннор всерьез сомневался, умеет ли чертова кукла бояться в принципе); О'Нил так и вовсе молодец, за своего товарища вступился. Тем не менее отношение к Мэри большинства оставалось прохладным. Но когда стали формировать пробные экипажи, тут-то и выяснилось, что неприязнь неприязню, а летать с Гамильтон хотят все. На прямой вопрос Фицпатрика почему, Рори от имени всех двигателистов и канониров взвода заявил, что Гамильтон из любой задницы вытащит, а насчет остальных он вообще не уверен. Естественно, девчонки-пилоты оскорбились до глубины души, и опять пришлось улаживать конфликт. Еле-еле удалось переориентировать девиц, сделать из раздражающего фактора пример для подражания... Ладно, пролетели. Только не совсем попятно, что дальше-то будет с кадетом Гамильтон. Курс она прошла, блестяще прошла, а что теперь? На Картан? Могут и не принять, мала еще. В монастырь? Вроде логично, но опять же возраст, там ведь придется летать без дураков, от ее умений и хладнокровия люди будут зависеть, не говоря уж о грузах драгоценного тариссита. Да и не растеряет ли она в повседневной рутине то, что все эти годы с таким упорством запихивала в свою, несомненно, светлую голову?

Крохотная клипса коммуникатора ожила в правом ухе Фицпатрика и он, выслушав приказ, с некоторым даже облегчением заторопился в отсек командования. Кажется, сейчас все прояснится.

- Мы должны стартовать немедленно, - сухо сказала сестра Агнесса. Станным образом

тихий голос тариссийки перекрыл гвалт, поднявшийся в зале совещаний после сделанного Старшим Наставником объявления, и наконец установилась тишина.

- Кто это - мы? - спросил Френсис Кемпбелл, краса и гордость Линии Инженеров Кемпбелл,

раздраженно похлопывая по ладони парой только что снятых белых перчаток: единственной слабостью Старшего была любовь к парадной форме.

- Я и Мэри Гамильтон. Я уже распорядилась подготовить мой корабль. Осталось только забрать девочку.

- Сестра Агнесса! При всем уважении к вам...

- Вот что, Кемпбелл. Давайте не будем тут меряться чинами и званиями и рассудим логически. Я понимаю, что Мэри для вас заноза в заднице, причем с того самого момента, как она была зачислена на первый курс. Чего я не понимаю, так это почему вы хотите разрушить все то, ради чего на протяжении девяти лет терпели эту самую занозу.

- Что значит- разрушить?! - Кемпбелл начал заводитьсь.

- А то и значит, что подписанный новым принципалом приказ отправить Мэри на Бельтаи в распоряжение генетической службы означает лишь одно: под предлогом изучения особенностей ее организма девочку сделают подопытной крысой и она никогда - никогда, Кемпбелл! - не станет настоящим пилотом. Вы для чего оформили ей сертификат? Чтобы его положили вместе с ней в могилу в самое ближайшее время? Вы не знаете этих чертовых экспериментаторов?! Тем более экспериментаторов, напрямую подчиненных Монро? - Сестра Агнесса разошлась до такой степени, что даже не заметила, как чертыхнулась. Показатель, однако... - Вы, конечно, можете и не знать, как наш новый принципал вел себя перед Испытаниями Мэри, но время них и после. Но уж поверьте мне: человек, подделавший результаты анализа крови для того, чтобы девочку не допустили к следующему этапу, не остановится. Про попытку о травить ее перед тестами на уровень физического развития я уж молчу. Доказательств, что это сделали по приказу Монро, у меня нет, но больше просто некому. В общем, делайте что хотите, а я ее забираю.

- Но приказ!

- Засуньте его себе в... куда хотите, но отправить девочку вниз вы сможете только через мой труп, - отрезала сестра. Ноздри тонкого носа раздувались, глаза опасно сузились, руки она держала за спиной, и что в них, никто не видел, но плечи напряглись до полного окаменения.

Лица наставников, слушавших перепалку, становились мрачнее с каждым произнесенным монахиней словом.

- Ну, вот что, - по обыкновению спокойно сказала Лорена Макдермотт. - Приказ есть приказ, но разбазаривать средства я не дам. Совет у нас, может быть, и богатый, а флот не так чтобы очень, и за здорово живешь профукать сумму, потраченную за девять лет подготовки кадета Гамильтон, я вам не позволю. Мне нравится девчонка, и всем вам она нравится тоже. В отличие от Монро, который не нравится никому из [[[отсутствующих. Так что я предлагаю откомандировать Мэри в распоряжение Ордена, промаркировав приказ о переводе часов за пять до получения распоряжения генетиков. Не смотрите на меня так, Кемпбелл. Со всеми мониторами слежения и станциями связи я разберусь, вы же меня и учили мухлевать с компьютерами, забыли?

Присутствующие заулыбались, сестра Агнесса немного расслабилась, Старший Наставник в последний раз хлопнул перчатками по ладони и резко кивнул, приняв решение.

- Отправляйтесь, сестра. Фицпатрик, пришлите девочку... - он покосился на монахиню.

- К шлюзу Р- -, - негромко подсказала та.

- К шлюзу Р- -. И наемните своим попрозрачнее, чтобы языками особенно не трепали. Ничего, как-нибудь отбрешемся, верно говорит мисс Макдермотт - не в первый раз.

Полчаса спустя крохотный двухместный орбитальный катер взял курс на астероидный пояс.

Глава III

- Марк, вы можете накрыть Бельтайн и "Гринленд" колпаком? Чтобы отсюда уходила только санкционированная информация?

- "Гринленд" - запросто, а вот Бельтайн не весь. Поселения - могу. А зачем? - Фортескью насторожился, но проявлялось это только в прищурившихся глазах. Пальцы жили собственной жизнью, кодовые группы одна за другой отсекались подтверждениями: он начал действовать, не дожидаясь ответа на вопрос.

- Хотя бы поселения, это уже кое-что. Мне не нравится время, выбранное Саммерсом для нападения. Откуда-то ведь он знает, что сейчас здесь нет никаких действующих армейских частей. Куда вы дели Монро, и в каком он состоянии?

- Запер в туалетной комнате его же собственных апартаментов. Когда я уходил, он уже шевелился.

- А коммуникатор там есть?

- Обижаете, капитан. - Фортескью скривил губы в невеселой усмешке. - Ни там, ни на нем. Я подумал - один паникер может наделать больше бед, чем десантный батальон.

- Вы правы. Но дело не только в этом. Боюсь, что паникерством в данном случае дело не

ограничивается. Вот хоть Моргана спросите - потом, на досуге. Будь я хоть на вот столько, - Мэри практически соединила большой и указательные пальцы, - уверена, что он только паникер... Ладно, к черту эту крысу, отобьемся - разберемся, сейчас надо собирать людей.

Мэри не сомневалась, что после объявления общей тревоги коммуникаторы всех без исключения резервистов настроены на частоту Совета. Устав вбивался на подкорку, действия в той или иной ситуации к концу первого года обучения становились автоматическими. Она даже фыркнула и покачала головой, представив себе, как кто-то отбрасывает половник, кто-то выпихивает покупателей из лавочки, кто-то спешно сажает машину или, наоборот, полным курсом несется к дому. Это Рори у нас уникам, а нормальные люди инструмент на поясе не носят, в кладовке хранят. А с другой стороны - ты бы сумела летать с экипажем, укомплектованным нормальными людьми? Только честно? Посмотревшись в зеркало? Нет. Вот и не фыркай.

- Капитан, - окликнул ее Малоун, - кто первый говорит с резервистами, я или вы?

- Давайте я, мне экипажи собирать и на орбиту их тащить, а ваши все тут остаются, - скупно улыбнулась она и решительно набрала код циркулярной связи.

- Всем пилотам, бортинженерам, канонирам частей резерва ВКС. Говорит капитан Гамильтон, командир корвета "Дестини". Система Та-риссы атакована флотом Джерайи Саммерса. Ориентировочное подлетное время - одиннадцать часов. В настоящий момент проводится набор шести боевых экипажей корветов для сопровождения эвакуационного транспорта ордером "Соломоне. На сцепке - я. Повторяю, требуются шесть экипажей корветов. Прошу пилотов выслать мне свои резюме. Бортинженерам и канонирам оставаться на связи, ждать дальнейших распоряжений. Резервистам частей пла-петарного развертывания перейти на частоту I ри-два-восемь, к вам обратится майор Малоун.

Мэри не успела еще договорить, а коммуникатор уже пищал, подтверждая прием сообщения... второго... третьего... Развернув виртуальный дисплей, она, скрестив ноги, уселась прямо на пол, раскурила "Восход Тариссы", привычно пристроила тонкую сигару в угол рта и принялась сортировать сыплющиеся горохом из мешка файлы. Кто-то - Лорена? - бесшумно подошел сзади и подставил под левую руку тяжелую вейвитовую пепельницу, бутылку ледниковой воды с тоником и тарелку сэндвичей.

Капитан скользила глазами по строчкам, по диагонали просматривая информацию. Отбросить всех старше сорока пяти - не справится с задачей. Отбросить всех, кто когда-либо, даже в формате легкого подозрения, интересовал Дядюшку Генри. Дядюшка, добрая душа, шагнул мимо нее к выходу из зала, едко переругивался с идущим в том же направлении

Фортескью и смотрел только на собеседника, но крохотный кристалл уронил точно в коленный сгиб (не зря же она так села!). Из оставшихся выбрать наиболее опытных, прошедших не одну кампанию, а среди них - тех, кому доводилось сталкиваться с пиратами. В идеале постараться оставить пары "первый пилот-второй пилот" теми же, что были во время прохождения действительной службы. Не запихнуть первый номер вторым или наоборот. Не поставить на корабль двух первых или двух вторых. И еще прикинуть, как распределить отобранных по лучам звезды.

- Вниманию частей резерва ВКС. Приготовьтесь к записи. Передаю расклад "Соломона". Альфа: первый пилот - Дина Роджерс, второй - Кора Макдональд. Бета: Джейн О'Лири, Фанни Тейлор. Гамма: Хелен Гордон, Лаура Мактавиш. Дельта: Кэтрин Харрис, Маргарет ОЛуни. Эпсилон: Вайолет Макгрегор, Энн Лоренс. Дзета: Роза Мангэм, Франсина Лоне-ган. Подбор двигатelistов и канониров оставляю на усмотрение пилотов. Повторяю, двигатelistы и канониры подбираются названными мною пилотами, мой коммуникатор прошу не забивать. Через четыре часа от текущего момента жду сформированные экипажи в заправочной зоне сектора восьмой базы "Гринленд". Предупреждаю сразу: судя по гримасам Маккинна, лететь придется на заезженных кадетами развалюхах, но Доггерти обещал сделать все возможное. Всем спасибо, выполняйте.

Мэри закинула руки за голову, потянулась всем телом и вдруг замерла посреди движения. Это было бы очень красиво, если бы не выражение ее лица.

- Так. А вот кто мне скажет - мы просьбу о помощи отправили? - произнесла она в пространство. Присутствующие переглянулись. Судя по всему, эта мысль никому из них в голову не пришла. Первым обрел дар речи Малоун:

- Нет. А смысл?

- А без смысла. Просто так. Откройте-ка капал, Терри. Всего на пару секунд, больше не требуется.

Малоун решил не спорить. Тем более что преда от посылки такого сигнала он не видел. Пользы, впрочем, тоже. Но выводить из себя единственного имеющегося на планете действующего первого пилота было не слишком разумно. И спустя минуту в черное безразличие Космоса и белесую муть подпространственных коридоров полетел древний, еще с Земли принесенный "Мау Эй": "Планета Бельтайн, система Тариссы, координаты... атакована пиратами. Просим помощи".

* * *

Сестра Агнесса, не моргнув глазом, позволила Мэри занять кресло пилота. Девочке было не слишком удобно: стандартный ложемент был рассчитан на стандартную фигуру, а Мэри была слишком длинноногой, со сравнительно коротким туловищем и широкими, больше подходящими юноше плечами. Отцовские гены, куда от них не денешься. А ведь она, судя по всему, еще растет... Ладно, в монастыре кто-нибудь из сестер, знающих, с какого конца берутся за отвертку, поколдует над ложементом того корабля, который выделяют малышке сох и ничего ж себе малышка... где ее содранные колени и острые локти?), а пока и так сойдет. Время, время, время. Надо убраться как можно дальше от базы, вытащить послушницу из монастыря куда как труднее, чем кадета из Корпуса. Сестра Агнесса не воевала ни единого дня, но Звездный Корпус в свое время закончила отнюдь не в числе последних по результатам и в полной мере обладала свойственным многим пилотам нюхом на жареное. Этот пикантный запах становился все слабее с каждой минутой и совсем исчез вскоре после включения автопилота. Оторвались.

Джастин Монро был в ярости. Над ним просто издевались! Чертовы вояки уперлись рогом, неисполнение приказа категорически отрицали, твердили, что отправили девчонку Гамильтон в монастырь Святой Екатерины задолго до распоряжения принципала, и вообще вели себя на редкость нагло. Кемпбелл недоумевал, какое дело Совету до внутренних дел

Корпуса и монастыря, грудастая сучка Макдермотт сыпала цифрами и жаловалась на недофинансирование, а невесть зачем притащенный на Совет Фицхью - вы только посмотрите в его глаза! Это же настоящий убийца! - рычал, как рассерженный пес. И, словно мало было откровенного, едва прикрытого вежливыми фразами и ссылками на Устав, неповиновения наставников Корпуса... Сейчас спину принципала неотрывно сверлил острый, как вейвитовый скол, взгляд майора Моргана, проклятого выскочки, совсем недавно принявшего командование над всеми полицейскими силами Бельтайна. Что касалось упомянутого майора, то он не мог дожидаться окончания заседания Совета. Слова "лучший пилот" и "монастырь" непрерывно крутились в его голове, и ему хотелось вскочить и броситься вон и.) зала. Кажется, он нашел решение своей проблемы.

Майора Моргана звали Генри, и сей незамысловатый факт доставлял ему огромное удовольствие. Когда-то, много лет назад, смывленный подросток приглянулся полицейскому инспектору, курировавшему трущобный район Нью-Дублина. Опытный служака по каким-то одному ему известным признакам определил, что из упрямого юнца может выйти толк - если, конечно, забрать его с улицы прямо сейчас. В результате делу о взломе бакалейной лавчонки так не был дан ход, а семнадцатилетний лоботряс после задушевной беседы и пары подзатыльников отправился не на вейвитовые карьеры, а на подготовительные курсы полицейской школы. Там-то въедливый старикашка, пытавшийся заинтересовать будущих стражей порядка земной историей, и упомянул о том, что Генри Морган - имя знаменитое, вовсе не подходящее какому-то засранцу. Заинтересованный засранец скачал из библиотечной сети всю информацию о своем прославленном тезке, какую только сумел найти, и впечатлился. Правда, его несколько смущало, что пресловутый сэр Генри Морган на заре своей карьеры был пиратом, но потом-то он стал губернатором!

Не то чтобы будущий командующий рвался в губернаторы, но и возвращаться в уличную банду он не имел ни малейшего желания. Здравое рассудив, что еще одного шанса выбиться в люди ему не предоставят, - и этот-то был чудом! - Генри взялся за учебу. Служба в патруле сменилась Высшим полицейским училищем. Вслед за первым офицерским чином последовал второй. Начальство он раздражал своей склонностью повсюду совать нос и полной неспособностью идти на компромисс. Выгнать его было не за что, приходилось отправлять на повышение, и в итоге он оказался в офисе командующего полицейскими силами планеты, быстро продвинувшись до третьего зама. Работы было больше, чем времени для ее выполнения, но Морган не жаловался. Он любил Бельтайн. И слишком хорошо видел, что на планете начинает твориться неладное. Это самое неладное рано или поздно проявлялось в любой колонии. Бельтайну еще повезло. На многих планетах серьезные неприятности начинались задолго до того, как численность населения переваливала за полсотни миллионов. Но на Бельтайне жило уже почти семьдесят миллионов человек и случилось то, что и должно было случиться. Линии все больше становились закрытой кастой. Очень немногие могли рассчитывать войти в них даже в качестве генетических партнеров. Подавляющее большинство населения варилось в собственном соку без какой-либо перспективы не улучшения даже, а просто изменения своей жизни. А там, где у людей нет реально осуществимой мечты, начинаются безобразия. И, разумеется, безобразия начались.

На глазах Моргана тихий, патриархальный мир становился перевалочной базой для торговцев наркотиками и живым товаром. С планеты начали исчезать люди, все, как на подбор, молодые и здоровые. Одна хорошенькая девчонка может загулять и уйти из дома. Две. Десяток. Сотня. Когда таких девчонок уже полторы тысячи за год - дело нечисто. То же касалось и юношей. А невесть кому принадлежащие корабли, приземляющиеся и стартующие по ночам? А появляющиеся как минимум дважды в год новые разновидности дури? Мор-кш - тогда еще капитан - вручил лучшему из имевшихся в распоряжении полиции аналитиков скрупулезно подобранный материал и бутылку виски восемнадцатилетней выдержки. с)знакомился с выводами, допил бутылку, не осиленную аналитиком, достал из сейфа еще одну и решил, что если не взяться за дело немедленно, Пространство Лордан

потеряет статус самого поганого местечка по эту сторону Млечного Пути. В пользу Бельтайна, хотя какая уж тут может быть польза. То, что устроило вверенное Моргану подразделение по борьбе с преступлениями против личности сразу после того, как у капитана прошло похмелье, любители покричать о правах человека немедленно нарекли террором. Капитан вполне резонно возражал, что когда ребенка страшно спускать в школу - это террор. А когда промышляющий в школе пушер совершенно случайно получает предупредительный выстрел в голову при попытке к бегству, то это не террор, а закономерный венец карьеры. Его пытались урезонить - он не обращал внимания. Кого пытались подкупить - он до полусмерти избил того, кто явился к нему с "деловым предложением". В него неоднократно стреляли, но убить так и не получилось, а выйдя из госпиталя, он снова брался за свое. Отставные десантники, которых служба в полиции спасала от монотонной бесцельности штатского существования, молились на него. Он становился силой, с которой приходилось считаться, но...

Выросший на улице Морган не был дураком. Те, кого ему удавалось взять, были мелочью. Поставщикам наркоты и работоторговцам, появляющимся и исчезающим на легких, маневренных кораблях класса "земля-космос", людям Моргана нечего было противопоставить. Чем дальше, тем яснее становилось, что полиции нужен собственный флот аэрокосмических истребителей. Лучше всего подошли бы "Сап-" сапы", выпускаемые верфями Ново-Архангельска, но стоили они... Тогда еще питавший какие-то иллюзии капитан подготовил доклад для Совета, поскольку фондов полиции на покупку кораблей хватить не могло даже теоретически. Его записка была заслушана на одном из заседаний. Предложенные меры были одобрены. Ему пообещали, что требуемые средства будут предусмотрены в ближайшем бюджете и... Разумеется, нашлись куда более насущные траты. Раз. Другой. На третий год капитан Морган понял, что деньги у него будут только те, которые он раздобудет сам. И, как это часто бывает, Судьба дала шанс человеку, крепко взявшему ее в свои руки. Может быть, Морган понравился Судьбе. А может быть, руки оказались излишне крепкими, и она просто хотела, чтобы этот зануда наконец от нее отвязался и перестал осыпать проклятиями. Так или иначе, Моргану сообщили, что на Бельтайне объявился Мануэль Мерканто.

Первопроходцы случаются в любом деле. И! в зависимости от того, увенчалось ли дело успехом и каким именно, одни из них получают в конце пути безвестную могилу, другие - ордена или память благодарных потомков (совместить ордена с благодарной памятью удастся лишь немногим счастливицам). Третьи же... Третьи получают виселицу или любой ее эквивалент, принятый там, где застанет их упомянутый уже конец пути. Мануэль Мерканто принадлежал к третьим. Ну скажите, кем, кем надо быть, чтобы, захватив корабль с находящимися в числе прочих пассажиров тремя сотнями выпускниц института благородных девиц с Кремля, не отпустить его немедленно с извинениями и расшаркиваниями? Должно быть, правы были те, кто говорил, что Мерканто псих. На что он рассчитывал? На то, что Империя пошумит-пошумит, да тем все и кончится? Заявит его в межзвездный розыск и успокоится на этом? Ах, можно подумать, как все страшно! Он разыскивается половиной миров Лиги Свободных Планет, что ему еще одно назначение награды! Однако на сей раз Счастливчик Мануэль крупно просчитался. Те, кто учил его, что условием успешной или хотя бы долгой жизни является никогда, ни при каких обстоятельствах не связываться с русскими, говорили дело. Император объявил Мануэля Мерканто своим личным врагом. Сумма, указанная в качестве награды не то что за поимку, а просто за предоставление информации о его местонахождении, была именно астрономической - планету не планету, но вполне приличный легкий эсминец имперской постройки на эти средства можно было купить за просто. Перед Мануэлем неожиданно захлопнулись все двери, а самые проверенные партнеры отказались иметь с ним что-либо общее. Наиболее интересное состояло в том, что заправила Пространства Лордан, быстро разобравшиеся, кого именно привез им постоянный поставщик, не только не выплатили Мерканто оговоренную сумму, но и попытались его задержать еще до того, как император

сказал свое слово. Девушки были немедленно отправлены на Кремль на личном корабле донна Лимы, а на Мерканто, которого уже никто, даже в насмешку, не называл Счастливым, началась форменная охота.

Бог весть почему он выбрал Бельтайн в качестве норы, в которой можно отлежаться. Может быть, полагал, что сравнительно молодой преступный мир планеты не рискнет что-то предпринять против признанного корифея, а на любую полицию он не первый год клал с прибором. Да и о командующем планетарной полицией ему доводилось слышать немало хорошего. Хорошего для пирата, разумеется, что, собственно, и требовалось... Так или иначе, упрямый и цепкий как бульдог сбыла, говорят, такая порода собак на старой Земле) капитан Генри Морган в расчеты Мерканто не входил. А зря.

Голос информатора срывался, руки законченного наркомана тряслись то ли от страха, то ли от ломки так, что крохотный прозрачный паке-

гик с единственным волоском внутри чуть не упал на пол.

- К... к... клянусь вам, капитан, это он! Вот... проверьте...

- Проверю. Сиди здесь и не рыпайся. Дозы нет, могу предложить виски. Будешь?

- Д... д... да, б... б... буду.

Морган из последних сил не пускал на лицо брезгливую гримасу. Это опустившееся существо оказало ему услугу. Стоп, еще не оказало. Сначала надо сравнить волосок из пакетика с ДНК-граммой Мерканто, разосланной Империей вместе с объявлением о награде. Портативный анализатор у него был, но ему нужна была полная уверенность. Не доверяя никому, Морган под каким-то липовым предлогом зашел за пару часов до полуночи в Управление, с самым независимым видом прикрыл за собой дверь лаборатории и запустил сравнительный анализ. И не позволял себе никаких эмоций до тех пор, пока не увидел на экране заветное: "Совпадение - %". Остальное было делом техники, что бы там ни думал о своей способности скрываться знаменитый работородец.

Так и получилось, что в ту же ночь элитный батальон полиции поднялся по тревоге. Красивая - и дорогая - вилла на одном из частных островков Западного архипелага была в мгновение ока разобрана буквально по камушку. Вытащенный на поверхность из комфортабельного подземного убежища человек совершенно не походил на Мерканто ни лицом, ни фигурой, ни тем более прической, но ДНК-грамма... ДНК-грамма вопила: "Это он! Это он! Он!!!"

Уже совсем под утро - хорошо, хоть ночи зимой длинные! - закованный в силовые наручники пленник был надежно заперт в подвале дома Морганов: с год назад у заместителя командующего планетарной полицией появилось постоянное жилье, служебное, но все-таки. Правда, бывал он в этом доме в лучшем случае раз в неделю и вообще не очень-то понимал, на кой он ему сдался. Поспать и принять душ можно было в любом полицейском участке. Рубашки сдавал и получал из прачечной молодой порученец, которого Морган присмотрел на улице, как когда-то присмотрели его самого. В домашних обедах он не нуждался, поскольку не помнил их вкуса, семьей обзаводиться не спешил, не желая давать противникам возможность для шантажа и подставлять близких людей, а свободного времени у него не было вовсе. Коротко говоря, дом ему был не нужен. До сегодняшней ночи. Теперь предстояло самое главное.

Дежурный сотрудник русского консульства на Новом Амстердаме наотрез отказывался будить господина консула, требуя назваться и изложить дело ему. Или подождать до начала рабочего дня, которое наступит через девять стандартных часов, - но у господина консула очень плотное расписание, на вашем месте я бы не рассчитывал на то, что у него найдется время для разговора с анонимом! В конце концов Морган вышел из себя - время работало против него, в любую минуту ночным рейдом мог заинтересоваться шеф, а ему Генри ни на ломаный пенс не верил с тех пор, как пару лет назад полюбовался коллекцией статуэток в доме, принадлежащем шефу лично. Каждая из добрых трех сотен фигурок стоила как минимум полугодового жалования Морганов.

Приблизив лицо почти вплотную к экрану, он прошипел с такой угрозой, что

собеседник даже попятился:

- Слушай меня внимательно, крыса канцелярская. Если тебе дорого место, которое греет твоя драгоценная задница, ты немедленно разбудишь консула и скажешь ему всего два слова - Мануэль Мерканто. Я жду ответа не больше трех минут, ты понял?!

Морган блефовал. Дороже русских за Мерканто не заплатил бы никто, деньги были отчаянно нужны, и на самом деле он был готов ждать и пять минут, и пятьдесят... Прошло полторы.

- Меня зовут Михаил Авдеев. Я являюсь консулом Российской империи на планете Новый Амстердам, - сухощавый мужчина лет семидесяти, с седыми висками и щеточкой усов, требовательно уставился на Моргана. Его уник был безукоризнен и не шел ни в какое сравнение с уником Генри, вечно забивающего на занятия языками, и без того спать было некогда. - Вы назвали некое имя...

- Да, сэр, назвал. Вы можете обеспечить дополнительную защиту этого канала? - Морган старался не позволить усталости пробиться сквозь спокойную деловитость. Авдеев и глазом не моргнул, но лежащий у правого локтя Моргана детектор защиты связи выдал такой уровень закрытости, на который, судя по упавшему вправо изображению стрелки, вообще не был рассчитан. Капитан одобрительно чертыхнулся.

- Вы готовы принять информационный пакет?

- Готов, - кивнул консул.

Морган выдохнул и отправил в короткий путь через подпространство сравнительную ДНК-грамму. Через несколько минут, показавшихся ему нестерпимо длинными, Авдеев перевел взгляд со вспомогательного монитора снова на Моргана.

- Ваш родной язык - кельтик? - неожиданно спросил русский и Генри понял, что пришло время идти ва-банк.

- Капитан Генри Морган, Бельтайн, заместитель командующего планетарной полицией. Господин полковник.

- Ого! - развеселился консул. - Да вы молодец, капитан! Как определили?

- Не знаю, - пожал плечами Морган, - само на язык попросилось. Я ведь полицейский... Так вас интересует Мануэль Мерканто?

- Безусловно. Вам известно, где он?

- Известно. Он у меня. Жив и здоров. Ну, здоров относительно... - Генри выразительно посмотрел на полковника. Тот понимающе кивнул.

- Вы намерены передать его Империи?

- Намерен. В любом желательном для вас состоянии: живом, замороженном, в виде пепла...

- Живой предпочтительнее. Где и когда? - судя по всему, терять время русский контрразведчик - так определил для себя его специализацию Морган - не собирался.

Как можно скорее. Я действовал в обход начальства и вовсе не уверен, что если я протяну время, Мерканто у меня не перехватят.

- Гм... - Голос полковника ощутимо похолодел, - а позвольте полюбопытствовать: в данном случае вы выступаете как частное лицо?

- Нет. Я выступаю как офицер полиции, не желающий видеть, как его дом превращается в свалку галактического мусора. Вы согласны с тем, что люди, подобные Мерканто, - мусор?

- Несомненно.

Консул скосил глаза влево, где, как думал Морган, ему вывели на дисплей какую-то дополнительную информацию. Он даже догадывался - какую именно.

- Очень хорошо, капитан. Как желаете получить положенную вам награду?

- Пока никак. Деньги как таковые меня не интересуют. Но, возможно, вы согласитесь выступить в качестве моего агента? Давайте обсудим это после передачи Мерканто.

- Что ж, господин Морган, можно и обсудить. Что касается передачи, то мои люди смогут быть на Бельтайне через тридцать семь стандартных часов.

- Нет, на Бельтайн им спускаться не стоит, - покачал головой Морган. - Передать вам Мерканто так, чтобы у вас не возникло проблем с дальнейшей отправкой, а у меня - с дальнейшей службой, я смогу только на базе "Гринленд". Через... дайте подумать... через тридцать девять часов я буду ждать вашего человека в баре "Крошка Молли" у выхода из грузового терминала Б-. Как я узнаю его?

- Вот он. - Консул повел безукоризненно выбритым квадратным подбородком и в обзорную зону вошел невысокий жилистый человек внешности столь неприметной, что Морган невольно улыбнулся. Да уж, с таким связным неприятностей не будет, его не запомнит никто и никогда. Он передаст вам привет от тетушки Роберты, - невозмутимо продолжил русский, от которого не укрылось не только внезапное веселье собеседника, но и, похоже, его причина.

- Не годится. Я сирота и не хочу впоследствии отвечать на вопросы о мифических тетушках, если нас подслушают. Давайте так: он скажет, что достал то, о чем я его просил. Это никого не удивит - информаторов у меня много и встречаюсь я с ними где и когда угодно.

- Договорились, капитан. Я свяжусь с вами через пятьдесят пять стандартных часов.

Теперь Моргану оставалось только выиграть время. Способ, который с довольно большой долей вероятности гарантировал ему необходимую свободу действий, Генри категорически не нравился, но выбора не было. По крайней мере, вымотавшийся за последние сутки капитан вариантов не видел. Поэтому шесть часов спустя он совершенно намеренно попался на глаза шефу, был немедленно взят под локоток и препровожден в кабинет. Секретарше - умопомрачительной пышногрудой красотке, белокожей, рыжеволосой и зеленоглазой - было приказано не беспокоить ни под каким предлогом.

- Ну-с, Генри, - сказал Джошуа О'Коннелл, указывая заместителю на кресло и придвигая коробку сигар, - что за шум был ночью на Западном архипелаге?

Морган был уверен, что о личности его пленника шеф не имеет ни малейшего представления: О'Коннелл никогда не забивал себе голову такими глупостями, как сводки межзвездного розыска. Теперь все зависело от того, сумеет ли он скрыть свое отношение к некомпетентному взяточнику и качественно изобразить подчиненного, наконец-то начавшего играть по установленным начальством правилам. Он двусмысленно улыбнулся, закурил предложенную сигару и откинулся на спинку кресла.

- Никакого шума, шеф. Все абсолютно штатно.

- А как же ваш подопечный?

- Какой подопечный? - капитан напустил на лицо преувеличенно невинное выражение, фальшивое настолько, что даже О'Коннелл должен был заметить. Тот, разумеется, уже знал, что захваченного человека Морган, против обыкновения, не пристрелил на месте, а увез с собой и где-то припрятал. Стало быть, тут открывалось пространство для торговли. Или в этот раз не торговаться? В конце концов, строптивый капитан все-таки внял многочисленным подсказкам и взялся за ум, а это следовало поощрять, надоел уже этот принципиальный служака. Вот и следующий раз можно будет и в долю войти, сейчас черт с ним, пускай наслаждается первыми в жизни приличными деньгами... Все эти мысли так ясно читались на уже слегка обрюзгшей физиономии О'Коннелла, что у Моргана от ненависти засосало под ложечкой, - Никаких подопечных у меня нет и быть не может, я же честный кон! - Тут он позволил себе хохотнуть с таким видом, что шеф окончательно успокоился.

- Никаких подопечных? Ну что ж, Генри, будь по-вашему, никаких подопечных! - одобрение в голосе О'Коннелла было липким до тошноты. - Вам требуется какое-то содействие?

- В чем, сэр? Ведь никаких подопечных нет! - Генри изо всех сил напускал на себя деловой вид, старательно добавляя глазам жадного блеска. О'Коннелл клянул, клянул, клянул!

- Отлично, Генри. Я очень рад, что мы с вами наконец-то поняли друг друга. Но учтите, такие мероприятия впредь следует согласовывать со мной, - покивал шеф, выделяя голосом

слово "такие". Морган вскочил и щелкнул каблуками. - Можете идти. Удачи вам в вашем начинании.

- Ваши бы слова - да Богу в уши, сэр! - совершенно искренне воскликнул капитан и отправился отсыпаться в свой кабинет. За самочувствие и сохранность Мерканто он не волновался: еды и питья он оставил достаточно, сортир в подвале также имелся, как и хорошая звукоизоляция (синтересно, для каких целей устроил их там предыдущий жилец?). Вскрыть же замок на двери, настроенный одним из самых крупных на планете специалистов по запорным устройствам, без участия хозяина жилища было крайне затруднительно снаружи и решительно невозможно изнутри. А вот привлечь внимание к дому он совершенно не собирался.

Немногим больше суток спустя заблаговременно прилетевший на "Гринленд" капитан Морган сидел в битком набитом баре, расслабленно прихлебывая очень даже неплохое пиво и исподтишка постреливая глазами по сторонам. Время для встречи с имперским посланником он выбрал вполне сознательно. База "Гринленд" не затихала никогда вообще, но несколько раз в течение суток происходила пересменка, превращавшая заведения вроде "Крошки Молли" в сущий бедлам, отследить в котором кого-либо было решительно невозможно. Мануэль Мерканто, доставленный на орбиту в качестве багажа (синогды и наркотики могут пригодиться для доброго дела), ждал своей участи в одном из громоздких сейфов для особо ценных грузов, каких немало было в терминале Б-. Должно быть, Генри задремал - хотя как можно было уснуть в таком гвалте? Так или иначе, слова: "Я достал то, о чем вы просили, сэр!" прозвучали совершенно неожиданно. Морган лениво повернулся на высоком табурете, окинул взглядом невысокого жилистого мужчину с абсолютно неприметной внешностью, кивнул и направился к выходу из бара, не проверяя, следует ли русский за ним. Войдя в терминал, капитан так же неторопливо прошествовал в отсек, занимаемый индивидуальными сейфами, и только тут оглянулся. Невзрачный человек стоял в двух шагах от него, весьма успешно изображая собой не то стойку дежурного, не то багажную тележку. Во всяком случае, даже Моргану, знавшему, что его спутник здесь присутствует, стоило немалого труда сосредоточиться на этом знании.

Морган подошел к одному из сейфов, поколдовал над замком и жестом предложил своей странной тени пройти в небольшой тамбур. Дверь закрылась за их спинами. Генри открыл вторую и продемонстрировал сидящего внутри крохотной комнатки пленника русскому, который вежливо отстранил капитана и сделал соскоб кожи Мерканто непонятно откуда извлеченным скальпелем. Подсоединив к разъему на ремне крохотный анализатор (Морган только завистливо вздохнул, его бы ребятам такую технику!), посланец консула удовлетворенно кивнул и протянул полицейскому как по волшебству опустевшую ладонь, которую тот с удовольствием пожал.

- Благодарю вас, капитан Морган. На редкость приятно иметь дело с таким коллегой, как вы. Полковник Авдеев свяжется с вами в оговоренное время. Частота та же?

- Та же. Я вам больше не нужен?

- Нет, капитан. Еще раз благодарю, дальше мы сами.

Морган развернулся и направился к выходу из терминала. Дел было по горло, а пропустить сеанс связи с Авдеевым он не имел ни малейшего желания.

Точно в назначенное время Морган, вот уже полчаса нетерпеливо расхаживающий перед экраном коммуникатора, услышал сигнал вызова на оговоренной частоте. Выровняв дыхание и тщательно придав своему лицу выражение полнейшего спокойствия, он прикоснулся к сенсорной клавише. Защита канала опять зашкаливала, так что он мог без всяких опасений ответить на приветствие русского консула. За время, прошедшее с их предыдущего разговора, Авдеев совершенно не изменился внешне, но его тон не оставлял никаких сомнений в том, что капитан Генри Морган отныне числится если не в друзьях, то в крайне желательных партнерах.

- Приветствую вас, капитан. Счастлив сообщить вам, что его величество уполномочил меня передать вам его личную благодарность.

- Передайте его величеству, что я польщен и счастлив оказанной мне честью.

Просмотревший накануне пару файлов, содержащих информацию о Российской империи вообще и заведенных там порядках в частности, Морган отнюдь не кривил душой. Благодарность императора, тем более - личная благодарность, дорогого стоила не только в Империи, но и за ее пределами. Не то чтобы Генри Морган сомневался в получении обещанной награды. Но личная благодарность императора делала более чем вероятным ее получение именно в той форме, которая устраивала полицейского капитана.

- Непременно. Теперь о деле. В нашей первой беседе вы упомянули, что деньги вас не особенно интересуют, и предложили мне стать вашим агентом. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что вы хотите получить нечто, имеющееся в распоряжении Империи. Так что я могу сделать для вас, капитан? - с формальностями было покончено, начинался серьезный разговор.

- Захват Мерканто - несомненная удача полиции Бельтайна и я рад, что сумел оказать Империи эту услугу, - обстоятельно начал Морган. - Однако удача, как известно, в любой момент может отвернуться. Я нахожусь в крайне сложном положении, полковник. Мерканто - крупная рыба, но и о более мелких хищниках не стоит забывать. В последние несколько лет уйма мерзавцев классом ниже шляется по моей планете, как у себя дома. Их корабли с легкостью приземляются в заданной точке и столь же легко уходят на орбиту и дальше от преследования атмосферников, имеющихся в распоряжении моих людей. Мне нужны аэрокосмические истребители, а выбить деньги из нашего Совета при доброй дюжине положительных резолюций я не могу третий год.

- Понимаю. Хорошему музыканту нужен хороший инструмент, а вам приходится играть на сущих дровах. Понимаю, - полковник серьезно кивнул. - Вы уже решили, что именно вам нужно?

- Я решил это давно. Мне нужны десять "Сапсанов" работы верфей Ново-Архангельска.

- Двенадцать, - невозмутимо поправил его Авдеев. - Сумма, объявленная в качестве награды за поимку Мерканто, позволяет вам купить двенадцать кораблей последнего поколения.

- Десять, полковник. Десять - и полноценное обучение двадцати сменных пилотов.

- Угу, - консул всей горстью взялся за подбородок и примерно минуту молчал, что-то прикидывая в уме. - Ну, с пилотами так вообще никаких проблем. Через сто сорок три стандартных дня начинается очередной учебный год в Имперском летном училище на Белом Камне. Если вы успеете отобрать будущих пилотов, я с удовольствием помогу вам переправить их, не привлекая внимания вашего начальства.

- Благодарю, полковник, внимание начальства, действительно, лучше не привлекать, по крайней мере, пока, - Морган ничуть не удивился проницательности консула. Было вполне естественно, что не только он наводил справки в промежутке между двумя беседами.

- Что же касается кораблей... Верфи на Ново-Архангельске обеспечены заказами на годы вперед, но я подумаю, что можно будет сделать. К тому времени, как ваши протеже закончат учебу, корабли у вас будут, даю вам слово дворянина. А если, скажем, мне удастся ускорить процесс? Пилоты у вас найдутся?

- Найдутся.

Морган ни секунды не сомневался в сказанном. В самом деле, что может быть проще, чем найти хорошего пилота не где-нибудь, а на Бельтайне?

Две сотни дней спустя он уже не был так уверен в этом. За это время многое произошло. Джошуа О'Коннелл был найден мертвым в своем уютном доме в пригороде Нью-Дублина. В тот же день два его заместителя подали в отставку и оставалось только гадать о причинах. С гаданиями Морган покончил довольно скоро и достаточно быстро частным порядком попросил об услуге великую и ужасную Лорену Макдермотт, но легче от этого не стало. Неожиданно для самого себя Генри Морган стал майором и - что казалось уж вовсе невероятным - сел в кресло покойного О'Коннелла. С наиболее наглыми взяточниками он разобрался быстро: схемы, четко прописанные Лореной, давали ясную картину

горизонтальных и вертикальных связей. Восхищенный сочетанием сногшибательной красоты с острейшим умом, Морган даже рискнул пригласить ее на свидание - дескать, если пошлют в голубые дали, так не кто-нибудь, а сама мисс Макдермотт! Лорена согласилась, и последовавшая за вечером ночь стала одним из немногочисленных светлых пятен в сплошной свистопляске свалившихся на него забот. Генри расставил на ключевых постах людей, которым мог доверять, теперь уже совершенно открыто отправил на Белый Камень двадцать новобранцев полицейской школы пилотажа, вплотную занялся чисткой рядов и тут, как гром среди ясного неба, пришло сообщение от Авдеева: верфи Ново-Архангельска выполнили заказ полиции Бельтайна. Перебросить часть атмосферников на запасные стартовые поля, чтобы освободить место для "Сапсанов", труда не составило. Как и отправить за счет оказавшихся в его распоряжении фондов полиции дюжину молодых техников на Ново-Архангельск для изучения особенностей техобслуживания новых кораблей. А вот подобрать пилотов...

В силу отсутствия необходимости он никогда раньше не задумывался о том, как устраиваются на гражданке ушедшие в запас пилоты экспедиционных корветов. А следовало бы задуматься. Потому что совершенно неожиданно выяснилось, что изрядная их часть служит в частных компаниях, существующих исключительно в виде названий... Мастерство, с которым уходили от преследования корабли драгшлеров и торговцев людьми, получило свое неприглядное объяснение. Он долго не мог взять в толк, что двигало этими людьми - этими женщинами! - когда они принимали предложения работы от преступников. Или они не понимали, с кем имеют дело? Вздор, Корпус не выпускает дураков, вот хоть на Лорену посмотреть. Да, Лорена... Именно Лорена во время очередного свидания объяснила ему, что к чему, когда они лежали в темноте в комнате маленького отеля.

- А чего ты хотел, мужик? Дело же не в деньгах, пенсия у пилотов щедрая. Щедрая, но ранняя. Средняя продолжительность жизни - полтора ста лет, а пилотов отправляют в резерв максимум в тридцать пять. Максимум! Ты вообще-то представляешь себе, что такое бельтайнский экспедиционный пилот? Что такое его организм, его психика, счастье каждой его клеточки, когда он сливается со своим корветом, сам становится кораблем, а корабль - им? Там, среди звезд, в боевых ордерах, ты первая после Бога. И даже не после, а рядом. И вот подходит пенсия. И неожиданно выясняется, что ты, со всеми твоими навыками и знаниями, с твоей адреналиновой наркоманией и умением рисковать, не нужна никому... В грузоперевозки нас берут неохотно, мы ж психи... На пассажирских кораблях мы тем более не нужны, там своя специфика. Ну разве что в курьеры податься либо в личные пилоты, да и то... Кому-то удастся пристроиться служить туда, где не могли платить за действующие экипажи, вот только ни канониры наши, ни бортинженеры там не нужны, своих хватает, да и стоят свои дешевле... И ты, которая еще вчера была для твоих людей и матерью, и старшей сестрой, и Девой Марией, вдруг оказываешься среди чужаков, которым нужен пилот - и только. Да, прими-ка еще во внимание, что приходится летать на кораблях, не предназначенных для бельтайнок, они ведь дорогие, а с твоего-то корабля тебя списали, на нем сейчас летает кто-то другой... Ты не интересовался статистикой, сколько пилотов, ушедших после выхода в запас на контракт, бьется в первый же год? Или спивается к чертовой матери за тот же отрезок времени? Поинтересуйся. А после родов? Задрали, понимаешь ли, планку: хорошо летают только девственницы, сносно - нерожавшие! И кому какое дело, что это по-настоящему важно только в астероидном поясе Тариссы, такой уровень больше нигде не нужен - более поганое местечко для полетов мне не встречалось... Выброшенные на берег рыбы, вот мы кто. А тут приходит добрый дядя. Или тетя, не важно. И говорит: "Девочка, вот тебе корабль!", и добавляет, что дело рискованное, как раз для экспедиционного пилота. И им, заметь, все равно, рожала ты или нет: для их целей твоего мастерства хватит. Правда, веселый выбор: спиться, сторчаться, сойти с ума... Или, не слишком заморачиваясь моральной составляющей - а что ты вообще знаешь о морали обычных людей? - заниматься тем, для чего тебя целенаправленно зачали, родили, воспитали и выучили. Что, по-твоему, выбирают девчонки? Они, между прочим, люди, хоть и

ничейные! Они жить хотят, а не существовать! Плевать они хотели на твои представления о законности и на всех нелинейных заодно...

- А как же ты? - негромко поинтересовался Морган, когда Лорена перестала всхлипывать.

- Я исключение. Из-за меня в свое время, на последнем курсе, Звездный Корпус только что не подрался с Исследовательской Секцией. Сестра вон в Корпус по физическим стандартам не прошла, а Секция ее подхватила, и посмотри, какой она биохимик! Закачаешься! И адреналин в цифрах ловлю. И потом, не забывай, я-то вернулась в Корпус, я могу летать на корветах, хоть иногда...

- А почему раньше, лет двадцать назад, они не нанимались ко всякой шушере?

- А потому, что такой шушеры не было. Или шушера не нуждалась в пилотах. А теперь нуждается.

- Как и я.

- Как и ты.

И майор Генри Морган окончательно уяснил для себя, что пилотов у него нет.

Глава IV

- Мэри, а Мэри... Ты бы и впрямь поспала, что ли... - Лорена Макдермотт каким-то образом ухитрялась сочетать на красивом, не тронутом еще увяданием лице сочувствие и неодобрение. Сочувствие относилось собственно к Мэри, неодобрение - к пятому окурку сигары, только что отправившемуся в пепельницу - Все равно до вестей от Ваноры часа два, не меньше. Монастырь передал, что у них все тихо, похоже, не рискуют соваться, пока с нами не разобрались. Идут спокойно, наши расчеты по времени не меняются... Давай я тебя провожу, тут есть комнаты отдыха.

Мэри вздохнула, поднялась на ноги и последовала за Лореной. В небольшой комнате за Залом Совета она сняла ботинки и ремень, опустила до середины груди застёжку комбинезона, убедилась, что строгое внушение на организм не подействовало, приняла капсулу, потом, подумав, вторую, и улеглась на просторный диван. Сон не шел. То ли перенервничала, то ли перекурила... А может быть, это просто страх? Страх перед тем, что случится, если ее тело не возьмется за ум в самое ближайшее время? Будем надеяться, что все-таки не страх. Мэри Александра Гамильтон боится смерти?! Курам на смех!

Она опустила веки, чтобы дать отдых глазам, и в который раз - задумалась над тем, как р ложилась бы ее жизнь, если бы лет триста пятьдесят назад в поясе астероидов не были открыты залежи тариссита. Если бы в астероидах без потерь могли летать не только девственницы с искусственно отрегулированным гормональным балансом (выброс гормонов во время неконтролируемого полового созревания и, особенно, в момент первого контакта ощутимо снижал способности пилотов). Если бы Констанс Макдермотт, прапра- и так далее бабушка Лорены, не додумалась использовать тарисситовые импланты для повышения скорости и качества мыслительных процессов. Если бы не сформировались Линии, мало чем отличающиеся по функциям от питомников породистых животных - не даром же в бельтайнском разделе портала Галанета, посвященного найму армии, к каждому внесенному в списки прилагалась подробнейшая родословная. Уже будучи слушателем Академии Свободных Планет на Картане она любопытства ради просмотрела историю Линии Гамильтон по родословным - до того не было ни времени, ни желания. Судя по всему, искусственное оплодотворение являлось любимым методом Генетической Службы - слишком часто годы жизни отцов категорически не совпадали с годами жизни матерей. У Мэри даже возникло подозрение, что за последние сто двадцать лет она первый ребенок в Линии Гамильтон, зачатый естественным путем, ведь естественное зачатие означало только пятидесятипроцентную вероятность получения ребенка нужного пола. В случае Линий Пилотов - женского. В Инженерных Линиях и Линиях Десанта рождались исключительно мальчишки, и тот же Марк Фортескью мог лишь тщетно мечтать о родной дочери. И только

Линии Канониров могли позволить себе детей любого пола (хотя и не любой наследственности) - и мужчины, и женщины стреляли одинаково хорошо. А стрелять приходилось нередко, тариссит требовал защиты.

Да, тариссит... Благословение и проклятие Бельтайна. Идеальный сверхпроводник и при этом незаменимый компонент брони. В естественном состоянии найденный лишь в одном уголке Галактики - в астероидном поясе звезды Тарисса. В последнее время, правда, нескольким крупным промышленным лабораториям удалось синтезировать искусственный тариссит, да вот незадача: полученный ими химически чистый металл не обладал свойствами природного. То есть обладал, конечно, но его требовалось гораздо больше, притом что стоимость производства была сопоставима со стоимостью добычи. У Мэри были серьезные основания полагать, что если последний крупный налет на систему Тариссы, произошедший лет пятьдесят назад, имел целью захват шахт и планеты, то Саммерс и то и другое будет уничтожать. Шахты уж наверняка. Иначе на кой черт ему в эскадре, помимо несущих среднее вооружение, абордажников и десантные капсулы фрегатов, эсминцы с тяжелой бомбовой загрузкой? А их, по словам матери Агнессы, аж шесть. Хватит за глаза и за уши, мало точно не покажется... А Бельтайн беззащитен, вторую орбитальную крепость так и не достроили, все корветы в работе по контрактам... Черт бы побрал Монро с его жадностью! И зачем нужны эти нейтрализаторы сейсмической активности, дорогие до полного неправдоподобия? Ну да, на протяжении четырех с половиной сотен лет колонию, бывало, потряхивало, но даже серьезная волна не пришла ни единого разу, а тут вдруг паника поднялась! Потолковать бы по душам с исследовательской группой, притащенной Монро десять лет назад...

Видимо, она все-таки заснула, потому что приход Малоуна застал ее врасплох.

- Сообщение от капитана Фицсиммонс, - негромко сказал он.

Мэри рывком села на диване, прислушалась к ощущениям и незаметно поморщилась:

- Да? Я слушаю.

- "Сент-Патрик" может дополнительно припять триста детей.

Триста. Всего триста... Черт, черт, черт!

- Хорошо. То есть, конечно, ничего хорошего, но уж что имеем, то имеем. Готовьте челноки, Малоун, и отправляйте детей на Центральный. Будем поднимать их на "Гринленд". Да, и кстати: свяжитесь с Фортескью, пусть командующий базой проследит - всех гражданских вниз. Всех без исключения. Эвакуация поселений начата?

- Так точно, - хриловатому голосу Малоуна отчетливо не хватало уверенности. Мэри вздохнула, мысленно припомнила несколько наиболее ярких перлов Рори, и устало осведомилась:

- Ну что там еще, Терри?

- Люди не хотят уходить, оставлять дома. Особенно в сельских районах. Привлечь полицию и резервистов?

- Привлекайте. Но без грубости. Передавайте постоянно: Бельтайн ждет орбитальная бомбардировка и пиратский десант, возможности защитить поселения у нас нет. Концентрируйте наземные силы обороны в местах наиболее вероятной высадки противника. Да что я вас учу... - Мэри махнула рукой и внезапно наткнулась на неприятно пристальный взгляд Малоуна.

- Вы хорошо себя чувствуете, капитан? Кстати, медики интересуются, когда вас ждать на осмотр перед вылетом?

Этого еще не хватало. Осмотр был нужен ей в самую последнюю очередь. Точнее, не нужен вовсе. Она и так знала, что Устав придется нарушить грубейшим образом. Организм не слушался ее чуть ли не впервые в жизни. Возраст, будь он трижды неладен. Ей почти тридцать три, это практически предел. Да нет, именно предел, без всяких "практически". Нельзя до бесконечности насиловать физиологию, надеясь, что и так сойдет... Как не вовремя, святая Екатерина, как же не вовремя!

- Можете от моего имени послать медиков в любом известном вам направлении, на

выбор. Мне некогда. Меня ждут на "Гринленде".

Коротко кивнув на прощание, Мэри проскользнула мимо озадаченного Малоуна к выходу из комнаты. Надо сваливать с планеты поскорее, а то ведь найдется среди медиков упрямец, как пить дать найдется.

* * *

Лучший пилот. Монастырь. Так, Генри, спокойно. Никакого проявления заинтересованности, никакой спешки. Тихо, мужик, кому сказали! Встать в числе последних, откланяться, неторопливо выйти из Комплекса. Расслабленно потянуться на свежем ветерке, переброситься парой слов с кем-то из коллег, попавшимся на глаза как раз в тот момент, когда надо создать впечатление обыденности. Кстати, надо его запомнить: умение оказаться в нужное время в нужном месте дорогого стоит. А теперь - медленно, медленно! - к машине, отпустить водителя и начать крутиться по городу без видимой цели. В храме надо очутиться не раньше, чем через пару часов.

Храм Святой Екатерины, вполне естественно, примыкал к территории Центрального космопорта. Раз уж монастырь расположен в поясе астероидов, наладить постоянное сообщение с обителью можно только через космопорт. А сообщение было необходимо. Монахини, чьей задачей было обеспечить нормальную работу тарисситовых шахт, нуждались не только в продовольствии, оборудовании и медикаментах, но и в регулярной реабилитации на тверди. Ведь именно монахини переправляли на "рабочие места" осужденных каторжан и немногочисленных вольнонаемных из числа тех, кому уже нечего было терять на планете. Именно они доставляли туда все грузы, от установок регенерации воздуха до яблок: хотя гидропонные плантации монастыря и славились своими урожаями, вырастить при столь низком тяготении полноценные фруктовые деревья не удавалось. Искусственная же гравитация действовала только в жилых отсеках обители, никто не собирался тратить ни пенса сверх жизненно необходимого. Именно сестры лечили заболевших, учили грамоте тех, кто к этому стремился, утешали страждущих и снаряжали в последний путь покойников. На шахтах работало редкостное отребье, но Моргану не доводилось слышать ни об одном нападении на тариссийку. Женщин, принявших постриг или послушание в монастыре Святой Екатерины, там, среди безумной путаницы астероидов, почитали почти наравне с их небесной патронессой. А может быть, и не "почти". Ведь сама святая Екатерина, как ни крути, умерла давным-давно, а живые сестры были рядом и помогали оставаться в живых тем, кто оказался волею судьбы в сфере их ответственности. Архивы сохранили лишь одно упоминание о попытке захвата монастырского челнока. Монахиню, приведшую его, безукоризненно вежливо препроводили в рекреационную зону, сами захватчики погрузились в челнок и попытались отправиться в сторону Бельтайна. Примерно через триста миль в поясе стало одним астероидом больше, какое-то время спустя другая сестра-тариссийка забрала крайне расстроенную коллегу обратно в монастырь, тем все и кончилось. После этого - береженого Бог бережет! - отсек пилота в челноках и рудовозах стали наглухо закрывать в монастыре перед погрузкой и открывать только после выгрузки. Делалось это не ради безопасности пилота, а для юге, чтобы люди, какими бы они ни были грешниками, не гибли понапрасну. Все без исключения монахини окончили в свое время Звездный Корпус, скрутить в бараний рог хоть полдюжины каторжан ни одной из них не составляло особого труда, но Богу - Богово, а кесарю - кесарево, и негоже вводить во искушение малых сих.

Оставив машину в одном из бесчисленных закоулков на окраине космопорта - эту зону Морган досконально изучил еще будучи простым патрульным - майор, успевший за почти гри часа избавиться от излишне привлекавшей к себе внимание парадной формы, подошел к поротам храма. В этот поздний час ворота, естественно, были закрыты, но стоило ему коснуться рукой панели слева от калитки, как где-то в глубине обширного двора прозвенел

гонг и приятный женский голос осведомился, что угодно пришедшему в столь неурочное время.

- Стучащему да откроется! - буркнул майор, калитка отворилась и он вошел внутрь. Встретившая его на пороге храма немолодая женщина лишь слегка приподняла брови при виде позднего визитера и жестом предложила следовать за ней. Миновав проход между рядами и пустых скамей - шаги двух людей гулко отдавались под высокими сводами собора, - провожатая Моргана свернула направо и нырнула в неприметную дверцу за большим органом. В открывшемся за дверцей коридоре было светло, пахло воском и почему-то сдобой. Не успел Морган как следует осмотреться, как его "путница небрежно хлопнула ладонью по косяку одной из многочисленных дверей, та открылась, и не сумевший даже толком позавтракать (не говоря уж об обеде и ужине) майор чуть не застонал при виде корзинки со свежими булочками. Только сейчас он смог разглядеть женщину, приведшую его в ароматное тепло, и ничуть не удивился, увидев на правом виске тарисситовую татуировку в виде креста. Послушница, ну конечно! Странно, что не монахиня, в ее-то возрасте... Впрочем, Морган не разбирался в тонкостях монастырской иерархии. Сейчас он мог лишь радоваться возможности изложить свою просьбу непосредственно одной из тариссиек, а кроме того, булочки пахли так упоительно...

- Меня зовут сестра Беатрис, - негромко представилась послушница. - Чаю, майор?

- С удовольствием, сестра, - искренне ответил Морган, пристраиваясь за стол поближе к булочкам. Сестра Беатрис мягко улыбнулась, бесшумно выставила на потемневшую от времени столешницу две изрядных размеров кружки, разлила чай и уселась напротив позднего гостя. - Поешьте, майор. Какое бы дело ни привело вас сегодня в храм, оно может подождать. Нет ничего хуже, чем пытаться говорить о важном на голодный желудок.

Морган, почти не жуя, проглотил одну за другой три булочки, запил чаем, горячим и ароматным, и умиротворенно откинулся на спинку жесткого стула. Послушница, за это время осилившая едва ли половинку поджаристой плетенки, смотрела на позднего гостя с добродушной насмешкой.

- Итак, что же привело к нам самого командующего планетарной полицией? Только не говорите мне, майор, что у вас возникла потребность в исповеди. Во-первых, это будет ложью, а во-вторых, все равно ни одного исповедника сейчас в храме нет, - тратить время попусту она явно не собиралась. Ну в самом-то деле: голодный накормлен, христианский долг выполнен, пора и о деле поговорить.

- А могу я поинтересоваться, как вы меня узнали? Я не такая уж важная персона, да и назначен совсем недавно... - Морган решил зайти издалека. Кто их знает, этих монашек, начнешь с ходу в лоб, да по лбу и получишь. А что, запросто!

- Не прибедняйтесь, майор! - рассмеялась его собеседница. - Мы следим за всем, что прямо или косвенно касается монастыря, а ведь именно ваше ведомство поставляет тарисситовым шахтам большую часть рабочей силы. Как же было не любопытствовать, кто занял место покойного О'Коннелла, да еще и так неожиданно! Хотя неожиданность - понятие относительное, О'Коннелл давно ходил по краю. Вот и доходился. М-да...

- Хороший ответ... Сестра Беатрис, - майор решил, что дальше ходить вокруг да около будет глупо, - мне необходимо как можно скорее лично встретиться с матерью-настоятельницей. Как это можно устроить?

Полагаю, вы не хотите афишировать эту встречу? - проницательно заметила послушница и подняла ладонь, предвосхищая вопрос, - Иначе вы явились бы в храм при свете дня.

- Так и есть.

- Насколько мне известно, мать Альма планирует прилететь на Бельтайн через двадцать семь дней. Это поздно?

- Увы, да. А я могу посетить монастырь?

- Разумеется, вы можете. Если соображения секретности встречи для вас не менее важны, чем сама встреча, - она вопросительно посмотрела на собеседника. Морган кивнул, -

то никто не мешает вам занять одно из мест на транспорте, который вылетит в обитель шестнадцатого. Это вас устроит?

- Благодарю вас, сестра, вполне. Три дня я могу подождать.

- Отлично. Это все? - дождайшись еще одного кивка, сестра Беатрис поднялась на ноги. - В таком случае позвольте вас проводить. Не то чтобы я в моем возрасте рисковала своей репутацией, принимая у себя мужчину в это время суток, но порядок есть порядок. Тем более что лет двадцать назад... - она лукаво улыбнулась, - впрочем, оставим это. Где ваша машина?

- За складами запчастей. - Майор неохотно выбрался из-за стола. Перспектива выйти на промозглый ветер, дующий с океана, его не вдохновляла. И булочки были такие вкусные! - Это...

- Я знаю, где это, - прервала Генри послушница. - Думаю, вам не стоит идти через центральный вход - зачем делать крюк?

- А что... - оторопевший Морган с трудом подбирал слова, - что, у храма есть и другие выходы непосредственно в зоне космопорта, кроме Полевых ворот и калитки на углу третьей и шестнадцатой линий? - об этих выходах он знал, и оба они были еще дальше от его машины, чем центральный вход на храмовый двор.

- Ах, майор! - Теперь сестра Беатрис откровенно забавлялась. - Оказывается, и мы, скромные монахини, можем кое-чему научить главного полицейского планеты. Ступайте за мной, а когда выйдете - запомните место. Если вы хотите незаметно оказаться в храме, лучшего варианта вам не найти.

Морган вышел за территорию храма и осмотрелся. Об этой калитке он действительно не знал: верно говорят, что тот, кто думает, будто знает все - не знает ничего. Хорош патрульный! Почти шесть лет лазать по всему космопорту, и упустить из виду такую важную деталь. А ведь наверняка этот вход не единственный из неизвестных ему... Да, дела. А сестра-то Беатрис какова! "Лет двадцать назад", ишь ты! Хотя... на этом месте неспешные размышления майора были прерваны самым грубым образом. Что-то тяжелое обрушилось, задев ухо, на правое плечо (хорошо хоть голову сберег, услышав шорох за спиной и успев в последний момент уклониться влево), рука онемела и бессильно повисла. Кто-то подставил ему подножку, кто-то прыгнул на спину, кто-то уже пытался добраться до кобуры, ребра обожгло болью... Морган озверел. Тело действовало само, единственный приказ, полученный от головы, требовал не оставить в живых ни одного из нападавших: не хватало еще, чтобы по столице поползли слухи о его интересе к храму. Кто-нибудь обязательно додумается сложить два и два. И ведь не исключено, что в результате получит именно четыре, а вовсе не девятнадцать, как это частенько бывало у нео-дублинских сплетников. Рывок, удар, подсечка. Куда же ты, милый? Я только начал! Еще удар, прыжок, пируэт - прав, ох прав был старый Эдварде, хороший боец должен уметь танцевать! - чья-то голова с противным чавканьем вминается в угол склада, левая рука действует не хуже правой... В чем и убедился незадачливый хозяин сутулой спины, мелькнувшей в узком проходе почти на границе видимости. Почти. Выстрел, глухой стук упавшего тела... кажется, все. Несмотря на боль в начавшей что-то чувствовать руке и под ребрами - чем это его? Ах, ну да, понятно... Генри, идиот, какого хрена опять поперся без жилета?! - Морган, охая и припадая на правую ногу, обошел поле боя, дабы убедиться, что никто из четверых больше не встанет. Нет, ну надо ж быть таким кретином, как его только земля носит! Стареешь, майор?! Ане рановато? Морган забрался в машину, поднял ее до высоты полицейского коридора и левой рукой ввел в автопилот адрес самого неболтливового из служащих в полиции врачей. Завтра надо быть на службе, а через три дня и вовсе предстоит долгий перелет. И как его угораздило?

Дальше все пошло настолько скверно, что даже Морган, привыкший уже получать от жизни пинки чаще сдобных булочек (си дались же ему эти булочки!), был неприятно удивлен. Не самими событиями даже, а их комбинацией, уместившейся в сравнительно небольшой отрезок времени. Крайне удивлен и крайне неприятно. Во-первых, врача не оказалось дома. Как и еще двух врачей, которым Морган мог доверять. Во-вторых, в тот

момент, когда Генри, шипя и матерясь сквозь зубы, прикидывал, куда ему податься на предмет перевязки, его коммуникатор взорвался в и без того пострадавшем ухе голосом Шона О'Брайена. Стало быть, речь шла о серьезнейших неприятностях: Шон, майор это знал, ни за что не стал бы беспокоить его в такой час без предельно веских оснований. Однако то, что он услышал, было не просто плохо, это было отвратительно. Хотя и объясняло отсутствие врачей. В-третьих... Морган не был кисейной барышней, но зрелище, которое он увидел два часа спустя, потрясло его настолько, что он даже забыл про кое-как обработанный бок и руку на перевязи. Все, на что его хватило, это прихватить О'Брайена за плечо левой рукой и прохрипеть, отказавшись от попытки контролировать голос:

- Как... как это произошло?!

- О'Флахерти и Джонс засекли стартующий корабль. Они погнались за ним и почти достали...

- Я вижу, что они его почти достали. Иначе он не запаниковал бы и не сбросил груз через шлюз... - Генри изо всех сил старался абстрагироваться от увиденного. На поле лежит груз. Всего лишь груз. Груз, будь оно все проклято! - А почему они его достали только почти?

- Они поняли, что происходит, и растерялись. О'Флахерти в ступоре, медики говорят - мог повредиться рассудком, у него не спросишь. А Джонс твердит, что думал - если они с О'Флахерти отстанут, то владелец корабля пощадит... ну... может, хоть кто-то уцелеет...

- Понятно. - Морган покосился на поле, усеянное останками, и судорожно сглотнул. - На какой высоте это случилось?

- Шесть миль, если верить Джонсу.

- А они... они были живы? В тот момент? Что сказал Тернер?

- Живы и в полном сознании, док Тернер уверен в этом. - О'Брайен сочувственно смотрел на Моргана, а тот ощущал, что проигрывает борьбу с подступающей тошнотой. Все эти искореженные, сплюснутые, нелепо вывернутые куклы, такие неуместные на ухоженных полях старого Тома Бейкера, всего пару часов назад были... людьми? Живыми людьми?!

- Девочки, - продолжал Шон, - преимущественно девочки. Четырнадцать-шестнадцать лет. Мы сейчас собираем образцы, будем сравнивать с ДНК-граммами заявленных в розыск, может быть, удастся хотя бы часть передать родным...

Морган заметил, что помощник говорит все быстрее и быстрее. В конце концов Шон, вывернувшись из майорской хватки на плече, канул в темноту и уже оттуда донеслись богохульства вперемешку со звуками ударов. Судя по всему, обычно хладнокровный О'Брайен, не имея возможности добраться до работаровца, молотил кулаками землю.

Ему нужны пилоты. Такие, от которых мерзавцы не уйдут. Которые не дадут этим сволочам набрать высоту. Он получит этих пилотов, чего бы ему это ни стоило. Убедит, уговорит, умолит. Надо будет - на коленях, на пузе поползет, но получит.

- Запись ведется, Шон? - бросил он через плечо. Моргану пришла в голову мысль, даже отдаленно не джентльменская, но на войне все средства хороши, а сейчас он, похоже, имел-таки па руках полноценную войну.

- Конечно, сэр. - Шон уже вернулся и был готов к работе. Хороший парень, да.

- Мне понадобится копия помимо той, что пойдет в дело. И скажи Тернеру, пусть посмотрит меня, когда освободится. Совсем патрули в I Центральном мышей не ловят, развелось шпаны...

Трудно сказать, чего ожидал Генри от монахинь, но уж точно не бесцеремонной практичности. Через десять минут после того, как транспорт, на котором он прилетел в пояс астероидов, благополучно пристыковался к монастырскому комплексу, его уже препроводили в небольшой кабинет, в котором его ожидала мать Альма. Интересно, мельком подумалось ему, когда он почти бежал по коридору за встретившей его послушницей, церковные службы они проводят как же собранно, энергично и рационально? Л что, с этих станется. Недаром же все они прошли через Звездный Корпус. Уж там-то, насколько ему

было известно, лишние телодвижения были не в чести. Правду сказать, Морган совсем недавно не понимал, что побуждает женщин - зачастую совсем молодых - приходить в монастырь Святой Екатерины и оставаться в нем. Те, кого направили после Корпуса для поддержания бельтайнской экономики не в счет, приказ есть приказ. И большинство отправлялось потом в академию на Картан. Хотя некоторые отказывались даже от начала предрешенной самим фактом рождения карьеры. Но таких было мало. А остальные? Хотя если Лорена права... Если экспедиционному пилоту, чтобы не сойти с ума, надо летать... вряд ли внутренний распорядок монастыря много строже, чем в Корпусе... короче, он пришел по адресу. Только бы аббатиса не выставила его сразу же после изложения просьбы, дала бы обосновать... Генри ответил на приветствие, с удивившим его самого смущением откашлялся под испытующим взглядом матери-настоятельницы, набрал в грудь побольше воздуха и заговорил.

- Матушка, я пришел к вам за помощью. К вам, потому что больше мне неоткуда ее получить. И если сейчас вы откажете мне, значит, я проиграл. Но важно не то, что проиграл Генри Морган, валено, что в этом случае проиграл Бельтайн.

Выражение лица сидящей перед ним женщины неуловимо изменилось, холодноватая доброжелательность уступила место холодноватой надменности, в глазах вспыхнул неприкрытый сарказм:

- Вы всерьез полагаете, майор, что ваш проигрыш и проигрыш Бельтайна суть одно и то же?

- В данной ситуации - да. - Морган решил быть непреклонным. Терять ему в любом случае было нечего. - Я пришел просить помощи не как частное лицо. Мне, видимо, следовало сказать с самого начала, что помощь требуется не одному из граждан Бельтайна, а командующему планетарной полицией? - Он дождался кивка монахини и продолжил: - Простите, матушка. Я весь перелет придумывал, с чего начать разговор, и так ничего и не придумал.

- Тогда начните с самого главного, майор.

- Хорошо. Мне нужны пилоты. Лучшие пилоты.

- Зачем? - Черт бы побрал эту тетку, она даже не удивилась! Ее вопрос - всего лишь требование аргументации. К тезису у нее, похоже, претензий нет...

- В самое ближайшее время я получу новые патрульные корабли. Десять аэрокосмических истребителей. А мои люди умеют летать только па атмосферниках. Кроме того, если мой аналитик не ошибается, - ох, услышала бы Лорена это определение, что бы он получил за использование слова "мой"! - им приходится сейчас и придется в дальнейшем противостоять резервистам ИКС. Парни неплохие пилоты, - для полицейских, - но полиция это одно, а Звездный Корпус... Совершенно разные уровни подготовки, мэм. Не мне бы говорить, не вам бы слушать.

- Ваш... кхм... аналитик - Лорена Макдермотт? - Как Морган ни старался, он не уловил ничего похожего на насмешку ни в лице, ни в голосе матери Альмы. Сухое уточнение, не более того. А, была не была!

- Так точно, мэм. Но... я не спрашиваю вас, как вы узнали, что меня консультирует именно мисс Макдермотт, однако если этот факт станет широко известен...

- Понимаю. Не волнуйтесь майор. Я исповедница мисс Макдермотт и дальше меня эта информация не уйдет. Что касается озвученной вами проблемы... я склонна доверять ее мнению. Преступность Бельтайна вышла на качественно новый уровень, не так ли?

- Вы даже не представляете, на какой именно, матушка. Я и сам-то понял это сравнительно недавно.

- Вы удивитесь, майор, если узнаете, как много представляет себе скромная монахиня... - Где-то он уже слышал про скромную монахиню, совсем недавно. Горазды ж они тут приbedняться! - Сколько вам нужно людей?

- Двадцать. Двадцать сменных пилотов. Я пришел именно к вам, потому что там, на тверди, я не могу доверять никому. Сейчас отобранные мной ребята учатся...

- На Белом Камне, не так ли? - негромко уточнила аббатиса.

- На Белом Камне, - об этом он Лорене не говорил, но Морган решил ничему не удивляться. - И будут учиться еще три года. А корабли у меня уже есть. Ну, почти есть, их вот-вот перегонят, ждут только моего сигнала... Коротко говоря, нанять пилотов на планете я не могу. А монастырь - если, конечно, вы захотите мне помочь - в состоянии дать мне десять пилотов в неделю. Причем никто не будет знать, кто они. Их семьи не окажутся на линии огня, они сами будут вне досягаемости... Матушка, мне больше не к кому обратиться. Поверьте, я ни за что не стал бы просить вас отдать ваших девушек для столь мирского дела...

- Бросьте, майор, - настоятельница резко хлопнула ладонью по столу, - не лгите хоть самому себе. Стали бы. Еще как стали бы. Потому что лучшие пилоты у меня. А вам нужны именно лучшие.

- Да, мэм. Глупо с моей стороны. Вы правы. - Морган замолчал, не смея прерывать сосредоточенность собеседницы, которая как будто даже дышать перестала. Несколько минут спустя - у майора взмокли ладони, ему нестерпимо хотелось начать грызть ногти, но он крепился - монахиня резко кивнула:

- Что ж... Вы получите пилотов, сэр. Я подготовлю списки.

Морган выдохнул с облегчением, под слегка - только слегка, вот это выдержка! - насмешливым взглядом аббатисы вытер руки о штаны и решил идти напролом:

- Я прошу вас включить в число пилотов мисс Мэри Гамильтон.

Вот теперь ему, похоже, удалось поколебать несокрушимое спокойствие матери-настоятельницы. По крайней мере, ее "Что-о-о-о?!" было полно обыкновенного человеческого изумления и... ну да, точно. Негодования.

- Вы сошли с ума?! Вы понимаете, о чем говорите?

- Так точно, мэм, понимаю.

Ого, да она в ярости? И, кажется, напугана? Что здесь, черт побери, происходит? Азарт, добрый старый полицейский азарт, подстегнул успокоенные было быстрым успехом переговоров нервы Моргана. Он докопается. Он дождет. Он коп или так, погулять вышел?

- Что вас удивляет, мэм? По моим сведениям, девочка, только на днях получившая сертификат пилота, обладает куда более высокими адаптационными способностями, чем любая из ваших подопечных. Корабли, прибытия которых я жду, рассчитаны на простых смертных. Они не приспособлены для полетов именно бельтайн-ских экспедиционных пилотов, а мисс Гамильтон не успела еще набрать опыт, который помешает ей...

- Да при чем здесь опыт?! - Должно быть, этот сдавленный, свистящий голос был для матери Альмы эквивалентом истошного крика. По крайней мере, именно так определил для себя Генри сочетание интонации с резко заострившимися скулами, сжатыми кулаками и изменившейся в сторону полной манекенности осанки. - Так. Погодите, майор, - аббатиса несколько раз глубоко вздохнула, и уже более спокойно произнесла в пространство: - Пригласите в приемную сестру Софию Гамильтон и сестру Агнессу Макинтош.

Через несколько минут дверь за спиной Моргана отъехала в сторону - у них тут что, все помещения автономны? Похоже на то... - и в комнату вошли две тариссийки, постарше и помоложе. Та, что постарше, привлекла особое внимание майора. София Виктория Гамильтон. Бабушка упомянутой Мэри. Мать женщины из прославленной Линии, которая мало того что родила несанкционированного ребенка, так еще и выбрала ему в отцы неизвестного чужака. Интересно, что подумала об этом капитан София Гамильтон? Эх, Генри, вот ведь никогда не знаешь, какая информация может понадобиться и когда... Следил бы за околониными сплетнями лет пятнадцать назад... Ага, больше совсем заняться было нечем. Ладно, выкрутимся. Найдем ключик, найдем...

- Вы вызывали нас, матушка? - Это та, что помоложе. Сестра Агнесса, наблюдатель монастыря за подготовкой пилотов. Опасна. Очень опасна. Не вообще, а для него, для его дела опасна - уж это-то Морган чуял тем местом, которое ему как пить дать оторвет Лорена за моего аналитика".

Присаживайтесь, леди. Позвольте представить вам майора Генри Моргана, командующего полицейскими силами Бельтайна. Он прибыл к нам с просьбой о помощи. Полиции планеты необходимы пилоты. Хорошие пилоты. Монастырь готов их предоставить. Но мистер Морган желает получить в числе прочих Мэри Гамильтон.

- Вот как... - Сестра Агнесса еще больше выпрямилась на жестком стуле. - А не кажется ли господину майору, что его желания чрезмерны?

- Не кажется, сестра. Мне нужен самый лучший пилот, а мисс Гамильтон, вне всяких сомнений, является таковым. - Морган решил принять предложенную игру. В том, что это именно игра, он почти не сомневался. Излишне бурная реакция монастырского наблюдателя его несколько смущала, но время покажет. А пока он был намерен выяснить, почему весьма безобидная просьба вызвала столь резкое неприятие.

Монахини переглянулись. Было похоже на то, что они не могут решить, кто должен высказаться первой. Наконец игра в гляделки закончилась: слово явно было предоставлено сестре Агнессе, и та заговорила:

- Мистер Морган, я понимаю вашу потребность в лучших пилотах и даже склонна согласиться с тем, что Мэри Гамильтон действительно лучшее, что может предложить вам обитель. Но Мэри... Для Мэри неприемлемо оказаться сейчас на Бельтайне.

- Почему? - Дожать, дожать!

- Потому, что нынешний Принципал Совета, мистер Джастин Монро, испытывает к девочке что-то вроде личной неприязни.

- Причины? - Дожать, черт побери!

- Много лет назад ее мать, Алтея Гамильтон, отвергла притязания тогда еще Старшего генетика Монро. Отвергла - насколько мне известно - в довольно оскорбительной форме.

- Да уж... Как это она выразилась? Если ей и быть сучкой, так при ПОРОДИСТОМ кобеле... - пробормотала себе под нос сестра София.

- Так или иначе, мистер Монро ненавидел Мэри еще в утробе матери.

- Эта ненависть как-то проявлялась? - полицейский вмешался раньше, чем командующий успел ухватить его за язык.

- Неоднократно. В частности, он пытался заставить Алтею Гамильтон сделать аборт. Девочке отказали в приеме в обучающий центр Линий по праву рождения. По счастью, деньги есть деньги... Затем, незадолго до Испытаний, мистер Монро старался убедить капитана Софию Гамильтон в том, что ее внучка недостойна их пройти, но Закон Выявления, к счастью, один для всех.

Морган скривился - по поводу единства Закона Выявления для всех детей Бельтайна он имел свое, весьма отличное от представлений, мнение. Между тем сестра Агнесса продолжала:

- В ходе Испытаний были подделаны результаты анализов - в крови Мэри якобы обнаружились стимуляторы. Одновременно с этим ей попытались подсунуть довольно занятный пакетик сока. Если бы я не успела... Если бы девочка сделала хоть один глоток, живой мы Мэри уже не увидели бы... простите, мэм... - последние слова относились к вскинувшейся Софии, которая вцепилась в сиденье стула, а побелевшие губы беззвучно произносили слова, уж точно не подобающие смиренной послушнице.

- Витаминизированный напиток? Что-то не санкционированное? Это теперь так называется, Альма?! - прошипела она наконец.

- Я не хотела тебя пугать... - растерянно промямлила аббатиса.

- К черту!!! - София уже не пыталась сдерживаться. Она вскочила с места и заметалась по приемной. - Он же убийца, убийца! И ты все знала, ты знала, Альма, - и молчала! - Пластиковая обшивка стен прогнулась под ударом кулака.

- Я сделала все возможное, чтобы впредь оградить девочку от подобных... эксцессов, - мать-настоятельница пришла в себя молниеносно. - Прекрати истерику, София. Это было девять лет назад.

- Да какая, хрен, разница!!!

Морган счел необходимым вмешаться. Ситуация выходила из-под контроля, и ладно бы юлько его контроля - похоже, и монахини не знали, что делать со слетевшей с нарезки женщиной.

- Прошу прощения, мисс София... А почему в архивах полиции нет никаких упоминаний об имевшем место покушении? Ведь речь шла именно о покушении на убийство, я не ошибаюсь?

- Не лезьте не в свое дело, майор! - в сердцах бросила мать Альма. - Этот инцидент относится к внутренним вопросам Линий и решаются эти вопросы там же!

- Ну нет, - Морган наконец-то почувствовал себя в своей тарелке. - Мисс Мэри Гамильтон не принадлежит к Линиям, не так ли? Даже теперь, после всех ее стараний, после выданного в четырнадцать лет сертификата экспедиционного пилота - все-таки не принадлежит. И тогда не принадлежала. Следовательно, все попытки навредить ее физическому и душевному благополучию лежат в сфере интересов планетарной полиции. И девять лет назад я уже возглавлял Управление по борьбе с преступлениями против личности. Я был назначен весной, Испытания проходили летом, и уж конечно я запомнил бы такой эпизод, узнай я о нем. Почему вы не сочли нужным поставить нас в известность? Как я должен выполнять свою работу, если столь вопиющие... эксцессы, так вы изволили выразиться, мэм?! - оставляются за рамками моей компетенции?

- Э-э-э... майор... не стоит так волноваться... - Мать Альма попыталась перехватить инициативу, но Моргана уже несло:

- Мисс Мэри Гамильтон прошла подготовку, которая дала ей возможность стать гордостью

Корпуса. Теперь вы говорите мне, что ей опасно появляться на планете, которая - так или иначе сделала ее одним из лучших пилотов Галактики. И получается, что она не может применить с ном знания и умения ради благополучия этой планеты? Допустим, но что вы предлагаете ей взамен? Полеты в астероидах? О да, не спорю, это серьезно. Но баржи с рудой это одно, а спасение жизней, да-да, жизней человеческих - это другое. Мисс Мэри Гамильтон стала совершеннолетней в тот момент, как Кемпбелл подписал ее сертификат пилота. Да какого черта - простите, мэм! - дайте вы в конце концов решать ей самой!

Воцарившееся молчание было прервано голосом настоятельницы:

- Пригласите в приемную сестру Мэри Гамильтон.

Вскоре дверь снова скользнула в невидимые пазы и в комнату вошла молоденькая девушка. Практически девочка. По крайней мере, Моргану ее личико показалось почти детским. Чуть-чуть слишком крепко сжатые губы, чуть-чуть слишком сошедшиеся у переносицы брови, да и скулы жестковаты, но в целом - ребенок.

И даже тарисситовая татуировка в виде креста па правом виске не делала ее старше. Морган мельком отметил, что никакого воспаления вокруг татуировки не наблюдалось, хотя наколка была сделана максимум три дня назад, а тариссит - это вам не краска. Странно, но сейчас не ко времени. Запомним.

- Вы звали меня, матушка? - Настороженный взгляд скользнул по присутствующим, задержался на Моргане, вернулся к матери Альме и замер.

- Присаживайся, дитя. - Словно по волшебству, сухой голос аббатисы стал мягким, как шелк. - У майора Моргана, командующего планетарной полицией, есть предложение для тебя. Говорю сразу: ты не обязана его принимать. Более того, ты вправе сейчас повернуться и уйти, не слушая господина майора.

- Я останусь, - безапелляционно заявила Мэри, уселась на последний свободный стул и требовательно уставилась на посетителя.

И вот тут-то Генри Морган понял, что перед ним взрослый человек, настоящий пилот, и не важно, что именно написано в свидетельстве о рождении. Неопределенного серого-голубого оттенка глаза (майору вспомнились изменчивые переливы вейвита) были спокойными и неожиданно цепкими. Никакого любопытства или волнения в них не было и в помине, присутствовало лишь изучающее ожидание. Я тебя выслушаю, говорили эти глаза,

составлю мнение о вопросе и о том, кто его задает, и хорошенько подумаю, прежде чем отвечать. "Сложись ее судьба по-другому - какой великолепный дознаватель мог бы получиться!" - мысленно восхитился командующий.

- Мисс Мэри, так получилось, что полиция Бельтайна нуждается в хороших пилотах. По причинам, в которые мне не хотелось бы пока углубляться, нанять их на планете я не могу. Поэтому я прибыл сюда просить помощи у монастыря Святой Екатерины. Принципиальное согласие матери Альмы дать полиции пилотов мною получено. Но я хочу, чтобы одним из их пилотов стали вы, а ваши наставницы протестуют. Поэтому я хотел бы услышать ваше мнение по данной проблеме.

- Что будет входить в обязанности ваших пилотов? - Вопрос Моргану понравился. Сам он первым делом справился бы именно об этом.

- Патрульная служба, мисс. В случае необходимости - задержание нарушителей.

- Насколько жесткое задержание?

- Принудительная посадка. Возможно - расстрел в воздухе или на орбите.

Сестра Агнесса взвилась как ошпаренная:

- Вы думаете, о чем говорите, майор?! Вы предлагаете четырнадцатилетней девочке стать... кем? Убийцей?! Она еще ребенок и...

- Я не ребенок, сестра, - спокойно заметила Мэри. Морган оценил выдержку девчонки. Когда ему самому было четырнадцать лет, любое упоминание о том, что он ребенок, вызвало бы куда более бурную реакцию. - Кроме того, я совершеннолетняя.

- Тебе только четырнадцать лет!

- Это быстро проходит, сестра. - Мэри флегматично пожала плечами, а майор вдруг понял, что с такой подчиненной будет непросто. - К тому же на действительной службе мне придется отдавать команды стрелять по настоящим, живым целям. Годом раньше, годом позже...

- Мэри, девочка, даже те, кто оканчивает Корпус в срок, слишком молоды для боевой службы... Военные со мной не согласятся, но таково мое мнение. А тебе ведь даже не семнадцать... Подчиненные майора Моргана привыкли сперва стрелять на поражение, и только потом давать предупредительный в воздух. Ты намерена стать такой же, девочка? Я не хочу, чтобы ты очерствела душой!

- Не думаю, что мисс Мэри это грозит, - вмешался Морган. - Матушка, мы сможем здесь посмотреть кристалл с записью? Благодарю.

И на вделанном в стену экране возникло изображение освещенного прожекторами поля, усеянного трупами.

- Смотрите, сестра. Смотрите хорошенько. Не отворачивайтесь! Это девочки. Я понимаю, что сейчас они не похожи далее на людей вообще, уж поверьте на слово, я там был и видел их своими глазами, я сопровождал их родителей на процедурах опознания... Они были ровесницами вашей подопечной. Не их вина, что с самого младенчества их не защищали учебные заведения Линий! Возможно, их дети имели шанс оказаться в этих учебных заведениях, - Закон Выявления и все такое, - вот только детей у них не будет. У них уже не будет вообще ничего. Их похитили, заковали в силовые наручники, запихнули на корабль работаровца, а потом, когда мои люди на атмосферных катерах почти добрались до этой твари - их живыми выбросили через шлюз на высоте шести миль, чтобы не оставлять улики. Один из моих парней, гнавшихся за этим кораблем, сошел с ума - увы, не будучи линейным, психологических тренингов боевых пилотов он не проходил!

- Довольно, мистер Морган, - лицо вскочившей Мэри коверкала судорога, пальцы, казалось, сейчас раскрошат спинку стула, - довольно, заявляю вам, сэр, что насколько это будет зависеть от меня - больше ни один ребенок Бельтайна не будет выброшен из шлюза.

- Мэри!!! - сестра Агнесса, похоже, была на грани обморока.

- Нет, сестра. Майор прав. Вы, именно вы учили меня, что кому Господь больше дал - с того и спрос строже. И что дары Господни следует не припрятывать в кубышку, а делиться ими с теми, кто был одарен не столь щедро.

- И потом... - тут Мэри криво усмехнулась,- И ведь тоже не из Линий. И если бы не бабушкины деньги и связи, я могла бы стать одной из них, - она кивнула на экран.

- Мэри, я прошу тебя, подумай!

- Я подумала. Мистер Морган, какими кораблями вы располагаете? Кроме атмосферников?

- В самое ближайшее время у меня будет десять аэрокосмических истребителей «Сапсан».

- Четвертых? - прищурилась девушка.

- Обижаете, мисс. Пярых, разумеется.

- Ого! Вы начинаете мне нравиться, сэр! - Вот ведь нахалка, никакого представления о субординации... Ладно, если она будет летать так, как рассчитывает Морган, пусть в свободное от несения службы время говорит все, что ей заблагорассудится. - Матушка, я могу высказать свое мнение по поводу принципов отбора кандидатов?

- Не сейчас, дитя. Вы закончили, майор?

- Закончил. Вы приняли окончательное решение, мисс Гамильтон?

- Так точно, сэр.

- Я не благодарю вас, мисс, но я рад. Искренне рад. Надеюсь снова встретиться с вами в самое ближайшее время. - И Морган протянул руку, которую Мэри с достоинством пожала.

Потом о первых пилотах "Сапсанов" сложат легенды и байки. Потом наплетут несусветное количество небылиц. Потом... все это будет потом. А пока в тесной монастырской приемной на секунду замерли в первом рукопожатии майор Генри Морган, которого еще никто не называл "Дядюшкой", и Мэри Гамильтон, которой пока только предстояло получить позывной "ноль двадцать два".

Глава V

Денек выдался жарким и влажным. Близость Маклира наполняла воздух запахом соли, водорослей и еще чего-то трудноуловимого, но безошибочно узнаваемого теми, кто хоть раз побывал на океанском побережье. Многочисленные с космодромные кары выстроились у края поля, рядом с ними волновалась толпа. Усталый, изрядно уже охрипший дядька в пропотевшей капитанской форме выкликал имена, очередной ребенок наскоро попрощался с родными и садился в ближайший кар. Как только машина наполнялась, она немедленно трогалась в сторону челноков, а на ее место становилась следующая. Мэри кивнула Шону О'Брайену, командовавшему оцеплением - верный себе, Дядюшка Генри ничего не оставил на самотек, - и подошла к карам как раз в тот момент, когда у незнакомого капитана возникла проблема. Не то чтобы очень большая - так, футов пяти с половиной ростом. Сложность состояла в том, что означенные пять с половиной футов пребывали в истерике, а капитан, как всякий нормальный мужчина, при виде женских слез слегка растерялся и, похоже, не очень понимал, что ему следует делать: попытаться успокоить, прикрикнуть или ждать - авось само пройдет.

- Что тут у вас, капитан... - Мэри, слегка прищурившись, разглядела нашивку, - Харпер?

- Капитан Гамильтон... - От облегчения бедняга, похоже, взмок еще сильнее, хотя это и казалось невозможным. - Видите ли... Миссис Финн не желает отпускать сына...

- Ясно. - В следующую секунду рыдающая женщина, которая, стоя на коленях, с причитаниями прижимала к себе взъерошенного малыша, оказалась уже на ногах. Одна из ее рук изгибалась под не вполне естественным углом. Мэри привычно поймала момент, когда боль пробилась через истерику, но еще не стала поводом для нового крика, и отпустила растрепанную горожанку, по виду - типичную лавочницу. И как только она с таким уровнем психической устойчивости оказалась в списках генетических партнеров? - Миссис Финн, вы пугаете мальчика. Более того, вы задерживаете эвакуацию, а нам дорога каждая минута. - Мэри старалась говорить спокойно и рассудительно. - Чем быстрее стартует "Сент-Патрик",

тем больше у детей - и вашего сына тоже - шансов благополучно покинуть пределы системы. Успокойтесь, мэм. Я сделаю все возможное для того, чтобы ни один волос не упал с его головы.

- Я... мне страшно, мисс... - пролепетала та, незаметно баюкая пострадавшую руку. Глаза ее больше не закатывались, взгляд стал осмысленным.

- Как и всем нам, мэм. Ничего не боятся только герои и дураки; порой мне кажется, что это одно и то же. - Мэри присела на корточки: ~ Как тебя зовут, малыш?

- Джимми Финн, мисс. - Мальчишка настороженно смотрел на незнакомую женщину в форме.

- Капитан, - мягко поправила его Мэри.

- Джимми Финн, капитан.

- Джеймс Финн из Линии Финн? - уточнила она, дождалась утвердительного кивка и кивнула в ответ. - Прекрасная Линия. Я надеюсь - нет, я совершенно уверена! - что ты будешь достоин ее. Я права?

- Так точно, капитан! - приободрившийся Джимми уже улыбался, с некоторым превосходством поглядывая на остальных ребяташек: еще бы, с ним говорили, как со взрослым!

- Ну вот и отлично. Скажи маме "До свидания" и ступай в кар. - Мэри поднялась на ноги, потрепала его по голове и уже повернулась, чтобы уходить, когда услышала за спиной неумеренное:

- Капитан... мы вернемся?

Мэри развернулась на каблуках, внимательно посмотрела на маленького канонира и притихшую толпу за оцеплением, вздохнула и решила не врать.

- Я не знаю, малыш. Но вернемся мы или нет, где бы ты ни очутился, помни: ты бельтайнец. И пока бьется твое сердце, Тарисса будет освещать твою дорогу, даже если ты будешь так далеко от нее, что не сможешь разглядеть ее свет без мощного телескопа. И любовь твоей мамы и всех, кто тебе близок, всегда будет с тобой. Ты понимаешь меня?

- Да... кажется...

- Молодец.

Она улыбнулась, небрежно отсалютовала и направилась к кару. Ей тоже надо было улетать первым же бортом. По дороге она спохватилась и быстро набрала номер. О'Брайен ответил сразу же:

- Да, Мэри, слушаю тебя.

- Шон, а твои-то где? - спросила она. - Учти, два места я могу раздобыть.

- Не поверишь - на Плезиере. Отправил Джину с ребятами поразвлечься, мы ведь третьего ждем. Позавчера только улетели, они, небось, и не знают еще...

- Ясно. Ты держись, Шон, слышишь?

- Вот уж за меня можешь не переживать, - хмыкнул О'Брайен, - твоей голове и без того есть о чем болеть. Чистой трассы, пилот.

Мэри уже сидела в кресле челнока, когда пришел вызов с орбиты:

- Капитан Гамильтон, на связи капитан Дина Роджерс. Экипажи корветов эскорта сформированы и ждут вашего прибытия.

- Отлично, Роджерс. Я стартую через четверть часа.

Когда челнок, набирая высоту, прошел над величественной, бликующей под лучами Тариссы гладью Маклира, Мэри досадливо поморщилась: ведь собиралась же в отпуске поплавать! Теперь когда еще удастся выбраться домой... да и будет ли дом? И даже если будет, кто сказал, что капитан Гамильтон доживет до того момента, когда сможет спокойно, никуда не торопясь, сбросить одежду на одном из сверкающих черных пляжей и плыть, плыть без цели и смысла, растворяясь в бесконечности океана, так похожей на бесконечность Космоса...

Морган изо всех сил старался успокоиться. Перестать вскакивать с места или, к примеру, потирать руки нервным, неподобающим мужчине и офицеру полиции движением. Сегодня из монастыря в составе очередной партии прибывающих на реабилитацию монахинь должны прилететь первые десять пилотов, отобранных матерью Альмой при участии этой нахальной девицы. Интересно, сама-то она будет в их числе? Насколько Морган успел разобраться в психотипе Мэри Гамильтон, она настоит на своем праве быть в числе первых. Таким же было и мнение Лорены. Правду сказать, он несколько побаивался встречаться с ней после того, что, не подумав хорошенько, ляпнул в разговоре с настоятельницей. Решив, однако, что повинную голову меч не сечет, он сам пересказал ей разговор с аббатисой, стоически стерпел шутливый подзатыльник, выслушал насмешливую сентенцию на тему правомерности использования притяжательных местоимений и был прощен. Несколько затянувшаяся процедура примирения привела его в прекрасное расположение духа: долгое время полагавший себя совершенно непогрешимым пнем, майор больше не был намерен врать самому себе. Ну да. Влюбился. Непозволительная роскошь для полицейского служаки и все такое... К черту. Почему бы ему не урвать маленький кусочек счастья? Правда, он никак не мог взять в толк, чем именно заинтересовал одну из красивейших - и умнейших! - женщин Бельтайна долговязый, редко успевающий побриться, живущий на одну (хоть и значительную!) зарплату, вечно занятый коп на пятнадцать лет старше. Но это были детали. Если ее все устраивает, плевать в колодез Генри Морган не будет.

За час до полуночи майор пришел в уже знакомое помещение храма. Именно в этой комнате три недели назад - неужели не прошло и месяца? - он запивал булочки чаем и наслаждался обществом сестры Беаты. Сейчас булочек не было (а жаль!), зато вдоль стен сидели десять молодых женщин, часть из которых была в апостольниках. Бритые головы других отражали свет потолочной лампы. И, разумеется, Мэри Гамильтон была тут как тут.

- Итак, леди. Насколько мне известно, вы уже ознакомились с тактико-техническими характеристиками кораблей, на которых вам предстоит летать. - Дождавшись синхронного кивка десяти голов, Морган продолжил: - Карты Бельтайна с указанием точек, в которых в последнее время наблюдались старты кораблей, принадлежащих преступникам, уже введены в бортовые компьютеры "Сапсанов". Вам будут присвоены позывные от единицы до двадцати... да, мисс Гамильтон?

- Сэр, я предлагаю сделать позывными числа от единицы до сотни.

Встать она, конечно, не удосужилась. Что ж, никуда не денешься, придется привыкнуть. Музыка заказывают именно пилоты.

- Обоснуйте, мисс.

- Всему Бельтайну, разумеется, уже известно, сколько у вас кораблей. Но не стоит, как мне кажется, делать широким достоянием число пилотов. Нас ведь на самом деле не двадцать, а сорок. - Ишь ты... Вот этого Морган не ожидал. Ай да аббатиса! - И если вы дадите нам номера в пределах сотни, какое-то, хотя, боюсь, недолгое, время вам удастся водить за нос наших противников. Кроме того, позывные можно будет менять...

- Принято, мисс. Благодарю вас. Продолжим. Тренировочные вылеты начинаются завтра. Я прекрасно понимаю, леди, что вам не до-иодилось летать в атмосфере. Следовательно, придется иметь дело с такими понятиями, как, например, трение о воздух. Не то чтобы это имело совсем уж принципиальное значение при стрельбе, но при маневрировании... Слушаю вас, сестра?...

- Шейла, сэр. - А вот это уже монахиня. Лет двадцать пять. Стало быть, скорее всего, после службы в качестве астероидного пилота осталась и монастыре. - Полеты в атмосфере мы отработали на виртуальных тренажерах в обители, так что тренировочный период будет коротким.

- Отлично. - Ну, матушка Альма! - Теперь самое главное. Мне ни в коем случае не

хотелось бы афишировать роль монастыря в вопросе подбора пилотов. Поэтому если вы будете приходить в стартовый квадрат из храма, даже накрытые шлемы не помогут...

Женщины переглянулись. Если бы Морган мерил в телепатию, он не сомневался бы, что между ними произошел безмолвный обмен мнениями. Заговорила опять сестра Шейла:

- А где именно стоят корабли? Покажите!

Откуда она вытащила блок виртуального дисплея, Морган так и не понял. Несколько секунд спустя подробнейшая карта космопорта и прилегающих районов развернулась прямо в воздухе, а у него в руках оказалась лазерная указка, которой он и очертил стартовый квадрат "Сапсанов", огороженный высоким забором. Девушки опять переглянулись, теперь - с непонятным Моргану, а потому изрядно раздражающим весельем. Сестра Шейла - "Вы позволите, майор?" - взяла у него указку и коснулась давно заброшенного ангара на границе поля. Сколько Морган себя помнил, тот стоял без использования и единственной причиной, по которой его не снесли, была арендная плата за землю и налог на недвижимость, оплаченные чуть ли не до середины следующего столетия. Фирма, осуществившая оплату, давным-давно исчезла из Торгового реестра, однако клочок земли не стоил того, чтобы разбираться с цепочкой правопреемников. По крайней мере, полицию ангар не интересовал, ибо был совершенно пуст, а расположение его не мешало взлету и посадке.

- Если пилоты будут выходить отсюда, вас это устроит? - Очень даже заслуживающие внимания синие глаза под кромкой апостольника искрились сдерживаемым смехом.

- Несомненно, сестра Шейла. Но как вы собираетесь незаметно попадать внутрь? - спросил Морган и услышал в ответ вполне - насколько он успел познакомиться с монастырем и монахинями - предсказуемое:

- Не забивайте себе голову, майор. Все будет в порядке. Только огородите заодно со стартовым квадратом и это строение тоже - во избежание нашествия любопытных.

- Я распоряжусь немедленно, сестра Шейла - А вот обойдешься, синеглазка. Чем хочу, тем голову и забиваю.

Двумя часами позже Морган, выдернувший из архивов схему подземных коммуникаций космопорта двухсотлетней давности и наложивший на нее современную, восхищенно выругался, обнаружив искомое. С системой маскировки спуска под землю еще следовало разобраться: он лично на днях, перед заведением "Сапсанов" на квадрат, только что не носом прорыл каждый квадратный дюйм проклятого ангара и ничего подозрительного не обнаружил. Но то, что коммуникации соединяли ангар с монастырем (и не только с ним), сомнений не вызывало. Правда, современная схема утверждала, что вот этого прохода попросту нет... Да и сам он, встречаясь как-то раз с одним из своих информаторов именно в этой части подземного лабиринта, и помнил только монолитную стену... Интересно, для обеспечения какого рода деятельности нужны такие хитрости? И как упомянутая деятельность сочетается с уставом ордена тарисситок? Или хотя бы с десятью заповедями?

Тренировочные полеты на новехоньком «Сапсане» с первых же минут заставили Мэри проникнуться глубочайшим уважением к конструкторам и кораблестроителям Российской империи. За неполную неделю девушка буквально влюбилась в хищный и при этом элегантный силуэт. Истребитель молниеносно набирал скорость и высоту и безукоризненно слушался команд. Не вполне привычная система управления оказалась тем не менее на удивление рациональной. И, разумеется, реальный полет отличался от тренировок на симуляторе, как свежее яблоко от сушеного. Во всяком случае, во время тренировок ее ни разу не накрыло ощущением единения с кораблем и пространством. А сейчас оно приходило почти сразу после отрыва от тверди. Самое важное, по мнению Мэри, заключалось в том, что скорости полета на "Сапсане" позволяли не использовать стимуляторы, и это было очень удобно с любой точки зрения. Пресловутые боевые коктейли группы "р" были не самыми безобидными препаратами. В частности, человек, находящийся под воздействием такого коктейля, не мог себе позволить даже порезать палец: самое пустяковое повреждение кожи грозило критической кровопотерей. Этот факт в сочетании с тем, что военными пилотами Бельтайна были исключительно женщины, в свое время послужил причиной внесения в

Устав ВКС пункта, запрещающего под страхом расстрела боевые вылеты во время месячных. Данное ограничение специально оговаривалось при заключении контракта, но наниматели охотно подписывались под этим категорическим требованием. В конце концов, никто не отменял гормональные препараты, способные изменить женский цикл, хоть они и не слишком полезны для здоровья; да и любой командующий предпочитал иметь по-настоящему хороших пилотов с кратким ежемесячным отпуском, нежели без отпуска, но не таких умелых. Мэри, правда, считала - проштудировав соответствующий раздел фармакологического справочника, - что если какая-нибудь дуручка рискнет вылететь под коктейлем "р" во время месячных, расстреливать будет уже некого, но чего в жизни не бывает... Полезный пункт. Но неудобный в полицейской службе, требующей ежедневного присутствия пилота на боевом дежурстве. Так что просто здорово, что на "Сапсанах" можно летать без стимуляторов.

Сегодня она отрабатывала одиночный полет. Это ей нравилось больше, чем летать в спарке: во-первых, ее стиль управления несколько отличался от стиля Дины Роджерс, а во-вторых, ее поставили ведомой! Мэри, не без оснований полагающая, что летать она умеет не хуже Дины, молча злилась. Ей все время хотелось во время парного полета отколотить что-нибудь эдакое, а необходимость держать свои желания и эмоции при себе уж никак не добавляла хорошего настроения. Если уж быть совсем честной, источником злости и некоторой даже подавленности было не только и не столько положение ведомой. Дина. Эта последняя искренне восхищалась юной напарницей и в этом-то состояла главная проблема. Восхищение Дины могло сыграть злую шутку с обоими пилотами, потому что во время полета приходилось контролировать не только свое желание выпендриться, но и желание Дины позволить это. В какой-то момент ведущий и ведомый могли функционально поменяться местами, а это уже не лезло ни в какие ворота. Насколько Мэри было известно, Дине предстояло стать первым пилотом, и невесть откуда взявшаяся готовность подчиняться второму номеру никуда не годилась. Доложить по команде? Не лучший выход. Да, дела. Ладно, как-нибудь утрясется, а пока ей предстоял полет. Рука с мастер-ключом, вытатуированным в виде кольца на среднем пальце правой руки, привычно (уже привычно!) скользнула в углубление на ложементе, шлем вывел на дисплей перед глазами картинку с внешних мониторов. Низкий, вибрирующий гул маневровых двигателей почти отсекался безукоризненной звукоизоляцией, но только почти, и это было прекрасно. Отрыв! Стартовый квадрат ушел вниз и вбок, с едва ощутимым толчком подключились маршевые и «Сапсан» лег на курс. Острова один за другим проплывали внизу. Картина была настолько мирной, что Мэри казалось, будто та запись, которую показал ей в обители Морган (- А у вас будет позывной "Дядюшка"! - Почему? - Не знаю, но вам идет!), просто не могла быть снята здесь, на Бельтайне. Полет убаюкивал, а это было как минимум неправильно. Мэри прибавила скорость. Сбросила до минимальной. Спустилась почти к самой воде. Снова набрала высоту. Заложил крутой вираж и тут... Огней этот красавчик не зажигал. Позывных за исключением автоматически отправляемого номера борта (она тут же прокрутила весь общепринятый диапазон) не подавал тоже. Место старта было внесено в бортовой компьютер как одно из «горячих». А траектория, по которой поднимался корабль, яснее ясного говорила о нежелании попасть в зону действия радаров. И Мэри вдруг поняла, что означает выражение "поймать волну", которое она слышала, случайно включив во время отдыха спортивный канал и наткнувшись там на урок серфинга. Может быть, опять подсадная утка? Майор почти в каждый полет запускал "условного нарушителя". Тогда почему вдруг сильно и быстро забило сердце?

- Ноль двадцать два вызывает координатора. Координатор, ответьте.

- Здесь "Дядюшка". Что у вас, ноль двадцать два? - Голос Моргана, частенько засиживавшегося в координационном пункте, был почти сонным. Может быть, он и в самом деле прикорнул где-то в уголке - время близилось к полуночи.

- Нарушитель, сэр. Только что взлетел. - Она отправила координаты.

Ответ пришел моментально:

- Это не подстава, ноль двадцать два, повторяю, нарушитель настоящий. - От расслабленной леницы не осталось и следа.

- Какие будут указания, сэр? - Волна тянула ее на гребень, дразнила кружевом пены.

- Вы сможете задержать его, ноль двадцать два?

- Думаю, да, сэр.

- А без "думаю"?

- Так точно, сэр!

- Действуйте, ноль двадцать два. Сажайте его! Арестная команда уже в воздухе, давай!!!

И Мэри дала.

- Говорит патрульная служба планетарной полиции, ноль двадцать два. Борт -ТК-, назовитесь! - Никакой реакции не последовало, корабль, уже определенный компьютером как малый грузопассажирский транспорт, продолжал движение, заметно прибавив скорость.

- Борт -ТК-, немедленно вернитесь в точку старта и приготовьтесь к досмотру!

Слушаться нарушитель и не подумал. Более того, явно наплевав на скрытность, он резко пошел вверх.

- Борт -ТК-, вы не подчинились законному требованию и будете атакованы! - Ну все, формальности выполнены.

На! Первая ракета ушла в пустоту. Вторая тоже, хотя теперь Мэри взяла прицел, казавшийся идеальным. Но неизвестный пилот совершил маневр, который - она была готова в этом поклясться - являлся просто невозможным для кораблей этого типа. Ах так?! Она уже поняла, с кем имеет дело. Кто бы не находился в каютах, не было никаких сомнений в том, что в пилотском ложементе лежала сейчас выпускница Корпуса. Очень знакомый стиль. Однако стиль стилем, а "Сапсане быстрее и маневреннее. Причем существенно. Куда там какому-то транспортнику! Только бы не сплеховать на этот раз... Истребитель слушался так, словно двигатели его стали ногами Мэри, послушно разгоняющими ладное, сильное тело для прыжка, а ракетные установки руками со множеством пальцев. Чем следовало считать в таком случае пару тяжелых гауссовых пушек, она додумать не успела. Потому что один из пальцев-ракет дотянулся до маршевого двигателя противника. Изумительный, цвета раскаленных яблоневых угольев, шар взрыва подбросил корабль, который закувыркался в разреженной атмосфере, как игрушечный. Комп "Сапсана" тут же проанализировал и сообщил характер повреждений. Порядок, маневровые целы...

- Борт -ТК-, приказываю совершить посадку! - ответ, пришедший на используемой ею частоту даже отдаленно не напоминал выражения, принятые в приличном обществе, но тем не менее корабль начал снижаться. И вот тут-то по струе ледяного пара, вырвавшейся из тонкой щели, возникшей на - секунду назад! - монолитном корпусе, Мэри поняла, что началось аварийное открытие погрузочного люка грузового отсека. Залитое мертвенным светом полицейских прожекторов поле хмеля на секунду промелькнуло у нее перед глазами, собственная клятва прозвенела где-то на границе слуха и, не заботясь уже о процедурных тонкостях, она заорала:

- Не смей!!! Закрой люк, ублюдок, рубку разнесу! Дюзам сожгу на хрен, только попробуй открыть!

Много позже она выругала себя за эту угрозу: пилоту транспортника ничего не стоило сообразить, что в случае прямого попадания в рубку груз погибнет точно так же, как если бы его сбросили. Но струя пара уменьшилась, исчезла, щель в корпусе закрылась. Нарушитель опускался. Внизу мелькнул лес, переходящий в холмистую равнину. Не лучшее место для посадки, но хоть не скалы - и то ладно. Корабль сел. Вернувшись на полицейскую частоту, Мэри уточнила координаты, получила заверение в том, что арестная команда на подходе, краем уха выслушала категорическое требование ничего не предпринимать до прихода помощи и, включив все бортовые огни, зависла над изрядно покосившимся на опорах транспортником.

- Корабль не покидать. Люки не открывать. При попытке неповиновения вы будете

уничтожены. - Она снова перешла на полицейский канал, потому что выслушивать визгливые вопли, обильно одобренные непристойностями, у нее не было ни желания, ни, откровенно говоря, сил. Мэри чувствовала странное оцепенение. Волна отхлынула, выбросив ее на берег, и берег этот был пуст, холоден и неприветлив.

- Ноль двадцать два, вы в порядке?

Ну вот что он пристал, без него тошно...

- Так точно, сэр.

Отчего она зябнет? Что это - постбоевой синдром? Нервы разгулялись? Вздор, откуда им взяться! Она услышала чей-то смех. Вот это да - это же она смеется! Мэри, чувствуя что-то вроде паники, покосилась на экран, но нет - канал связи был в данный момент неактивен, услышать ее не могли. Уже хорошо. На дисплее возникли быстро растущие метки, автоматически отправленный запрос получил подтверждение, закодированное по сегодняшней схеме. Люди, высыпавшие из двух севших неподалеку от задержанного транспортника мапшн, рассредоточились в цепь, окружившую корабль. Приблизив картинку, Мэри с некоторым злорадством разглядела у них в руках тяжелые плазменные винтовки. Да никак Дядюшка Генри пригнал сюда элитное подразделение? Он что же, держал их под ружьем всякий раз, когда один из «Сапсанов» уходит в полет? Тут Мэри вспомнила, что сегодняшний вылет был тренировочным, поняла, что ничего не поняла, и решила, что обдумает все потом. Приземлился еще один катер. Из него выпрыгнула знакомая долговязая фигура и что-то, судя по размашистым рубленным жестам, скомандовала. Люк - тот самый - открылся, трап нижним концом коснулся земли и по нему стали спускаться люди. Рядом с "Сапсаном", слева и справа, нарисовались два атмосферника, а знакомый голос в ушах "командовал:

- Ноль двадцать два, возвращайтесь на базу.

Ну как скажете, сэр, на базу так на базу... Мэри аккуратно, чтобы никого не задеть выхлопом маневровых, поднялась на высоту мили, чистого хулиганства ради поставила истребитель на "свечку" и ушла в сторону Центрального космопорта.

- Как она? - Генри Морган торопливо шагал по одному из многих коридоров, скрывавшихся за неприметной дверью справа от органа. Как он ни старался, раздобыть план помещений храма Святой Екатерины Тариссийской ему не удалось, и даже специально натренированное чувство направления сейчас сбило. Он даже не мог сказать, находится он на поверхности планеты, над или под ней. Его провожатой приходилось почти бежать, чтобы быть хоть на четверть шага впереди нетерпеливого подопечного.

- Скверно, сэр. - Молодая послушница (как же ее? Ладно, неважно) была явно обеспокоена. - Видите ли, майор, Мэри совершенно не умеет проигрывать...

- А что именно в данном случае называется проигрышем? Успешное задержание преступника?! - Морган действительно ничего не понимал и от этого был почти зол. Сообщение о том, что психологическое состояние Мэри Гамильтон оставляет желать много лучшего, он получил в разгар дружеской пьянки по случаю первого настоящего успеха новой патрульной службы. Шон О'Брайен как раз произносил витиеватый (по причине некоторой нетрезвости произносящего) тост за здоровье - "не знаю, где вы их взяли, сэр, но они просто чудо!" - пилотов "Сапсанов", когда клипса коммуникатора рывкнула на майора голосом сестры Агнессы. Не особенно стесняясь в выражениях, монахиня выскочила на него так, как никто не позволял себе уже несколько лет. Из ее краткого, но энергичного монолога следовало, что он мерзавец и недоумок, а ведь она предупреждала! Она говорила, что Мэри слишком молода! А что теперь?! Морган покосился на экран браслета и с некоторым недоумением обнаружил, что его, оказывается, в данный момент никто не вызывает. Ну да, это просто помехи вопят в ухо так, что оно скоро отвалится; после того, как свернется в трубочку. Вздыхнув с облегчением по поводу соблюденной секретности, он дал себе слово разобраться в том, как у монахинь получаются такие вот фокусы со связью, с сожалением покосился на уставленный бутылками и закусками стол и рванул в храм. Что бы там ни произошло, он должен был разобраться лично. Никаких угрызений совести по поводу

гипотетической депрессии Мэри он не испытывал, потому что, с его гочки зрения, упомянутой депрессии попросту неоткуда было взяться. Но сестра Агнесса уж точно не дала бы ему покоя, а эта девица, встретившая его у дверей (черт, да как же ее зовут? Роджерс. Дина Роджерс), была мрачнее любой из картин Тимоти Макклеяна.

- Видите ли, сэр... Мэри видела сводку потерь...

- Каких, к черту, потерь?! - Морган с трудом сдерживался, чтобы не заорать дурным голосом.

- Двое пленников погибли, когда взорвался маршевый двигатель и корабль-нарушитель на какое-то время потерял управление...

- Двое из восемнадцати! Из восемнадцати!!!

- Я понимаю, сэр, но Мэри... она винит себя в их смерти...

- О черт!

Морган остановился перед указанной послушницей дверью, выровнял дыхание и постучал.

- Мисс Мэри, это Генри Морган. Я могу войти?

С минуту за дверью царила тишина, потом бесконечно усталый, совершенно незнакомый майору голос произнес: Входите, Дядюшка.

Жестом отпустив Роджерс, Морган одернул куртку и вошел в комнату без окон. Комната ему не понравилась. Категорически. Серые стены так близко одна от другой, что в длину помещалась только металлическая кровать, а в ширину - та же кровать и тумбочка рядом с ней. Узенькая дверь, ведущая, должно быть, в санитарный блок, соседствовала со столь же узкой дверцей стенного шкафа. Беленый известью потолок с неприятно-резким светильником в центре. Единственное украшение - распятие в изголовье. Единственное дополнение интерьера - гипнопедическая установка на тумбочке. Поверх серого, как стены, покрывала на кровати лежала Мэри. Рослая для своих лет и широкоплечая по любым меркам, девочка показалась ему странно хрупкой. Должно быть потому, что руки она заложила под спину. Ботинки она все-таки сияла, и теперь они валялись на голом полу, а вот ремень комбинезона даже слегка не ослабила и застежка была поднята до самого горла. Внезапно Генри поймал себя на почти непреодолимом желании обнять Мэри, прижать к себе, защитить от всего и вся. Со страшной силой хотелось набить морду. Все равно кому. Да хоть бы и самому себе. Не уберег малышку! Хорош отец! Так, стоп. Это из какой-то другой сказки. Насколько Моргану было известно, детей у него не имелось. Может быть, пора?

- Мэри, девочка. - Он поискал, куда бы сесть, и сел на пол. - Что случилось?

- А вы не знаете? - Голос, по-прежнему незнакомый - она что, сорвала связи? Или просто давно не пила? - был ядовит, как сок чернострельника. - Я же убила их, вы понимаете это?! Я их убила!!! Раскидалась ракетами, кретинка! Надо было гауссом отстрелить дюзу, а я... - Лучше бы она плакала. Лучше бы она каталась по кровати или молотила кулаками стену. Все что угодно было бы лучше этого хриплого шепота из запекшихся губ, этих сухих глаз, уставившихся в одну точку, этой неподвижности. Что-то надо было делать, причем прямо сейчас, но что? Морган знал ответ, но ответ этот годился для сорвавшегося мужчины, а как отреагирует четырнадцатилетняя девочка? Ладно, попробуем.

- Встать! - гаркнул он, резко поднимаясь на ноги. - Ну?! - Как он и рассчитывал, привычка выполнять приказы и распоряжения старших по званию сработала безотказно. Мэри вскочила с кровати и замерла по стойке "смирно". В глазах, только что тусклых, как затертая стойка третьесортного бара, вспыхнула какая-то мысль. Морган не стал разбираться какая. - Одевайся. Как на вылет. Броня, шлем, что там еще? Ты идешь со мной. Немедленно. Пять минут тебе на сборы, я жду в коридоре.

Выйдя за дверь, он прислонился к стене и засек время. Мэри уложилась с лихвой (кто бы сомневался!): пять минут еще не истекли, когда рядом с ним возникла затянута в гравикомпенсаторную броню фигура, увенчанная глухим черным шлемом.

- Пошли, - бросил Морган, - ты знаешь, как отсюда пройти к калитке, выходящей к складам запчастей?

Девушка кивнула и зашагала впереди него. Через двадцать минут машина Генри скользила по полицейскому коридору, а еще через полтора часа они уже бок о бок стояли на лужайке перед старым, но еще крепким домом, окруженным многочисленными конюшнями. Вокруг, сколько хватало глаз, простирались ухоженные выгоны. Семья Рафферти, одна из ветвей которой превратилась в знаменитую Линию Канониров, разводила гунтеров, за возможность обладать которыми на межпланетных аукционах отчаянно торговались самые богатые люди Галактики. Несмотря на поздний, вернее - ранний, час, во всех окнах дома горел свет, а уж шум стоял... Морган крепко взял Мэри за руку и почти потащил ее к просторной террасе, на которую открывалась массивная входная дверь, распахнувшаяся при их приближении. В дверном проеме стоял сам Мозес Рафферти, старого образца винтовка в его руках была направлена на ночных гостей. За его спиной угадывались - разглядеть что-либо за столь массивным объектом было затруднительно - еще несколько вооруженных людей. Сдавленное ворчание где-то на заднем плане выдавало присутствие как минимум двух волкодавов.

- Эй, Мозес, полегче, это я, Морган! - крикнул майор.

- Майор Морган! Вы все-таки решили выпить с нами за возвращение Джереми? Рад, рад! - прогудел седой патриарх и громыхнул через плечо: - А ну-ка, бездельники, грогу майору и его человеку!

- Нет, Мозес, пить я не буду, - решительно отказался Морган, выталкивая Мэри вперед, прямо под взгляды высыпавших на террасу чад, домочадцев, родственников и свойственников празднующего семейства. - Я прилетел, чтобы познакомить вас кое с кем. Это - пилот ноль двадцать два. Не спрашивайте его имени, он все равно не ответит, а я и подавно. Но это тот самый человек, который посадил корабль, увозивший Джереми.

Старый Мозес, не глядя, сунул винтовку кому-то из сыновей или племянников и шагнул было вперед, но дойти до Мэри не успел. Как такая маленькая женщина ухитрилась отпихнуть с дороги огромного коневода, навсегда осталось загадкой для Моргана, но она оказалась впереди всех, рухнула на колени перед опешившей девушкой и начала покрывать поцелуями ее руку. Правую, с кольцом мастер-ключа. Мэри попятилась, попыталась выдернуть ладонь, беспомощно обернулась к безмятежно поглядывающему на светлеющее небо майору, но тут подоспел Мозес, еще какой-то мужчина, еще один, старушка в чепце, девушка лет семнадцати, двое мальчишек-близнецов... Ее обнимали, хлопали по плечам и обещали любого жеребца из табунов на выбор. Откровенные взгляды женщин помоложе могли бы, с точки зрения Моргана, поджечь стог сена, окажись тот поблизости. Каждый стремился хотя бы дотронуться до девушки, сказать "спасибо" так, чтобы она услышала или кивнула, а маленькая женщина все стояла на коленях, обеими руками прижимая к сердцу облитые ее слезами пальцы Мэри.

- Ну как же без имени, майор? - укоризненно выговаривала Моргану статная молодуха на сносях. - Мне ведь сына называть скоро, как же без имени?! И отцу Брендону что сказать прикажете? За кого молиться-то?

- Помолчи, Джудит, - строго сказал старший Рафферти. - Если майор не хочет, чтобы мы знали, как зовут человека, вернувшего нам Джереми, значит, так тому и быть. Майор Морган знает, что делает. Мало ли что, проговорится кто по пьяной лавочке, еще отомстить захотят, засранцы. Не самому, так семье. А отец Брендон и за пилота ноль двадцать два помолится. Бог, поди, не дурак, поймет, о ком речь. Но ты, сынок, знай, - он повернулся к Мэри, сжал плечо громадной, похожей на лопату ладонью, - что если тебе когда-нибудь понадобится хорошая лошадь, или дом, где тебе рады, или просто пара-другая крепких кулаков, ты можешь прийти к любому из Рафферти и сказать "ноль двадцать два". Спасибо, майор, что привезли его к нам, я не забуду этого. Вставай, Сара. У парня был тяжелый день, а ему еще лететь домой. Вставай. - С этими словами он неожиданно мягко поднял на ноги плачущую женщину, церемонно поклонился Мэри, повернулся и пошел к дому. Остальные, оглядываясь и возбужденно переговариваясь, потянулись за ним и вскоре на лужайке остались только Мэри и Морган.

- Все поняла? - негромко спросил майор, когда дверь захлопнулась за тяжело переваливающейся Джудит. - Или еще в одну семью слетаем? Тут, в принципе, недалеко...

- Я поняла, сэр.

- Не сомневался в этом. Запомни, малышка, ты не сможешь спасти всех. Но даже если ты спасешь одного - это все равно будет на одного больше, чем если бы эти сволочи улетели безнаказанно. И если при этом погибнет или будет и хвачен живым хоть один преступник, значит, на одного мерзавца здесь, на Бельтайне, в нашем с тобой доме, стало меньше. Вот и все.

- Разрешите вопрос, сэр?

- Разрешаю.

- А что с пилотом транспортника?

- Застрелилась, дрянь, - равнодушно пожал плечами Морган. - Оно и к лучшему. Трибунал - такая морока. Да и о репутации стоит подумать.

- О репутации Корпуса и Линий, сэр?

- Именно. Ладно, девочка, полетели-ка домой.

Время шло, а иногда и несло галопом. Мэри не обращала на него внимания. Время принадлежало ей. Сама она принадлежала одновременно монастырю и полиции, что порой служило причиной некоторой раздвоенности. Пилоты «Сапсанов» сменяли друг друга, после недели дежурства на планете наступал трехнедельный перерыв, во время которого Мэри, как и остальные молодые послушницы, выполняла полеты в поясе астероидов и водила тяжелые баржи с рудой от обители к базе "Гринленд". Там груз принимали суперкарго компании "Бельтайн трейдере", там формировались караваны, оттуда в Большой Космос отправлялись транспорты с вейвитом и табаком, шерстью и лошадьми, виски и хмелем, кожами и зерном. Ну и ирисситом, конечно, куда ж без него. Иногда она мечтала о том дне, когда Галактика ляжет под ноги капитану Гамильтон - знаменитому капитану, а как же иначе! Но такое случалось нечасто. Работы было много, очень много, мечтать было некогда. А кроме того, даже здесь, на скромной аграрной планете, у нее находились поводы для гордости. В частности, довольно быстро выяснилось, что "ноль двадцать два" - это что-то вроде уважаемой торговой марки. Желающих потягаться с ней становилось все меньше, преступный мир Бельтайна довольно быстро уяснил, что ноль двадцать второго надо слушаться, иначе... Как-то раз Морган дал ей прослушать запись, притащенную одним из его бесчисленных информаторов. Несколько подвыпивших мужчин, обсуждавших нововведения командующего планетарной полицией, сошлись на том, что если тебе на хвост сел ноль двадцать два, единственное, что ты можешь предпринять - это поискать наиболее удачное место для посадки... И не дай тебе бог повредить груз! А уж как стало трудно искать новых пилотов на Бельтайне... Никто не хочет связываться с ноль двадцать вторым, чтоб его так и сяк... Что ни говори, слышать такой отзыв от "противоположной стороны в переговорах" было приятно. Несколько раз Мэри с удивлением ловила себя на том, что подобная слава - а как еще прикажете это называть? - льстит ее самолюбию едва ли не больше, чем полученный в четырнадцать лет сертификат пилота. Сертификат, конечно, штука хорошая. Но сам по себе он не значит ничего. Ну строчка в досье. Ну в рамочку можно вставить распечатку, на стенку повесить. А сейчас в ее руках было Дело. Настоящее, без дураков. И обреченная покорность, с которой ее «подопечные» глушили маршевые двигатели, заставляла ее испытывать эмоции, по поводу которых мать Альма всякий раз укоризненно напоминала на исповеди, что гордыня суть смертный грех. Мэри было все равно. Никаких угрызений совести или, тем паче, раскаяния она не испытывала. Засевшая в голове фраза Моисея Рафферти "Бог, поди, не дурак" казалась ей куда более разумной, чем все правильные - и удивительно скучные - воспитательные высказывания настоятельницы. Немаловажным обстоятельством было и то, что бабушка, переселившаяся и монастырь Святой Екатерины одновременно с зачислением Мэри в Корпус, была на ее стороне.

- Все она правильно говорит, детка, - размеренно рассуждала София, - и про то, что смирение паче гордости, и про самоуверенность, которая сродни поражению... Только

Альма никогда боевым пилотом не была. Может, оно и к лучшему, здесь, в монастыре, ей самое место, но понять нас она не может. Простить может, понять - нет. А ты летай. И будь лучшей. Впрочем, о чем это я? Ты всегда была лучшей. Даже когда тебе было только два месяца от роду и мы г Алтеей принесли тебя в учебный центр...

Мэри любила слушать воспоминания бабушки о своем рождении и раннем детстве. Понятия не имеющая об отце и совершенно не помнящая матери, она ловила и отсеивала крупинцы информации, как шахтер тарисситовых рудников - мельчайшие частички драгоценной руды.

- Знаешь, я ведь ужасно разозлилась тогда. Алтея была произведением искусства, по-другому и не скажешь, и вдруг... Когда она вернулась с Бастиона Марики, меня дома не было - я тогда как раз дослужилась в "Транс курьере" до младшего компаньона, дел было невпроворот, а тут такое! Ну, нашлись, конечно, добрые люди, посоветовали домой наведаться, да. Прилетаю я, а она меня на пороге ждет. И пузо на нос лезет. А Монро, дрянная эдакая, тут как тут: ах, незапланированный ребенок! Ах, от чужака! Капитан, повлияйте на вашу дочь, беременность необходимо прервать, требуются искусственные роды, этот плод не должен живым появиться на свет, он не соответствует стандартам Линий! Ты думаешь, у Джастина всегда была такая идеальная улыбка? Не-е-ет, девочка, это Алтея решила, что с матерью будет говорить без посторонних, а он, придурок, убраться не успел. Вот никакого чувства самосохранения у негодяя, и как он до таких лет дожил?! Ладно, к черту его. Поговорили мы с твоей мамой, и знаешь - я ее поняла. И даже позавидовала, грешным делом. У меня ведь такого не было, обе мои дочери в пробирке зачаты были, отцы только в метриках и присутствовали, ни одного из них я в глаза не видела... Врать не буду, святой я уж точно не была, были у меня любовники, куда ж без них, но чтобы вот так... Наплевать на все, похерить карьеру - а ей ведь по всем прикидкам еще больше пяти лет службы оставалось, пойти поперек Линий, забеременеть и родить от выбранного ею самой, а не генетиками, мужчины... Не думать ни о чем, кроме своей любви... Не повезло мне. Просто не повезло. А Алтея от счастья именно светилась. Правда, и плакала часто... не думай, отец твой не каким-нибудь там трахалем был. Он на Алтею жениться хотел, увезти к себе, представляешь? Семье представить как жену. Это в Линиях Пилотов браки не приняты, так ведь не только Линии есть на белом свете, не только пилоты и не только Бельтайн. Да. Только ему еще в один рейд сходить надо было, он же офицер был, как я, Алтея, ты... Ну, она и сказала ему, что ответ даст, когда он вернется. Сама-то все уже решила, но не была бы она женщиной, если б с согласием не потянула. А он не вернулся. Погиб. Вот и все. Мне Алтея говорила, что утром узнала о беременности, а вечером сообщение пришло, что вся его часть погибла, никто не выжил. Ты ведь не просто так Мэри Александра, Александром отца твоего звали. А Мэри - это в честь Пречистой Девы. Смиловилась она, оставила Алтею память о нем. Вот так-то. Ну, родила она, два месяца тебе исполнилось, пошла Алтея, как положено, в учебный центр, а тебя не берут! Не подходишь, кровь не та. Представляешь? Все показатели зашкаливают, с какой стороны ни посмотри - идеальный младенец, а генетики уперлись и ни в какую. Пришлось мне кое перед кем пачкой кредиток помахать да побрызгать орденами. А потом, когда тебя уже приняли, Алтея улетела служить по контракту. Картан тогда как раз колонизацией одной из ближних систем являлся, надо было транспорты с оборудованием и колонистами охранять, а платили они здорово. Как раз хватило бы твое обучение оплачивать вплоть до Испытаний. Ты же знаешь, кроме бельтайнцев никто толком эскортную службу наладить не может. Российская империя - особая статья, этих еще попробуй найми, да и не умеют они, по чести говоря, малыми кораблями оперировать, зачем им, масштаб не тот, и репутация на них работает, дураков нет с русскими связываться... а что касается Свободных Планет и корветов - тут мы лучшие. Только на всякую хитрую гайку есть болт с левой резьбой, вот и Алтея нарвалась. Все бы ничего, и по контракту никто от нее не требовал на таран идти, только на транспорте, который она охраняла, женщины и дети были, а весь боезапас она уже расстреляла. Да, по-моему, и не хотела она жить без твоего отца. Даже ради тебя не хотела. Будешь в Академии - сходи, посмотри на памятник.

Красивый, я видела. Да ну, брось, что тебе этот проектор, это своими глазами видеть надо, гало тут не годится. Знаешь, на Картане ведь только скажи, что ты дочь Алтеи Гамильтон - на руках носить будут, ноги мыть и воду пить. И страховку с премией они тогда такую выплатили, что я могла уже о деньгах не беспокоиться. Когда тебе полтора года исполнилось, и разрешили не только навещать тебя, но и домой забирать раз в десять дней на восемнадцать часов, я от дел отошла. Не то чтобы мне летать не хотелось. Хотелось, еще и как, что я, по-твоему, здесь делаю? При чем тут вера, я летать хочу. Только останься я на службе - я бы тебя не видела. Как ты растешь, как в тебе кровь Гамильтон играть начинает. Вот я и решила, что хватит мне того, что дочерей своих я отдала Бельтайну и не оглянулась. И Бельтайну хватит. Обойдется Бельтайн. Ну-ну, не хмури. Какая еще жертва, ты о чем? А помнишь, как мы с тобой на побережье летали, как я тебя плавать учила? Да, хорошее было времечко. Ты вот, небось, и не помнишь такого, а ведь тебя Макклеин рисовал. Ну да, Тимоти Макклеин. Запомнила художника? Ну ничего себе... Хотя чему я удивляюсь, этот шут гороховый кому угодно в память врежется! Мы тогда только-только из воды вылезли, обсыхали на берегу, он примчался и давай круги наматывать... Жаль, картину эту купили, не увидишь ты ее. Увезли куда-то в частную коллекцию. Но если вдруг, мало ли что... Он ее "Семья" назвал. Там ты и я на песке сидим, а Тарисса садится и Макклир такой красный, что аж черный... Хорошая картина. Хотя я бы предпочла, чтобы рядом с нами Алтея сидела. Ну да что уж там, не судьба. В общем, летай, девочка. И гордись собой! Имеешь право.

Глава VI

Заправочная зона сектора восемь была почти абсолютно пуста. Такого на памяти Мэри еще не случалось. На базе "Гринленд" всегда кипела жизнь. И пусть сейчас не время для масштабных грузоперевозок - за исключением тариссита и, пожалуй, вейвита - товары, экспортируемые Бельтайном, были сезонными, - но гулкая тишина, только подчеркиваемая звуками редких торопливых шагов, подавляла. Что ж, командующий базой сделал то, что от него требовалось. Весь гражданский персонал либо покинул "Гринленд", либо собирался сделать это в самое ближайшее время, а пассажирские терминалы располагались в другом отсеке. И все-таки странно. Только сейчас Мэри задумалась, а почему, собственно, на орбите присутствовал только "Сент-Пагрик". Что, тариссита стали добывать столько, что заняли и "Сент-Брендоне, и "Сент-Джордж", и "Сент-Грегори"? Ладно, допустим, "Сент-Мартине" недавно ушел с грузом лошадей, но где все остальные? Средние транспорты, мелкие суденышки? Что вообще творится с Бельтайном, не могло же все так измениться за те годы, что она не появлялась на родной планете! Ох, принципал... Мэри резко одернула себя: нельзя же, в самом-то деле, во всех неприятностях, нестыковках и просто несурезицах винить Джастина Монро. Но интуиция, часто присущее пилотам и тщательно разминаемое специалистами Корпуса качество, вопила, что на первый взгляд случайный набор обстоятельств был кем-то тщательно срежиссирован. Кстати, о лошадях. Мэри замедлила шаг, отправила запрос в справочную службу и набрала полученный код.

"Рафферти-хаус, с вами говорит Джудит Рафферти, - ответил смутно знакомый ("Как же без имени, майор?") женский голос.

- Это пилот ноль двадцать два. - Мэри решила обойтись без околичностей, времени было совсем мало. - Могу я переговорить с мистером Мозесом Рафферти?

"Одну минуточку... подождите, я переключу нас... какая честь...

Похоже, она не ошиблась, и ей действительно ответила та самая женщина, которая попрекала Моргана секретностью... сколько же? Ну да, почти девятнадцать лет назад.

"Здесь Мозес Рафферти. Счастлив слышать тебя, сынок. Чем моя семья может быть тебе полезной? - прогудел по-прежнему сильный бас.

- Мистер Рафферти, вы получили сообщение о готовящемся нападении на планету? О вероятной бомбардировке и высадке десанта?

- Получили... э-э... мэм, не так ли?

- Верно, сэр, я женщина. Сейчас это неважно. Сэр, мне сказали, что в сельской местности люди отказываются покидать свои дома. Вы тоже?

- Отчасти, мэм.

- Что значит "отчасти"?

- Лошадей мы перегнали подальше, есть у нас в лесах пара мест, черта лысого найдут. Женщин и детей отправили туда же, Джудит тоже уже уходит. Уходит, я сказал! - Возмущенный женский вопль затих в отдалении. - А мужчины будут защищаться. Если эти паскудники летят не только убивать, но и грабить - вряд ли поместье Рафферти будут бомбить уж очень сильно. У нас есть, где пересидеть, и просто так мы не сдадимся. И не уйдем в лес, даже не рассчитывайте. Вы же связались со мной, чтобы уговорить оставить дом?

- Так точно, сэр.

Ну старик! Недаром столько лет подряд семейством рулит именно он.

- Нет, мэм. Мы не уйдем. Спасибо за заботу, но нет. И если мне будет позволено заметить - зря вы так ни разу и не пришли к нам. Что, за столько лет не нашлось ничего, что моя семья могла бы вам дать? - Да он обижен? Ох...

- Я редко бывала на Бельтайне в эти годы. Да и не в моих правилах брать плату - любую плату, сэр, хоть кулаками! - Тут она усмехнулась и услышала ответный смешок. - За то, что входит в мои служебные обязанности. Жалованье мне платят исправно, а сверх того - не к лицу.

- Ладно, девонька. Будем живы - я тебя обязательно найду и что-нибудь придумаю. Ну а если не будем... - Похоже, старик решил в дальнейшем обойтись без церемонного обращения.

- На том свете угольками посчитаемся! - умыкнула Мэри и ничуть не удивилась, когда в ответ Мозес гулко расхохотался.

- Молодец, хвалю. Грешен, всю жизнь любил таких, как ты, боевых. Вот и старуха у меня такая же, и дочери с невестками, и внучки... Ладно, красotka, время дорого. Занимайся своим делом, каким бы оно ни было, а я своим займусь. Удачи тебе, ноль двадцать два.

- И вам удачи, сэр, - искренне пожелала Мари и отключила связь. Да, не ей спорить с этим упрямым. Что ж, она сделала все, что могла. Теперь следовало по совету старого Мозеса заняться делом. И в этом деле ей действительно понадобится вся удача, какую только удастся вытрясти из надутой толстухи-Судьбы.

Мигом подровнявшийся при ее приближении строй Мэри заметила издалека. Тридцать четыре человека, семь клиньев - шесть правильных и один усеченный - застыли, как на парадном построении. В первом ряду стояли капитаны. Позади них и чуть по бокам - вторые пилоты и бортинженеры. Еще дальше - канониры. На правом фланге сдержанно улыбался ее экипаж, тот самый усеченный клин. Мари хлопнула по плечу Рори О'Нил а, дружески кивнула Элис Донахью, подмигнула близнецам Рафферти, Джону Марку и Мэтью Лукасу (семейная традиция давать детям библейские имена сохранилась и в Линии), и двинулась вдоль строя, обмениваясь рукопожатиями с первыми пилотами. С кем-то она была знакома давно, кого-то - из тех, кто постарше - видела впервые или просто не помнила по Корпусу.

Все- таки у самодостаточности есть свои минусы, хотя... Покончив с приветствиями, Мэри вышла на середину, еще раз окинула взглядом молчащих людей, хотела было разразиться составленной в челноке речью, но передумала. Махнула рукой с зажатым в ней беретом в сторону стыковочных шлюзов, буркнула: "Все вопросы на месте, пошли" и, не оглядываясь, зашагала к внешней границе сектора восемь.

* * *

Шон О'Брайен давно не был мальчишкой и хоронить друзей ему уже доводилось не раз, но привыкнуть не получалось. Никак. Эх, Дональд, Дональд... И ведь это был самый

обыкновенный, ставший уже привычным вылет арестной команды на задержание посаженного на грунт корабля-нарушителя. Обычный вылет, обычный - хоть и довольно крупный - корабль, быстро ставшие обычными "Сапсаны", неподвижно зависшие на высоте четверти мили над сдавшимся противником... Вот только залпа невесть откуда взявшихся на транспорте бортовых орудий не ждал никто. Ни сгоревший в пламени этого залпа катер, на котором в числе прочих летел Дональд, ни пилоты "Сапсанов", которым пришлось уворачиваться от второго залпа. И что с того, что когда один из них, не успевший среагировать вовремя, пополз, заваливаясь на бок, на базу, второй догнал пытающийся уйти на сверхмалой высоте транспорт и, не тратя времени на обычное "здесь ноль двадцать два", последовательно разнес ему маршевые, маневровые и рубку. Что с того, если в гроб, дешевый казенный гроб, положили лишь потрепанный берет и китель с наградами - даже тела не осталось. После выстрела плазменной пушки вообще мало что остается, металл - и тот сплавляется в странной формы комок, что уж говорить о слабой плоти человеческой... Мэгги, прямая и отрешенная, не плакала. И мальчики, поддерживающие ее под руки, не плакали тоже. Крошка Энни, и должно быть, и вовсе не поняла, что происходит, и только жалась к плечу Шона, испуганно тараща глазенки. А рядом с Морганом навтыжку стоял ноль двадцать второй - в броне и шлеме, как все они. Стоял, прижимал к бокам стиснутые кулаки, и то ли слышал, то ли нет размеренные, скорбные слова похоронной службы. Потом, когда последний кусок дерна лег на надгробный холмик - один из многих, появившихся сегодня на кладбище, где хоронили погибших полицейских - пилот подошел к Шону и тихо, но отчетливо произнес бесцветным тоном:

- Я их достану. Найду и достану. Чего бы это ни стоило. Ты мне веришь, капитан?

- Ты их уже достал. Спасибо тебе, парень, - осторожно ответил Шон, но тот только покачал головой и процедил:

- Нет. Это была пешка. Я найду ферзей. Я найду тех, кто поставил плазменные пушки на безобидный с виду корабль. Тех, кто привел их на Бельтайн. Тех, кто заплатил. Я обещаю. Ты мне веришь? - настойчиво повторила черная фигура, и Шону ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Пилот отдал честь, четко, по-военному, развернулся и пошел к выходу с кладбища. На полпути его догнал Морган, наклонил голову, что-то говоря, но ноль двадцать два только нетерпеливо передернул плечами и зашагал быстрее.

- Чем это ты занимаешься, Мэри? - Девушка, с какой-то немыслимой скоростью просматривавшая возникающие на дисплее списки, подняла голову и почти сердито уставилась на бесшумно вошедшего в комнату майора. Помещение изрядно изменилось со времени его первого визита. Конечно, просторнее здесь не стало, да и не могло, но вот уюта определенно добавилось. Пестрый лоскутный коврик на полу вполне удачно гармонировал с таким же одеялом. Сама девушка, сидящая скрестив ноги на кровати, завернулась в даже на вид теплый темно-красный плед и обложила полудюжиной разнокалиберных подушек. Потолочный светильник, чей свет так резал Моргану глаза почти два года назад, был сейчас выключен, а дисплей освещала изящная финтифлюшка на стене. Да и сама Мэри не была сейчас угрюмым подростком с большими глазами загнанного зверя. Она повзрослела, взгляду добавилось холодности, но холодность эта не имела ничего общего с наигранной - теперь майор видел разницу - бравадой девчонки, которую он увидел в приемной монастыря Святой Екатерины.

- Вы могли бы и постучаться, Дядюшка, - мягкой, но строгой укоризне в ее голосе могли бы позавидовать немногочисленные известные Генри дамы из высшего общества Бельтайна. Случалось ему изредка встречать таких на приемах и официальных мероприятиях, - А если бы я была не одета? Или спала?

- Насчет не одета - не знаю, а вот про «спала» это можешь мне не заливать. Ты не спишь третьи сутки, - проворчал он, - И вообще, подвигайся. У меня был тот еще денек, ноги гудят - сил нет.

- И кто же меня заложил на этот раз? - иронично поинтересовалась девушка, послушно отодвигаясь к изголовью кровати и с несколько насмешливой улыбкой наблюдая, как

Дядюшка пристраивает свои без малого семь футов рядом с ее правым коленом.

- Кто-кто... сестра Агнессы, кто ж еще. А вот кто заложил тебя ей... - Морган пожал плечами. Честно говоря, не спрашивал. Да и какая разница, кто. Ты хоть ешь?

Мэри промолчала, сочтя вопрос праздным. Установка была изгнана с тумбочки на пол, а на ее месте стояла полупустая тарелка с остатками не то позднего ужина, не то раннего завтрака и бутылка чего-то тонизирующего. Во всей этой химии майор не разбирался, предпочитая естественные препараты вроде пива или виски, но не предлагать же шестнадцатилетней девушке выпить за компанию.

- Так чем ты занята? - повторил он свой мерный вопрос.

- Пытаюсь распутать несколько концов. Ищу виды поставок корабельных орудий.

- А почему ты думаешь, что орудия привезли на планету, а не установили на корабль где-то за ее пределами?

- Ну вы же видели результаты экспертизы, сэр.

- Да я-то видел. А вот ты где их взяла?

- Вы плохо защищаете информацию, майор. Я ладно, я своя, а ведь вокруг хватает очень разного народа. - Невозмутимости этой нахалки могли бы позавидовать лучшие игроки в покер. - Вы бы и впрямь проверили систему компьютерной безопасности, не ровен час, кто-то посторонний доберется. Информация еще полбеда, могут ведь и что-нибудь по-настоящему существенное повредить или перенастроить.

Морган мысленно схватился за голову. Никак, вот никак не мог он привыкнуть к тому, что в присутствии Мэри Гамильтон время от времени чувствовал себя щенком. Иногда - нашкодившим. Ну ладно, компьютерщиков он, конечно, взгреет, но что же такое она раскопала? А ведь раскопала, недаром изгибается в торжествующей улыбке правый уголок красиво очерченных губ. Губы вообще были единственным в ее лице, что можно было без натяжки назвать красивым. Хотя кто знает - может быть, где-нибудь красивым сочли бы лицо целиком. Только, увы, не на Бельтайне. Правда время от времени он ловил себя на мысли, что с такими мозгами и таким умением летать признанная красота, в сущности, без надобности.

- Мэри, не морочь мне голову. Что ты нашла, ну? - Терпением майор не отличался, даже будучи выпавшимся и сытым, а сейчас ни одно из этих требований выполнено не было.

- Что нашла... Так, во-первых, на Бельтайн направлено двенадцать комплектов корабельных плазменных пушек.

- Сколько?! Да ты в своем уме?!

- Уж точно не в вашем. Даже если учесть, что один мы давеча разнесли в хлам...

- Ты разнесла, - не без ехидства уточнил Морган.

- Ну, пусть я. Теперь второе. Помимо упомянутых комплектов вооружения на планету совсем недавно протасили как минимум семнадцать ракетно-зенитных батарей. Чем вообще, позвольте полюбопытствовать, занята таможенная служба "Гринленда"? Нас скоро начнут отстреливать в полете, примерно через неделю, если сопоставить сроки прибытия груза с тем временем, которое требуется для скрытного монтажа. Еще скажите спасибо, что расфасованы эти установки в мелкую тару, - для конспирации, надо полагать - поэтому сроки сборки увеличились. А то начали бы мы огребать еще в прошлом месяце. Причем заметьте, я говорю именно о грузах, прошедших через базу, а сколько и чего забросили сюда непосредственно, минуя "Гринленд"... Надеюсь, впрочем, что не так уж много. По крайней мере на арестованных кораблях мы оружия и боеприпасов не находим, верно? А ведь мы сажали не только вылетающих с планеты, но и прибывающих на нее. Но я не питаю иллюзий - всех мы не брали, - Мэри поплотнее закуталась в плед и продолжила: - И, наконец, третье. Либо я сильно ошибаюсь, либо заварил всю эту чертову нишу некто Эрик ван Хофф.

- Уверена? - Морган подобрался, как кот перед мышинной норой.

- Почти. Если бы я смогла точно проследить направление финансирования... Боюсь, сэр, моей квалификации для этого недостаточно, тут нужен аналитик калибра мисс

Макдермотт, но вероятность семьдесят шесть процентов.

- Вот даже как... Любопытно... У тебя тут можно курить?

- Курите, Дядюшка. Хотя человеку без тарисситовых имплантов я бы не советовала этого делать, - голосом зануды-врача проскрипела Мэри, извлекая откуда-то из недр кровати простую керамическую пепельницу. Судя по следам на ней, майор был не единственным курильщиком в этой комнате.

- Не учи дедушку кашлять. И помолчи, мне надо подумать.

Подумать действительно было о чем. Эрик ван Хофф, ну надо же... Уроженец Нового Амстердама, выходец из известной, весьма уважаемой и очень богатой семьи, Эрик ван Хофф получил блестящее образование. Семья ван Хофф прославилась как организатор торговых процессов. Не будучи ни производителями, ни поставщиками, ван Хоффы были широко известны как идеальные посредники. Им ничего не стоило учесть интересы всех участников многоступенчатой сделки таким образом, что все стороны оставались довольны - не исключая, разумеется, и самих ван Хоффов. Таможенники и налоговики бессильно потрясали кулаками, преступные кланы вели себя корректно (время от времени и они нуждались в торговых посредниках), любой промышленник знал, что если обеспечением сопровождения контракта занялась семья ван Хофф, прибыль обеспечена. К тридцати годам Эрик стал одним из самых известных специалистов по межпланетному торговому праву Лиги Свободных Планет, а это говорило о многом. Впоследствии, когда деятельность молодого юриста стала все чаще выводить за рамки досконально изученных им законов, многие коллеги недоумевали, зачем, собственно, ему это понадобилось. Чего ему не хватало? Славы? Денег? Но уж чего-чего, а популярности и денег многообещающий отпрыск семейства ван Хофф получал в избытке. Должно быть, манипулирование в пределах пусть даже весьма свободно толкуемых законов, которым подчинялась межпланетная торговля, казалось ему пресным и не стоящим того, чтобы тратить на него свою единственную и неповторимую жизнь. А значит, следовало выйти за упомянутые пределы. Правду сказать, в полной мере преступником его нельзя было назвать. Авантюрист и ловелас, азартный трок и спортсмен-экстремал, Эрик ван Хофф побил ходить по краю пропасти. Самое интересное, что до сих пор ему вполне удавалось не оступиться, несмотря на то и дело возникающие подозрения в шпионаже. Моргану было известно, что деятельностью ван Хоффа были, мягко говоря, не слишком довольны Российская и Небесная империи, Американский союз и Рах Мехюапа, но поймать этого ловкача с поличным по сию пору не удавалось никому. Косвенных доказательств было сколько угодно, но покамест, насколько знал Морган, ни одной контрразведке не довелось побеседовать с господином ван Хоффом по душам: пятидесятилетний на данный момент Эрик обладал феноменальным чутьем на опасность. Да, если поставку вооружений для преступного мира Бельтайна организовал сам Эрик ван Хофф, перекрыть канал будет невероятно трудно.

- Мэри, ты видела его досье?

- Разумеется, - девушка не стала уточнять, о ком идет речь.

- И что ты думаешь о господине ван Хоффе?

- Трудно сказать, сэр. Сначала я была зла, как черт. А потом поняла, что мы с ним похожи, - Мэри задумчиво улыбалась, покачивая ладонями, соединенными кончиками пальцев.

Морган опешил:

- Что ты несешь, девочка? Вы с ван Хоффом... похожи? Бога ради, в чем?!

- Он такой же изгой, как и я, уж давайте, - девушка жестом остановила вскинувшегося было командира, - называть вещи своими именами. Он, как и я, нигде не чувствует себя настоящим своим. Ему так же трудно, а вернее - невозможно удержаться в заданных рамках. Он делает то, что делает, не ради денег, не по злобе и не от скуки, а потому что не может по-другому. Бедняга.

- А бедняга-то почему? - майор уже ничего не понимал.

- Потому что оставить все как есть мы не можем. А единственный способ прекратить

посредническую деятельность господина ван Хоффа на Бельтайне - арестовать его, - рассудительно заметила Мэри. - Хотя это и второстепенная задача.

- А первостепенная, по-твоему, какая?

- Обнаружить точки монтажа батарей, конечно. - Пальцы Мэри снова забегали по виртуальной клавиатуре. - Вы согласны со мной?

- Согласен. Найти и уничтожить. - Морган был настроен весьма решительно, поэтому только беззвучно ахнул, когда собеседница приподняла брови и вкрадчиво поинтересовалась:

- Зачем?

- Что значит - зачем? Сама же сказала, что скоро вас начнут сбивать! - Возмущению Дядюшки Генри не было предела.

- Нет, найти, конечно, надо. А зачем уничтожать? Что, Бельтайну помешают несколько дополнительных зенитных установок под управлением не надутых снобов из Департамента монетарной обороны, а тех, кто знает, что имении следует защищать? Хотя, конечно, доложить совету об уничтожении необходимо. Вы уж подберите надежных людей, чтобы не проболтались. Не доверяю я гражданской части Совета, вот что я вам скажу, - Мэри откровенно забавлялась, наблюдая за тем, как меняется выражение на лице Моргана и цвет упомянутого лица: от возмущенной красноты к обычному слегка загорелому пониманию и снова к краске смущения. - Кстати, боюсь, я не смогу выполнить данное Шону обещание - достать заказчиков. Высоковато они, судя по всему, я не дотянусь.

- Ну вот что, наглая девчонка, - сказал майор, перестав, наконец, хватать воздух широко открытым ртом и вставая с кровати, - если можешь, попробуй отыскать эти проклятые зенитки. И убери, наконец, с лица выражение кошки, добравшейся до кувшина со сливками.

Несколько дней спустя девять "Сапсанов" - десятый все-таки получил довольно серьезные повреждения - и все атмосферники планетарной полиции одновременно зашли на семнадцать точек. Четырнадцать из них определила Мэри Гамильтон, а еще три - Лорена Макдермотт, которой Морган для гарантии подсунил выкладки юной подопечной. Лорена на протяжении полутора часов восторженно чертыхалась, употребляла в адрес кадета Гамильтон массу нелестных по содержанию, но весьма лестных по интонации эпитетов и в конце концов посоветовала Моргану на этой неделе не отпускать девочку с планеты. Поскольку большинство зенитных установок обнаружила именно Мэри, было бы только справедливо позволить ей участвовать в операции по зачистке, мягко заметила мисс Макдермотт. И теперь пилот ноль двадцать два ждал команды от Координационного центра. Там на хозяйстве был оставлен Келли О'Брайен, донельзя возмущенный таким развитием событий младший брат Шона. Что ж, беднягу Келли она понимала прекрасно. Но помочь ничем не могла, да и не хотела. Потому что Келли О'Брайен - когда никого не разыгрывал, не сочинял скабрзные анекдоты, над которыми сам же и ухаживался, и не обставлял в покер столичных шулеров - был самым лучшим координатором из всех, с кем ей довелось столкнуться за время службы в полиции. Раздолбай Келли, стоило ему усестся в кресло координатора, становился серьезен, как катафалк, и столь же обстоятелен. Нервничать он не умел в принципе, и его спокойствие действовало отрезвляюще на самые горячие головы. Мари приятно было даже просто слушать этот бархатистый баритон - оба брата О'Брайен прекрасно пели.

- Всем внимание, глушилки включатся через тридцать секунд. Начинаю отсчет: двадцать девять... двадцать восемь...

Мэри плавно начала снижение на самом малом ходу маневровых двигателей.

...семнадцать... шестнадцать... пятнадцать...

Если она права, то вот этот, совершенно безобидный с виду амбар внизу скрывает в себе полноценный капонир...два... один... ЗЕРО!

Операция началась. На секунду врубив маршевые, Мэри проскочила почти над самой крышей злополучного амбара, снося струей выхлопа почерневшую от времени,

прохудившуюся черепицу. Ха! Она все-таки не ошиблась! Крыша, как кожура с переспелого плода, сползла вниз, обнажая металл и термопластик боевых бластеров. Девушка, не набирая высоту, уходила от заброшенной фермы по максимально прямой траектории - черт их знает, этих горе-умельцев, вдруг именно здесь монтаж огневой точки уже закончен? Развернувшись в горизонтальной плоскости за пределами возможной зоны поражения батареи, она, по-прежнему не поднимаясь и открыв все оружейные порты, начала обратный маневр. Дисплей показывал, что наземные силы, окружившие покосившиеся строения, молниеносно проверили мелкие сараюшки и, пропустив вперед саперов, сконцентрировались рядом с главной целью. Возле дверей амбара, таких же неказистых на вид, как и само строение, уже вовсю колдовали электронщики. Минута, другая - и в проход, открывшийся за отошедшей в сторону панелью, ринулась группа захвата. Мэри было доподлинно известно, что после гибели корабля с арестной командой не только она поклялась разобраться в происходящем. В ее случае разобраться означало найти, но для потерявших друзей полицейских разборка заключалась в том, чтобы ни один из попавших под горячую руку преступников не ушел живым. Понятие "правосудие" люди Моргана уже довольно давно трактовали весьма вольно, заменяя его справедливостью, как они ее понимали, по существовал неписанный свод правил, которого придерживались обе стороны. Правила не распространялись до сих пор только на тех, кто посмел действовать против детей - этих попросту уничтожали на месте. Что интересно, если вдруг киднеппер или промышляющий в школе торговец наркотиками все-таки оставался в живых, защищать его не брался ни один адвокат. Суд был скорым и максимально жестоким. Верховный судья Маккормик утверждал приговоры по верхней планке, затыкая рты борцам за права человека неизменной фразой: "Если я буду милосерден сегодня, завтра такие, как он, доберутся до ВАШИХ детей". Но в целом между плохими и хорошими парнями существовала некая разновидность договора. До сожженного катера. Теперь же никаких сдерживающих факторов не наблюдалось вообще. Уничтожив полицейских, выполнявших свою работу, бандиты нарушили правила игры. Копы шли мстить, и там, внизу, никто не мог рассчитывать на пощаду.

Некоторое время спустя из канонира выбрался кто-то из полицейских и зажег зеленый сигнальный огонь. Вскоре в ушах Мэри снова зазвучал голос Келли О'Брайена, что означало успешный конец операции. Но молодой послушнице было мало этого успеха. Главное действующее лицо оставалось на свободе, а значит, успокаиваться было рано. Мэри был нужен Эрик ван Хофф.

- Ну вот что, парни. Не знаю, как вам, а мне здешняя обстановка кажется неподходящей, - Морган устало потянулся, откинувшись на спинку кресла в своем кабинете. Кресло, кабинет и, что самое занятное, секретаршу он унаследовал от своего предшественника, О'Коннелла. Хотя, надо думать, красotka Флора ничего занятного в сложившейся ситуации не видела. Вот уже добрых два года она изо всех сил пыталась соблазнить нового шефа, но всякий раз натывалась на недоуменное, бесившее ее равнодушие. Месяц от месяца ее наряды становились все откровеннее, намеки - все прозрачнее, а чертов дылда ее попросту не замечал. Точнее замечал, конечно, но только в качестве Служащей, что уж конечно не устраивало амбициозную девицу и превращало ее временами в законченную стерву. Секретаршей, впрочем, она была отменной, а надежда рано или поздно обратить на себя именно мужское внимание начальника заставляло ее лезть из кожи вон в профессиональном плане, поэтому Морган и не спешил ее менять. Братья О'Брайен, только что проводившие алчными взглядами едва прикрытые микроскопической юбкой стройные бедра подавшей чай прелестницы, синхронно вздохнули и перевели глаза на майора. - Поэтому я предлагаю переместиться ко мне. Здесь и не выпьешь по-человечески, и поговорить толком не получится. Пошли? - Морган первым поднялся с места. Шон и Келли вскочили вслед за ним, и час спустя вся троица, заскочившая по пути в один из супермаркетов на предмет выпивки и закуски, ввалилась в редко достаивающийся внимания хозяина дом Моргана. Ввалилась и настороженно замерла в дверях, чутко вслушиваясь в царившую в доме темноту, потому что в воздухе явственно витал тонкий, но

безошибочно узнаваемый аромат. Кто-то курил здесь "Восход Тариссы", причем курил совсем недавно...

- Эй, Дядюшка, вы поесть, случаем, не захватили? - донесся из глубины дома нарочито мурлыкающий женский голос, и Морган расслабил напрягшиеся было плечи, добродушно усмехнулся, пробормотал что-то вроде "Вот ведь поросенок!" и кивком головы предложил своим спутникам пройти в гостиную.

Майор прикоснулся к выключателю, мягкий свет залил просторную комнату и слегка обалдевшие О'Брайены смогли наконец разглядеть хозяйку голоса. На мягком, усыпанном подушками диване сидела, поджав под себя ноги, совсем молоденькая девушка. Лет восемнадцати, самое большее - двадцати... Конечно, братья знали, что у шефа есть подружка, но возраст девчонки, небрежно разгоняющей ладонью клубы сигарного дыма, выходил за рамки их представлений о возможном и нормальном. Как ни крути, командующему планетарной полицией было то ли под шестьдесят, то ли за... Да и с красотой у "поросенка" была полная лажа... Они даже не сразу разглядели, что облаченная в светло-серые штаны и белую майку девица - куртка палилась прямо на полу - наголо обрита. Первым опомнился Келли, толкнул брата локтем в бок и выразительным взглядом указал на правый висок неожиданной - это было очевидно - даже для Моргана гостьи. Тарисситовый крест, так монастыря Святой Екатерины, окончательно сбивал полицейских с толку. А Морган, когда первое удивление прошло, был, похоже, рад, хотя и не на шутку озадачен.

- Могу я спросить, Мэри, что ты здесь делаешь?

- Жду вас, сэр, - поздняя посетительница невинно хлопнула ресницами.

- А как ты сюда попала?

- Через дверь, - хладнокровно усмехнулась девчонка, - я же говорила вам, Дядюшка, что мы плохо защищаем информацию...

- Черт знает что такое! - возмутился хозяин дома. - Ты еще и взломщица? Вот ведь послал Господь на мою голову...

- Господь? Точно Он? А кто потребовал именно меня включить в списки? Уж самого-то себя не обманывайте, сэр! - Ехидству девицы не было предела.

- Цыц! - рявкнул опомнившийся майор. - Господа, думаю, пришло время вас познакомить. Шон О'Брайен, Келли О'Брайен - пилот ноль двадцать два!

Братья переглянулись, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Вот эта наглая девка... эта ну не монахиня, так послушница... и есть тот самый ноль двадцать второй, которым еще немного - и преступный мир Бельтайна начнет пугать детей? Парень, сдавленным шипением обещавший Шону добраться до тех, кто сделал возможным уничтожение катера с арестной командой? Пилот, координировать действия которого всегда доставляло Келли немалое удовольствие ввиду полнейшей адекватности и разумного отношения к риску?

- Третий лейтенант полиции Мэри Александра Гамильтон, - невозмутимо представилась тем временем девчонка, - так что там насчет еды, а, Дядюшка? Как можно довести дом до такого состояния, тут кроме виски вообще ничего нет!

- А ты бы предупреждала о визите, глядишь, что-то и нашлось бы! Мужики, разгружайтесь.

На крепкую, выточенную, похоже, из цельного муренового ствола столешницу, немедленно были выложены упаковки с разнообразными копченостями и тонко нарезанным сыром, хлеб, сетки с овощами и уж конечно бутылки. Мэри тут же взялась за дело, и Келли помчался на кухню мыть клубни фоссы - кто, когда и почему называл так местное растение, за давностью им давно забылось, но вкусовые качества были пи достоинству оценены еще первыми поселенцами. В отличие от картофеля, который, кстати, вполне прижился на почвах новой родины, клубни фоссы обладали ярко выраженным вкусом и ароматом, слегка напоминавшим грибной, и были хороши не только в вареном и жареном, но и в сыром виде. Более того, именно сырые клубни, за счет остроты и свежести вкуса, давно считались идеальной холодной закуской. Шон уже выкладывал ломтики хлеба в соломенную плетенку, - Морган и не подозревал, что в его хозяйстве такая имеется, - а самому посмеивающемуся

майору было поручено разложить тонко нарезанное копченое мясо и сыр по тарелкам. Мэри быстро расставила на столе стаканы, разложила приборы, перелила яблочный сок в невесть где раздобытый кувшин и удовлетворенно окинула взглядом полученный натюрморт. Не в пример овощам и злакам, завезенные с земли фруктовые деревья так и не смогли приспособиться к условиям Бельтайна, но нашлось некоторое количество эндемиков, которые смогли их заменить. Не мудрствуя лукаво, переселенцы назвали деревья с крупными зеленовато-золотистыми твердыми плодами яблонями, те, что давали сравнительно мелкие сочные темно-красные ягоды, соответственно вишнями, и на том успокоились. Были еще груши, чьи плоды действительно по форме напоминали земной фрукт, а пурпурная окраска не только кожуры, по и мякоти... чего в жизни не бывает! Простой народ были предки, спокойный и основательный, нам бы так. На этом месте мысли Мэри были прерваны возвращением Келли, который не только вымыл и почистил фосу, но и нарезал ее красивыми ломтиками и залил пряным белым соусом. Хозяйственный, однако.

Когда напитки были разлиты в соответствии с пожеланиями сотрапезников - Мэри развела яблочный сок минеральной водой, - Морган негромко откашлялся и заговорил:

- Итак, господа... мисс... начнем, пожалуй. Огневые точки нами обнаружены и взяты под полицейский контроль, что не может не радовать. Выяснить, на какие именно корабли были установлены плазменные пушки, пока не удастся, но больших проблем я не вижу: техники уже оборудуют "Сапсаны" дополнительными сканерами. Мэри, если ты увидишь, что на транспортнике есть оружейные системы, ты сможешь их подавить, не уничтожая корабль?

- Зависит от многих факторов, сэр, - задумчиво протянула девушка, с сожалением откладывая в сторону гигантский сандвич, в который она напихала, похоже, понемногу из каждой стоящей на столе тарелки. - Как именно их установили? Как организована подача энергии? Насколько близко двигателя? Насколько близко рубка? А если в трюмах живой груз? Не знаю... Но попробовать не мешает. В крайнем случае можно будет применить довольно простую тактику: летать только парами, а после посадки нарушителя выстраивать истребители лестницей на противокурсе и не отключать маршевые. Расход энергии, конечно... Это что касается обеспечения наземного контакта, когда истребители представляют собой удобную неподвижную мишень. А вне тверди они от нас не ждут и не попадут тоже. На прошлой неделе мой напарник просто растерялся. Да все мы хороши, расслабились, уверовали в свою репутацию... ладно, пролетели. Все это чисто технические вопросы и мы их решим. В данном случае главной задачей является, на мой взгляд, поимка ван Хоффа, - завершила она свою речь и снова вернулась к сандвичу.

- Эрика ван Хоффа? - заинтересованно уточнил Шон. - Так это он нам тут воду мутит?

- Угу, - пробормотала с набитым ртом Мэри. - Самое грустное, что человек он, в общем, неплохой. Если бы еще его интересовал не только процесс организации сделки, но и ее результат...

- Неплохой, значит... - процедил сквозь стиснутые зубы Шон. Тарелку с нетронутым ужином он отодвинул от себя с видимым отвращением, пальцы крепко сжимали квадратный стакан, - А вот интересно, планирует ли он появиться на Бельтайне лично?

- Не планирует. Зачем? Он и так здесь. - Мари несколько секунд полюбовалась на ошарашенные лица собеседников и продолжала: - Думаю, если нам повезет, мы сможем его захватить.

Шон залпом прикончил виски, отставил в сторону опустевший стакан, несколько раз сжал и разжал тяжелые кулаки, медленно выдохнул и подчеркнуто официально обратился к Моргану:

- Господин майор! С вашего позволения, сэр... Я хотел бы быть включенным в расстрельную команду.

- Думаю, это можно будет устроить, - хищно усмехнулся Морган.

- Ох уж эти мне мужчины... - язвительно пробурчала Мэри, сплетая ноги в какой-то уже совсем невообразимый крендель. Для таких гимнастических упражнений в ее кресле

было маловато места, но она как-то исхитрилась занять весьма странную, но при этом на редкость изящную позу.

- Вам есть что сказать, ноль двадцать два? - ледяным тоном поинтересовался Морган.

Любой подчиненный braveго майора, услышав подобное обращение, постарался бы провалиться сквозь землю подальше от начальственного гнева. Даже ни в чем не повинные и полностью с Морганом согласные Шон и Келли почувствовали себя неудобно. Девушка же и глазом не моргнула. Закинула руки за голову, потянулась ("А грудь у нее все-таки есть!" - мимолетно подумал Келли и тут же обозвал себя кобелем) и спокойно, слегка насмешливо улыбнулась:

- Безусловно, сэр. Как всякая женщина и как смиренная послушница, - на этом месте младший О'Брайен, не сдержавшись, фыркнул, - я очень не люблю, когда ценные ресурсы тратятся впустую. Ну расстреляете вы ван Хоффа. Кстати, по какому обвинению? Что вы ему предъявите, сэр? У вас есть свидетели? Документы? Вещественные доказательства? Мои аналитические выкладки к делу не пришьешь. А если пристрелить его просто так, где-нибудь на заднем дворе - это ж никакого удовольствия! И, что важнее, никакого воспитательного эффекта для его последователей. Надеюсь, вы не питаете иллюзий по поводу того, что стоит втихую ликвидировать ван Хоффа, и больше никто и никогда не будет иметь дел с вашими... гм... подопечными? Да черт с ним, с воспитательный эффектом. Самое главное состоит в том, что моральное удовлетворение штука, конечно, хорошая, но этого мало, сэр! Пользу из любой ситуации следует извлекать по максимуму!

Морган потер лицо ладонями. Покосился на заворуженно вззирающих на Мэри братьев. Невнятно помянул чью-то мать. Демонстративно вытащил "Восход Тариссы" из принадлежащей девушке футляра. Обстоятельно раскурил и вдруг резко ткнул сигарой в ее сторону. Горящий кончик остановился в каком-то дюйме от ничем не примечательного носа, но нахалка даже бровью не повела.

- Хорошо! Черт бы тебя побрал, девочка, мне все это не нравится, и я действительно предпочел бы просто и без затей шлепнуть мерзавца - пусть даже и на заднем дворе, но не исключено, что ты права. Что ты можешь предложить?

- Насколько я могу судить, Эрик ван Хофф успел насолить не только нам, - Мэри выразительно посмотрела на начавшего успокаиваться майора. - За пределами Бельтайна хватает тех, кто хотел бы встретиться с ним на предмет теплой, дружеской беседы с глазу на глаз и по достоинству оценит оказанную услугу... А такая оценка нам не помешает, верно? Десяток "Сапсанов" - это, конечно, хорошо. Но мало. Вы со мной согласны?

- Ты что-то придумала? - Морган, кажется, начал уже догадываться, куда она клонит, но решил дать девчонке возможность высказаться.

- Все очень просто, Дядюшка. Когда мы возьмем ван Хоффа, мы его отдадим. - Мэри переждала маловразумительные, но от этого не менее возмущенные вопли Шона и Келли и продолжала: - Мы отдадим его тем, от кого нам что-то нужно, притом что это что-то за деньги купить нельзя. Думаю, стоит предложить его русским, - она подняла глаза к потолку, состроила на лице выражение полнейшей невинности и некоторое время как будто считала несуществующих птичек. - А то на ново-архангельских верфях очередь, а скоро первый выпуск подтянется, а там и второй...

Морган покосился на отвисшие челюсти братьев О'Брайен и развел руками. Паршивка - она паршивка и есть.

Глава VII

Возле стыковочных шлюзов сектора восемь царила напряженная суэта. Неискушенному наблюдателю могло показаться, что десятки людей перемещаются абсолютно бессистемно, но Мари знала, что за всей этой загроможденной чехардой скрывается более чем осмысленное хладнокровие. Выскочивший словно черт из табакерки - секунду назад путь был совершенно свободен, и нате вам, - обманчиво грузный майор Доггерти сразу

приступил к делу:

- Ваши корабли готовы, капитан. Не ахти что, разумеется, но летать и драться можно. Хоть и старье. Энергия закачана, боекомплект погружен, ложементы наставников демонтированы. Кто будет на сцепке?

- Я, разумеется, - ответила Мэри и почти сразу ощутила покалывание в кольце мастер-ключа: не тратя ни секунды драгоценного времени, Доггерти сбрасывал на него коды знаменитых "поводков". Теперь в бою Мэри могла управлять не только своим корветом, но и в значительной степени вести те корабли, с которыми ее соединяли поводки, корректировать курс и даже, отчасти, стрельбу. Технологию построения сцепки Бельтайн не скрывал ни от кого, но отсутствие надлежащей подготовки кадров делало упомянутое ноу-хау абсолютно бессмысленным для кого-либо кроме бельтайнских пилотов. Держать сцепку мог только пилот, находящийся под действием коктейля группы р. Состав коктейля тоже был вполне широким достоянием, вот только использовать его могли только пилоты с тарисситовыми имплантатами, чьи организмы с самого детства адаптировали к воздействию именно этих препаратов. Всем остальным были гарантированы обширный инфаркт в сочетании с не менее обширным кровоизлиянием в мозг. Ходили упорные слухи о том, что в Небесной империи предпринимаются попытки создать пилотов, подобных бельтайнским, но результаты пока не впечатляли. Во всяком случае, лучшими пилотами малых кораблей по-прежнему числились бельтайнцы и для по-настоящему серьезных предприятий неизменно нанимались они. И в каждом выпуске Звездного Корпуса, несмотря на серьезнейший отбор и обучение, было не больше пяти пилотов, которые были способны на что-то посерьезнее простенького "Соломона". Мэри Гамильтон могла держать на сцепке "Хеопс", и кроме нее во всей галактике это могли еще только три человека.

Как ни мало оставалось времени до заявленного старта, Мэри, поманив за собой Рори О'Нила, лично проверила каждый из корветов, которые ей предстояло вести на сцепке. Доггерти был прав: по некоторым, понятным только опытному пилоту признакам она легко определила, что все шесть кораблей были расконсервированы буквально только что. Стало быть, необходимо было при маневрировании давать определенный люфт не только на то, что экипажи собрали из частей резерва, но и на время, которое корабли простояли без движения, без энергии, без той жизни на борту, которая единственно и делает кусок металла боевым корветом. Да уж, ничего хорошего ее в этом полете не ждало, даже если оставить за скобками никак желающий слушаться организм. Мэри побарабанила затянутыми в перчатку пальцами по створе шлюза и совсем было собралась вызвать капитана Фицсиммонс, но та ее опередила.

- Капитан Гамильтон?

Мэри знаком приказала Рори отойти в сторону и перебросила вызов на настенный коммуникатор - ей хотелось видеть лицо собеседницы. Кроме того, стационарные приборы связи обеспечивали так называемую сферу конфиденциальности.

- Слушаю вас, Ванора. - Мэри решила сразу же взять в разговоре полуприятельский тон. С Ванорой Фицсиммонс они были знакомы еще со времен совместного обучения в Звездном Корпусе, даже закончили его практически одновременно. Ванора была тремя курсами старше и запомнилась Мэри главным образом тем, что в отличие от очень многих искренне восприняла вдалбливаемую наставниками идею: раз уж кадет прошел отбор, то он должен быть в Корпусе равным среди равных, а кровь там, кровь... Это-то рослая, флегматичная, немного тяжеловесная кадет Фицсиммонс и вlepила как-то раз стайке мелюзги, пытавшейся не дать спокойно поесть кадету Гамильтон.

Мэри, которая в то время могла рассчитывать только на собственные кулаки, была благодарна Ваноре. Та, в свою очередь, обнаружив, что задачки по навигации ей и Мэри достаются одни и те же, попросила помощи и получила ее. Дружбой их отношения назвать было нельзя, но сотрудничеством вполне, и обеих это устраивало. И хотя пути их после Корпуса разошлись и уж конечно рождественскими поздравлениями бывшие однокашницы не обменивались, обоюдная доброжелательность не забылась и по сей день.

- Мы готовы к вылету, Мэри. Какую тактику вы предлагаете?
- Ничего сложного, Ванора. Вам смонтировали генераторы маскировочного поля?
- Смонтировали.
- Как пользоваться, не забыли?
- Мэри Александра Гамильтон! - Капитан Фицсиммонс была оскорблена до глубины души. - Если я по завершении карьеры пошла пилотом на грузовой корабль, это еще не означает...

- Мир, Ванора. Мир. Глупо с моей стороны, признаю. Тогда так: через пару тысяч миль после старта включаете генераторы и на предельной скорости, на которую хватит энергии, направляетесь к Зоне Тэта. Мы пойдем за вами обычным походным строем. Если за нами погонятся - а я думаю, что погонятся обязательно, - вы скидываете маскировку, бросаете всю энергию накопителей на двигатели и уходите. Любым вектором, Ванора, потом откорректируетесь. Вы меня понимаете?

- Понимаю. Теперь еще одно, - капитан Фицсиммонс помедлила, словно собираясь с духом. - А если мы не сможем уйти? Если не хватит скорости или просто будут уничтожены все корветы сопровождения? Вы же понимаете, Мэри, транспорту не тягаться в скорости с фрегатами.

Мэри кашлянула, покосилась на скучающего поодаль Рори - слышать он, находящийся вне сферы конфиденциальности, не мог ничего, но за выражением лица командира следил зорко - и тихо, очень отчетливо произнесла:

- В этом вопросе, Ванора, я вам не советчица. Но поверьте, если дети попадут в руки бандитов, страшнее их смерти будет только их жизнь.

Лицо Ваноры окаменело, она медленно, как будто с усилием, кивнула.

- Я понимаю. Да. К этому надо... привыкнуть, - капитан Фицсиммонс встряхнулась и совсем другим тоном, спокойным и деловым произнесла: - Удачи вам, Мэри.

- И вам удачи, Ванора. Она всем нам понадобится в самое ближайшее время. - Мэри ободряюще улыбнулась и отключила связь.

* * *

По- дорожному просто одетая молодая женщина, высокая, с гордо посаженной головой и гривой лоснящихся черных волос, схваченных легкой косынкой, опустила на лицо темные очки и вышла из космодромного кара. Перед ней лежала залитая солнцем площадь, полная послеполуденной суеты. Мимо с веселым гамом спешили к павильонам общественного транспорта недавние попутчики -очередная смена с "Гринленда". Несколько челноков приземлились почти одновременно, и теперь вокруг царила изрядная суматоха. Публика двигалась в сторону стоянки такси значительно спокойнее, но все-таки существенно быстрее, чем девушка, явно впервые оказавшаяся на Бельтайне и теперь с любопытством осматривавшаяся. Вдоль пешеходной дорожки сновали мальчишки-разносчики, предлагающие охлажденные напитки, орехи и фрукты, мороженое и свежие булочки из пекарни Хопкинса. Путешественница посторонилась, пропуская особенно шумную компанию, и с достоинством кивнула в ответ на несколько щелчков пальцами - принятый среди простонародья Бельтайна жест восхищения женской красотой. Один из работяг даже замедлил шаги и как будто собрался вернуться и завязать знакомство, но быстро стушевался при виде приземлившейся рядом с брюнеткой машины, в которой сидел внушительных габаритов молодой мужчина. Водитель выскочил, подчеркнуто церемонно приложился к ручке, удостоился поцелуя в щеку и, гордо оглядываясь по сторонам, препроводил подругу - теперь это было очевидно - на переднее сиденье. Если бы, однако, завистливо вздыхающие мужчины на площади могли слышать разговор в машине, быстро влившейся в средний горизонт - в черте города частному транспорту не разрешалось двигаться по поверхности - они бы очень удивились...

- Келли, вот скажи мне, на кой черт тебе понадобился весь этот спектакль? Договаривались же, что ты подъедешь прямо в отель!

- А чем плохая сцена встречи? - Келли О'Брайен, казалось, искренне недоумевал,- тебе что-то, не понравилось?

- Ну предупредить же надо, в самом деле. Я едва успела начать улыбаться при виде тебя!

- Так ведь успела же. И как ты мне подыграла, супер! Видела, как у них рожи перекосились?!

- Видела, - хмыкнула Мэри Гамильтон, - только это зрелище тебя и оправдывает. Согласна оно того стоило.

- Вот то-то же, - самодовольно ухмыльнулся Келли. - Кстати, позволь сделать тебе комплимент: если бы ты заранее не продемонстрировала свой парик и не сказала бы, как будешь одета, я бы тебя не узнал.

Мэри покосилась на спутника и вдруг засмеялась.

- Ты чего? - удивленно спросил Келли, но она только отмахнулась и продолжала хохотать. Наконец, когда девушка уже начала задыхаться, а младший О'Брайен обиженно надулся, она с трудом выдавила:

- Э- то... ты... меня... еще... в апостольнике... не видел!

- Покажешь? - немедленно оживился Келли.

- Обойдешься! - тут же ошетинились Мэри, - Мне не идет! Но узнать меня в этой штуковине точно нельзя, что и требовалось сегодня.

Ранним утром полторы дюжины монахинь и послушниц отправились на принадлежащем храму челноке на базу "Гринленд". А вот в транспорт, который должен был доставить их в монастырь, сели только семнадцать из них. В искусственно созданной сутолоке пересадки одна послушница, еще в челноке переодевшаяся и неприметный рабочий комбинезон, тяжелые ботинки и замызанную бандану, отделилась от своих товарок и, закинув на плечо изрядных размеров тюк, скрылась в одном из общественных туалетов. Сорок минут спустя из его дверей, выходящих в другой отсек, выскользнула элегантная молодая брюнетка с красивой дорожной сумкой. Комбинезон, ботинки и бандану нашли свой бесславный конец в утилизаторе, туда же отправились дерюга и ремни, с помощью которых новая одежда и сумка с багажом были упакованы в виде тюка. Сестра Мэри улетела с планеты в монастырь Святой Екатерины, а мисс Аманда Робинсон, студентка-социолог Академии Свободных Планет, отправилась дожидаться челнока, который должен был доставить ее на Бельтайн, навстречу каникулам и другу по переписке, Келли О'Брайену. На прямой вопрос Дядюшка ответил, что мисс Аманда Робинсон в самом деле существует и действительно одно время обменивалась посланиями с Келли. Впоследствии это виртуальное общение прекратилось, но зато теперь можно было не выдумывать ему инопланетную подружку, а использовать имя и описание реального человека. Поэтому Мэри, которой было в общем-то все равно, превратилась в брюнетку с золотистой кожей и чуть раскосыми синими глазами. Эффект, как признал Келли, получился что надо,

Казалось, сама Судьба благоволила ее затее: сестра Агнесса снова почти безвылазно сидела в монастыре, мать Альма прихварывала, бабушке она быстро и успешно задурила голову дополнительными тренировочными полетами. Документы для Мэри Дядюшка принес лично, заверив, что они выдержат любую проверку. Морган не счел нужным говорить, где он их раздобыл, но и без объяснений было ясно, что майор в очередной раз использовал свое тесное знакомство с преступным миром для достижения благой цели.

Келли аккуратно посадил машину возле въезда на парковку маленького отеля, скатился внутрь, выскочил и протянул руку, чтобы помочь Мэри выйти. Что до девушки, то она вполне обошлась бы без помощи, но на парковке было немало камер наблюдения и нельзя было дать кому бы то ни было повод для подозрения. И лифте Мэри с любопытством посмотрелась в зеркальную стену и нашла, что они с Келли похожи на обыкновенных влюбленных. Пусть и не слишком часто, но все-таки ей доводилось видеть такие парочки, и

теперь сходство было для нее очевидно. Келли, лучась улыбкой, одновременно обожающей и покровительственной, бережно закинул ее сумку на левое плечо, а правой рукой приобнимал Мэри за талию. Сама Мэри, казалось, млела от близости широкоплечего красавца и ненавязчивого уюта холла отеля. Стоящий за стойкой портье при виде них тут же расцвел:

- Мистер О'Брайен! Как приятно видеть вас! Я вижу, вы уже встретили мисс Робинсон?

- Пожалуйста, мисс, позвольте вашу идентификационную карту... благодарю вас... отпечаток пальца, пожалуйста... отлично! Ваш ключ, мисс... Прикажете вас проводить? - портье сделал знак возникшему словно из-под земли мальчишке посыльному, но Келли отмахнулся со словами:

- Не стоит, я сам провожу мисс Робинсон.

Слащавая улыбка на лице портье почему-то вызвала у Мэри желание хорошенько его стукнуть, но пальцы на ее талии предупреждающе дернули ремень на легких летних брюках, но этому она только застенчиво кивнула, пробормотала: "Спасибо" и вместе с Келли вернулась к лифту. Она заметила, что карту-ключ портье отдал О'Брайену, и разозлилась еще больше, но приходилось улыбаться. Впрочем, улыбалась она ровно до тех пор, пока дверь номера - звуконепроницаемая, мельком заметила девушка - не закрылась за их спинами. Мэри хотела уже высказать Келли все, что думает о выбранном им отеле, о портье и о нем самом, но тут увидела, куда они пришли. Эти апартаменты и какой-то степени застали ее врасплох. Разумеется, ей случалось изредка видеть рекламу, но реклама это одно, а вот оказаться самой в таком месте... После дортуаров учебного центра и четырехместных спальных отсеков Корпуса, после кельи в монастыре и маленькой комнатухи в недрах храма эта просторная светлая спальня показалась не искушенной комфортом девушке чем-то волшебным. Конечно, гостиная в доме Дядюшки тоже была ничего, но там было совершенно очевидно, что хозяин пренебрегает своим жилищем, а жилище, в свою очередь, пренебрегает хозяином. Здесь же мгновенно возникало ощущение, что эта комната ждала только тебя. Кресла были воплощением комфорта, мягкий ковер слегка пружинил под ногами, старомодное трюмо так и звало присесть на пуфик перед ним, а кровать... Кровать поразила воображение Мэри. Такие ей до сих пор просто не попадались: похоже, на этой кровати она могла улечься поперек, и еще осталось бы место для того, чтобы вытянуть прямые руки. Девушка решила немедленно проверить свое предположение, рухнула на постель, потянулась и даже замурлыкала было от удовольствия, как вдруг наткнулась на странно напряженный взгляд Келли. Правда, он сразу же отвел глаза и нарочито ровным голосом поинтересовался, куда поставить сумку... Мэри мысленно пожала плечами и решила, что подумает обо всем этом потом, когда у нее будет время. Перекатившись к краю кровати, она потребовала, чтобы он отдал сумку ей, вытащила из нее легкий блок портативного компьютера и подключила аккумулятор к стационарному источнику энергии. Не доверяет она оборудованию, установленному в отеле, вполголоса пояснила девушка. Потом встала, отнесла сумку сначала к платяному шкафу, в который перегрузила больную часть содержимого, а затем ушла в ванную. Ванная привела ее в восторг: она не имела ничего против разного рода очистителей и душа. Красиво выложенное полированными вейвитовыми плитками помещение было раза в три больше того того, которое она привыкла называть ванной комнатой. Кроме того, здесь была не только душевая кабина, но и маленький бассейн. А пушистые полотенца, а халаты... За полным отсутствием необходимости Мэри никогда не задумывалась о том, что сколько стоит, но даже ей было ясно, что "Спрингфилд" заведение не из дешевых: одна только вейвитовая облицовка ванной обошлась в весьма кругленькую сумму, И хотя делать такую облицовку приходилось только однажды, вейвит был попрочнее земного гранита, тем не менее отель явно был дорогим. Когда она, вернувшись в комнату, высказала Келли свои предположения, тот пожал плечами и сказал, что может же бедный коп захотеть пустить пыль в глаза своей подруге, и вообще - контора платит. Мэри возмущенно вскинулась было, показывая пальцем на стены, но Келли отмахнулся, заявив со смехом, что обо всем позаботился заранее. И если кому-то интересно прослушивать этот номер, то он изойдет слюной от зависти. Мэри меланхолично

поинтересовалась, кому именно будет завидовать гипотетический слушатель, и Келли, поперхнувшись, благоразумно заткнулся.

Полчаса спустя уставшая от его остроумия девушка вытолкала Келли из номера, велела ему заехать за ней часа за четыре до полуночи и еще раз напомнив, что он должен быть при полном параде. Когда Мэри объяснила Моргану, где именно она рассчитывает застать Эрика ван Хоффа, тот согласился с ее выкладками и предложил провести облаву во всех игорных заведениях Нью-Дублина. Однако Мэри не согласилась с майором, упирая на то, что накрыть с должной тщательностью одновременно все казино столицы, не говоря уж об ипподроме, силами только городской полиции не получится. Привлечение же подразделений из других городов уж точно не пройдет незамеченным и ван Хофф тут же ляжет на дно. У них будет один-единственный шанс, втолковывала она Дядюшке, и силовая акция только все испортит. В конце концов Морган согласился с ней, но наотрез и отказался включать ее в группу захвата. Мэри задрала подбородок и холодно заявила, что определить, куда именно направится ван Хофф, могут и другие - хотя она вовсе не собирается кому-то что-то подсказывать, - а вот узнать его может только она. Майор приказывал, просил, бушевал, хлопал дверью, ругался так, что у сунувшегося было в кабинет Шона, по его же собственному признанию, завяли уши, но подлая девчонка была непреклонна и в конце концов Морган уступил.

Когда в назначенный час Келли О'Брайен позвонил в дверь апартаментов, и та распахнулась перед ним, он в первый момент решил, что по ошибке сунулся не в тот номер. Хотя молодой полицейский уже успел убедиться в способностях Мэри к перевоплощению, такого он никак не ожидал. На пороге стояла, казалось бы, та же самая девушка, которую он привез в отель несколько часов назад, вот только... Сейчас Мэри Гамильтон не узнала бы даже ее собственная бабушка. Черные волосы были взбиты в немыслимой сложности прическу. Несколько прихотливых локонов надежно маскировали татуировку на правом виске. Искусно наложенный макияж не сделал лицо красивым с общепринятой на Бельтайне точки зрения, но безусловно проявил неординарность натуры, которой, собственно, и принадлежало это лицо. Накладные ногти, такие же пунцовые, как и тщательно накрашенные губы, изменили форму кистей рук, убрав излишек силы и добавив изящества. Кольцо мастер-ключа скрылось под массивным перстнем с огромным темно-красным камнем. Легкое, возмутительно открытое бежевое платье подчеркнуло золотистый тон кожи, а паутинка шали не только смягчала линии тяжеловатых плеч и бицепсов, но и почему-то делала девушку куда более голой, чем если бы плечи оставались обнаженными. На ее ноги, обтянутые мерцающими чулками и обутые и непонятно как удерживающиеся на ступне туфли, Келли вообще старался не смотреть: слишком узкие брюки полагались к смокингу... И это - пилот? Монастырская послушница? Ой...

- Ну что стоишь, заходи давай! - прошипел знакомый голос, и Келли, все еще не пришедший в себя, покорно вошел в комнату и примостился в одном из кресел, а Мэри вернулась на пуфик возле трюмо, рядом с которым мерцал и в воздухе виртуальный дисплей. - Надо еще подождать, пока он нигде не объявился, но, кажется, скоро должен быть.

- Почему ты так думаешь? - поинтересовался Келли, с облегчением отвлекаясь на рабочий разговор.

- Некто перевел сегодня утром на счета всех крупных столичных казино по двадцать тысяч фунтов сроком на сутки. Счет плательщика тот самый, на который поступила оплата за поставку вооружений. Должно быть, господин ван Хофф еще не решил, где именно будет сегодня развлекаться. А вот как только в каком-либо из заведений предъявят пароль и получат фишки на сумму открытого счета, тут-то мы с тобой и вступим в игру. В обоих смыслах. Ты как, настроен раздеть этого красавца до нитки?

- Более чем,

-

хищно усмехнулся Келли. К его великому облегчению, просыпающийся азарт начисто вымел из головы мысли о ножках, глазках и тому подобном. Молодой полицейский

попробовал было рассказать очередной анекдот, но поскольку замершая перед зеркалом девушка, поглощенная возникающими на дисплее данными, его явно не слышала, он счел за лучшее немного помолчать.

Неожиданный писк зуммера ударил по измотанным ожиданием нервам. Мэри выпрямилась, быстро пробежалась кончиками пальцев по дисплею, несколько раз кивнула с недоброй улыбкой:

- Есть. Едем в "Золотой клевер", - и, отключив компьютер, подхватила с трюмо маленькую вечернюю сумочку.

Разумеется, Келли не был бы Келли, если бы не превратил их проход через холл на первом этаже в маленькое представление. Строго говоря, никакой необходимости в сдаче ключа не было, но упускать возможность поиграть на публику было не в характере младшего О'Брайена. Портье еще не сменился и теперь с изрядной оторопью воззрился на копа и его спутницу. На его лице читалось горькое разочарование в идее мировой справедливости. Ну кто он такой, этот Келли О'Брайен, что ему досталась такая штучка?! От души полюбовавшись произведенным эффектом, Келли увлек Мэри к лифту.

Через двадцать минут в казино "Золотой клевер" произошло некоторое движение, отнюдь не оставшееся незамеченным элегантным господином, облаченным в кремовую сорочку, такие же, слегка зауженные книзу брюки, кожаную жилетку с серебряным шитьем и старомодную широкополую шляпу. Означенный господин, не начавший пока играть, с интересом покосился в сторону входа в зал.

- А, - произнес у него за спиной недовольный голос, - опять Везунчик приперся! Еще и девку приволок!

Рядом с идеальным образчиком мужественного красавца (легкий в кости господин мысленно поморщился) действительно обреталась особа женского пола, вот только назвать ее "девкой" было, с его точки зрения, в корне неверно. Пожалуй, он не отказался бы провести вечер (и не один) в обществе этой молодой дамы. Было в ней что-то эдакое. Кстати, и жизни вообще, а в казино в частности, все возможно. Здоровяк в смокинге может ведь и проигратся в прах (надо бы, кстати, помочь ему в этом), и вот тогда... Хотя, пожалуй, у его спутницы слишком умное лицо для женщины, которая интересуется только теми, к кому Фортуна поворачивается лицом. Что ж, тем интереснее.

- А почему Везунчик? - кельтик господина и шляпе, отрывистый и резкий, выдавал его планетное происхождение.

- Да у этого копа в голове не иначе как компьютер. Вот только ни один компьютер не мог бы просчитать его логику, я проверял, - худой нескладный мужчина с лошадиным лицом, стоящий у роскошно отделанной стойки бара, сдавленно усмехнулся.

- И много вы ему проиграли в последний раз? - вкрадчиво полюбопытствовал щеголь, сдвигая шляпу на затылок.

- А кто вам сказал, что я вообще с ним играл? - вскинулся его случайный собеседник.

- Вы. Если бы вы были сторонним наблюдателем, вы говорили бы о нем с завистью, а не со злобой, - одновременно с ехидной улыбкой акцент стал заметнее.

- Пять кусков, будь он проклят! - процедил сквозь зубы неудачливый игрок, прикладываясь к стакану.

- И при этом он коп? То есть в настоящее время работает в полиции? А зачем ему это, при таких-то заработках? - обладатель шляпы, казалось, искренне недоумевал. Впрочем, кто их разберет, этих инопланетников.

- Верите, сэр? Не знаю! Ради развлечения, наверное. Поговаривают, что этот щенок регулярно мотается играть в Пространство Лордан и что вроде бы у него соглашение с самим доном Лимой: не бывать два раза подряд в одном и том же заведении. Келли О'Брайен - тот еще фрукт, с него, пожалуй, станется. Это тут он коп, а за пределами Бельтайна небось о своем жетоне и не вспоминает. А здесь - вспоминает, засранец. И гораздо чаще, чем следовало бы. Что ни говори, а никакие деньги не дают такой власти, как удостоверение служащего планетарной полиции!

- Так он еще и властолюбец? - Серые глаза задумчиво сощурились.

- Еще и какой!

Что ж, информации было вполне достаточно. Вечер, такой пресный поначалу, внезапно пообещал быть весьма интересным, и господин в шляпе жестом подозвал к себе приветливо улыбающегося крупье.

- Вот он. - Пальцы Мэри, небрежно лежащие на сгибе локтя Келли, резко сжались. Густо накрашенные ресницы качнулись, обозначая направление. Девушка сладко улыбалась, и со стороны могло показаться, что обворожительная спутница О'Брайена шепчет своему кавалеру какие-то милые глупости.

- Хлыщ в шляпе? Ты уверена? - подчеркнуто любезное выражение лица полицейского резко контрастировало с острым, внимательным взглядом, который, по счастью, могла видеть только она.

- Можешь не беспокоиться. Кстати, он тебя заметил. Спорим, сейчас тебе предложат с ним сыграть?

Принять или отвергнуть предложенное пари О'Брайен не успел: крупье, старательно демонстрирующий положенный по должности восторг уже оказался в зоне слышимости.

- Мистер О'Брайен! Рад, душевно рад! Кажется, мисс...

- Робинсон, - подсказал Келли.

- Мисс Робинсон у нас впервые? Вас ждут незабываемые впечатления, мисс, поверьте! Простите, что прерываю вашу беседу, но дело есть дело! Мистер О'Брайен, один из наших гостей - мистер Браун, прослышал о вашей необыкновенной удаче и желает сыграть с вами... что скажете? Очень, очень серьезный игрок, вам будет интересно...

- А кто третий? - лениво поинтересовался он. Плевать я хотел на всех серьезных игроков, говорило его лицо.

- Вы не поверите, но мистер Делэни желает отыгаться! Какие странные фантазии бывают у людей, вы не находите? - крупье угодливо хихикал.

- Да уж! - покровительственно хмыкнул он, - Ступай, дорогая, у меня тут, знаешь ли, дела, - с этими словами, произнесенными на унике, он легонько подтолкнул Мэри в сторону рулеток, небрежно бросил крупье: "Выдайте мисс Аманде фишек на тысячу фунтов, запишите на мой счет, да не забудьте о напитках, и уверенно проследовал к свободному столу, обтянутому традиционным зеленым сукном.

Следующие два часа показались Мэри бесконечными. Она уже успела не меньше ста раз хотела отклонить свое предложение обчистить ван Хоффа: ей было жарко и, главное, скучно. Линзы, превратившие переменчивые голубые глаза в ярко-синие, раздражали слизистую, а снять их или даже просто потерять глаза было нельзя.

Спрятанный под пышными складками юбки пистолет натирал ногу. Каблуки, которые она умела, но не привыкла носить, не давали расслабиться. Да еще и необходимость говорить на унике с отчетливым алабамским акцентом и следить, чтобы перстень никого не задел... Сорванный неожиданно для нее самой банк несколько не улучшал настроения: ей нужен был повод, чтобы подойти к столу, за которым играл Келли, а выигрыш таковым не являлся. Вместо этого приходилось изображать радость от собственной удачи, выслушивать комплименты и постоянно изыскивать, куда бы незаметно пристроить содержимое очередного бокала. Тарисситовые импланты обеспечивали ей защиту негативного влияния никотина, но отнюдь не алкоголя, а сегодня ей требовалась абсолютно рабочая голова. Небольшую передышку она получила, обменивая с капризным видом фишки на чек ("Нет, я не хочу больше играть! Надоело! Зачем мне наличные, куда я их дену?!") но теперь заняться было совсем уже нечем. Поглазев несколько минут на полуголых девиц танцующих на небольшом подиуме, она решила, что сама смогла бы и получше. Хотелось закурить, но на Алабаме, уроженку которой она сегодня изображала, курили только самые дешевые шлюхи, так что студентка из приличной семьи позволить себе такое не могла. Наконец, она заметила, что опять проигравшийся мистер Делэни сложил руки на груди и теперь Келли человек, которого она считала ван Хоффом играют один на один. Груда фишек перед Келли

неуклонно росла, и приближалось время, когда его противник признает себя побежденным. Решив, что наступает время действовать, Мэри отмахнулась от официанта и развинченной походкой направилась к столу, за которым играл ее сегодняшний напарник.

Должно быть, выпитое вино сыграло с мисс Робинсон злую шутку. Потому что в шаге от стола ее каблук заскользил по плиткам пола, она пошатнулась, замахала, пьяно хихикая, руками в воздухе и упала бы, если бы не ухватила за галантно протянутую ладонь противника О'Брайена. При этом сбившийся на сторону камень ее перстня прочертил довольно глубокую борозду на этой ладони, кое-где даже показалась кровь.

- Ох, простите меня, сэр! - в ее унике явственно различался тягучий акцент. - У нас на Алабаме...

- По-моему, Аманда, тебе следует пройти в дамскую комнату и привести себя в порядок, - Так же на унике раздраженно буркнул Келли. - Ты мешаешь игре и отвлекаешь мистера Брауна. - Эй, кто-нибудь!

- Не будьте так суровы с девочкой, сэр, - примирительно произнес его визави, - на Алабаме официально запрещены азартные игры и нет ничего удивительного в том, что мисс Аманда, попав в незнакомую обстановку, несколько увлеклась...

Тем временем по-прежнему хихикающая Мэри, поддерживаемая под локоть расторопным официантом, добралась на заплетающихся ногах до дамской комнаты. Внутри ее поведение резко изменилось. Настороженно зыркнув по сторонам - к счастью, вокруг не было никого, - она заперлась в одной из кабинок, вложила снятый с руки перстень в контейнер крохотного анализатора, извлеченного из сумочки, и подключила прибор к совсем уж микроскопическому карманному компьютеру. На покупку и доставку этих вещей ушла изрядная часть ее сбережений, но, с точки зрения Мэри, это было хорошее вложение капитала. Пока шла обработка информации, она мысленно порадовалась репутации Келли. Охрана на входе, наличие которой она при подготовке к вечеру не приняла в расчет, даже и не подумала сканировать ее сумочку или заглядывать в нее, в противном случае нелегко было бы объяснить, почему в ней лежит отнюдь не косметика. Наконец на экране зажегся зеленый огонек - звук Мэри предусмотрительно отключила еще в отеле - и девушка удовлетворенно полюбовалась на высветившийся результат. Как она и предполагала, прибор обнаружил два образца для сравнения. Один принадлежал Мэри Александре Гамильтон, второй - Эрику ван Хоффу. Довольно усмехнувшись, она вернула перстень на руку, запихала компьютер и анализатор в сумочку и с облегчением передвинула засунутый за подвязку чулка маленький пистолет с внутренней стороны бедра на внешнюю. Кто бы знал, как ей надоела эта штука и каких трудов стоило все это время двигаться так, чтобы никто не заподозрил наличие под платьем постороннего предмета! Ну все, теперь осталось совсем немного. Мэри вышла из кабинки, поправила перед зеркалом прическу, обновила помаду на губах, провела по шее, груди и плечам влажной салфеткой и вернулась в зал. Как она и предполагала, Келли сообразил, что ей требуется некоторое время, поэтому он слегка затянул игру, позволив мистеру Брайну немного отыгаться - ровно настолько, чтобы он захотел играть и дальше. Приблизившись к столу, она игриво взлохматила волосы Келли и томно проворковала:

- Я уже здесь, дорогой!

- Все в порядке, киска? - осведомился Келли, поднимая голову от карт.

- Конечно, милый, в полном! Я бы даже сказала, в полнейшем!

В следующую секунду зазывно улыбающаяся девица исчезла из поля зрения наслаждавшегося ее видом мистера Брауна, а в его затылок - шляпу он снял и бросил в соседнее кресло - совершенно неожиданно уткнулось дуло пистолета. Второе дуло смотрело ему точно промеж глаз. Абсолютно трезвый женский голос за его спиной без всякого намека на акцент произнес на кельтике:

- Планетарная полиция Бельтайна. Руки на стол. Не двигаться. Вы арестованы, - И Эрик ван Хофф со всей очевидностью понял, что сегодня он проиграл существенно больше двадцати тысяч фунтов. Впрочем, проигрывать он умел, поэтому даже и не подумал

ослушаться приказа. Келли спрятал пистолет и сковал большие пальцы его рук крохотными силовыми наручниками, а в зал уже входило с полдюжины полицейских, тут же начавших с извинениями за испорченный вечер выпроваживать посетителей из казино.

Несколько минут спустя, когда первая суматоха улеглась, с улицы в сопровождении Шона О'Брайена ввалился сияющий как именинник Морган. Окинув взглядом человека в наручниках, смиренно сидящего у стола, он повернулся к девушке, по-прежнему держащей в правой руке пистолет. С полминуты внимательно разглядывал, качая головой и что-то бормоча под нос, а потом требовательно протянул ладонь. Мэри немедленно вытряхнула из сумочки компьютер и продемонстрировала командиру дисплей. Тот довольно усмехнулся и обратился к задержанному:

- Майор Морган, командующий планетарной полицией. Пришла нам пора побеседовать, вы не находите, мистер...

- Браун, - негромко подсказал Келли.

- Ну ладно, так и быть, Браун?

- Полагаю, сэр, что возможности отказаться от беседы у меня нет, - сдержанно улыбнулся тот, со вздохом поднимаясь с кресла.

- Вот тут вы совершенно правы. Мисс Робинсон, подайте мистеру Брауну его шляпу, - скомандовал Морган, но девица и не подумала выполнять его распоряжение: шляпу-то она взяла, но вместо того чтобы надеть на арестованного, с самым независимым видом водрузила ее на собственную голову.

- Мисс Робинсон?!

- Трофей, сэр.

Морган шутливо развел руками:

- Трофей так трофей. Уверен, мистер Браун не возражает.

- Не возражаю. Но только при условии, что мисс Аманда скажет, как именно вычислила меня - это ведь произошло задолго до того, как я, словно мальчишка какой-то, попался на трюк с пьяной красоткой и поранившим руку перстнем, не так ли?

Морган кивком разрешил Мэри говорить - все равно зал уже очистили от игроков, а сотрудники «Золотого клевера» предпочли от греха подальше убраться в служебные помещения. В руках Шона перемигивались огоньки генератора помех, и прослушивания тоже можно было не опасаться. Мэри мило улыбнулась:

- Вы позер, сэр. Само по себе это, возможно, и неплохо, но может оказаться опасным, - с этими словами она указала на левую руку приподнявшего брови ван Хоффа: на безымянном пальце с безукоризненно наманикюренным ногтем плотно сидело элегантное платиновое кольцо. На фоне заключенной в овал буквы "Е" оскалилась голова леопарда, клыки которого были выполнены в виде "V" и "H".

- Черт побери... погореть на семейной традиции... Преклоняюсь перед вашими талантами, мисс Аманда. Уверен, мы с вами еще встретимся - если, конечно, доживем до этого момента!

Придержав набычившегося Келли, которому послышалась - а может быть, и не послышалась угроза в последней фразе, Мэри соскользнула со стола, на краю которого все это время сидела, покачивая ногой с полуснятой туфелькой. Подойдя к арестованному вплотную, она окинула его подчеркнуто оценивающим взглядом, поправила шляпу дулом пистолета и низким, завораживающим голосом пропела:

- Надеюсь. Я очень на это надеюсь... Эрик, - последнее слово она произнесла с отчетливым придыханием и ван Хофф почувствовал, как по его телу пробежала дрожь, не имеющая ничего общего со страхом или напряжением. Удивляясь самому себе, он с достоинством поклонился и направился к ожидающим конвоирам.

Морган окинул взглядом скалящих зубы напарников - шляпа, с его точки зрения, шла Мэри чрезвычайно - и, кивнув на усыпанный фишками стол, произнес, обращаясь к Келли:

- Я смотрю, ты опять в большом выигрыше? Не забудь перечислить половину на счет Департамента.

- Нет, сэр, - невозмутимо возразил Келли, - сегодня я играл только на свои. И фишки для... гм... Аманды купил я. Ты все проиграла или что-то осталось? - повернулся он к девушке.

Та, торжествующе улыбаясь, вытащила из сумочки сложенный чек и протянула ему. Взглянув на сумму, Келли уважительно присвистнул:

- Ого... Тысячу вернешь, остальные твои. Купишь себе мороженое. - И со смехом отскочил в сторону, уворачиваясь от недвусмысленного движения крепкого кулака. - Эй, поосторожнее, моя-то ДНК-грамма тебе зачем?!

- На всякий случай! - рявкнула Мэри, на которую внезапно накатила усталость и сопровождавшее ее раздражение. Девушка выглядела разозлившейся не на шутку и Морган счел за лучшее вмешаться:

- Так, все. Аманда, успокойся, пожалуйста. Я понимаю, ты вымоталась, но это не повод орать на напарника. Келли, номер в "Спрингфилде" еще за вами?

- Конечно. Я снял его на весь уик-энд, вдруг дело затянулось бы?

- Отлично. Отвези туда Аманду и сам тоже отравляйся спать. Вы молодцы, ребята.

С этими словами Морган развернулся на каблуках и направился к выходу из казино: в отличие от Мэри и Келли он не мог позволить себе прилечь, ван Хоффа следовало допросить немедленно.

Келли О'Брайен никогда не испытывал трудностей при общении с женщинами. К каким-то "отношениям" он вовсе не стремился, но и тратить деньги на девочек мамыши Глиндоуэр не считал необходимым. Зачем? Память его коммуникатора пухла от координат веселых, просто глядящих на вещи девчонок, таких же, как он сам. Если какая-то из них находила себе постоянного парня или выскакивала замуж, Келли не видел в этом ничего страшного: надо же время от времени обновлять круг знакомств. Найти замену не составляло труда. Келли знал себе цену и как собеседнику, и как любовнику, цена эта была высока, и он уже не помнил, когда последний раз не мог найти подход к женщине. Тем удивительнее для него было странное чувство неуверенности, которое внезапно охватило его в тот момент, когда он уже совсем собрался нажать кнопку звонка на дверях апартаментов Мэри в "Спрингфилде", в которые он привез ее вчера. Однако медлить в нерешительности или, тем более, отступать было совершенно не в его характере, поэтому он, чертыхнувшись про себя, все-таки позвонил.

Дверь открылась почти сразу и его взгляду предстала Мэри, снявшая парик, удалившая контактные линзы и отмывшая кожу до естественного бледного оттенка. Что бы ни было причиной легкой миндалевидности разреза глаз, она избавилась и от этого, и теперь вместо вчерашней экзотической штучки перед оторопевшим от изумления Келли стояла совсем юная девушка, бритоголовая, слегка перекачанная, облаченная в майку и шорты.

- Привет, Келли, - улыбнулась она, - рада тебя видеть. Проходи, - она посторонилась, пропуская его внутрь, закрыла дверь и вдруг удивленно вскинула брови:

- А это что такое? Это мне?

Келли, совсем забывший про дюжину серебристо-белых роз, которые до поры до времени держал за спиной, смущенно кашлянул и протянул ей букет.

- Да, это тебе... вот... я подумал... ты так здорово все провернула вчера и... и вообще, ты мне симпатична!

- Какие красивые... Знаешь, мне еще никогда не дарили цветов. - Девушка, радостно улыбаясь, выпорхнула в ванную, чтобы наполнить водой взятую с трюмо вазу. Вернувшись в комнату, она сунула туда розы и немедленно забросала Келли вопросами о том, что показал на предварительном дознании ван Хофф, и ехидными комментариями по поводу переданных ей ответов. С каждым произнесенным Мэри словом Келли все больше убеждался в том, что она попросту не обратила внимания на его слова относительно испытываемой к ней симпатии. Ему даже показалось, что она не только не замечает его попыток перевести разговор на личности, но и вообще ничего не смыслит в отношениях мужчин и женщин, а ее вчерашнее поведение в казино, даже выбившая ван Хоффа из равновесия финальная фраза,

было только тщательно отрепетированным спектаклем. Промаявшись с полчаса, и окончательно убедившись в том, что его либо не понимают, либо не хотят понимать, Келли, сославшись на службу, ушел.

Из отеля он выскочил как ошпаренный. Настроение было ни к черту: такого облома он не мог припомнить за всю историю своих сексуальных походов. Конечно, он не рассчитывал, что Мэри тут же пригласит его покувыркаться на роскошной кровати, но к тому, что его просто не поймут, Келли готов не был. Как не был он готов и к тому, что его крепко ухватил за плечо Морган, неизвестно откуда взявшийся у него на пути.

- Та-а-ак... - протянул майор, с высоты своего немалого роста глядя на Келли, в равной степени растерянного и взбешенного, - По-моему, парень, тебе срочно необходимо выпить. Пошли.

В уютном полумраке крохотного бара Морган усадил Келли на обтянутый кожей диванчик и, отмахнувшись от вопроса бармена, сколько налить, потребовал бутылку на стол, лед и два стакана. Разлил виски - себе чуть-чуть, Келли на три пальца - тяжело вздохнул и заговорил:

- Судя по тому, где, в каком виде... - майор кивнул на щегольской шейный платок, изысканный узел которого Келли именно в это момент силился развязать, - и в каком состоянии я тебя встретил, ты попытался подкатиться к Мэри и... вот дальше не знаю. Она тебя выставила или просто не поняла, чего тебе от нее надо?

Келли отхлебнул виски, поморщился и невесело рассмеялся:

- Похоже, что не поняла. И как вы догадались, господин майор?

- А что тут гадать, все и так было ясно с самого начала.

- Может быть, вам и ясно, сэр, но я не понимаю...

- Вот что, Келли, - перебил его Морган, - давай-ка без чинов. Меня зовут Генри, если ты вдруг забыл. Так чего ты не понимаешь?

Келли помолчал, явно собираясь с духом, потом прикончил стакан и выразительно посмотрел на Моргана. Тот, не споря, налил ему еще и слегка приподнял бровь, показывая, что ожидает ответа.

- Видите ли, Генри... Да какого черта! Девчонок у меня было... неважно, но не одна и не десяток. Как с ними надо обращаться, я знаю лучше многих. Я, как видите, подготовился по полной программе, - Келли принялся наматывать свой платок на кисть руки, - приделся, купил цветы, заготовил кучу эффектных и главное, эффективных! - фраз для штурмового натиска и обходного маневра, а потом...

Питом я увидел ее без грима, парика и сногсшибательного наряда, и растерял все слова, и повел себя, как последний телок - не поверите, мы с ней говорили о службе! А когда я пытался как-то изменить разговор, я словно бился о стекло... Что вам ясно, сэр? То есть, Генри?

- Штурмовой натиск... обходной маневр... Добавь их... в полицейский отчет, который ты, кстати, по ван Хоффу еще не сдал. Не для тебя эта девочка, Келли. Погоди, не психуй. Она сейчас вообще ни для кого. Начнем с того, что ей шестнадцать лет.

- Сколько?! - Поняв, что собеседник и не думал шутить, Келли схватился за голову.

- Да, шестнадцать. Совершеннолетняя с четырнадцати. Совершеннолетие подтверждено сертификатом пилота и дипломом об окончании Звездного Корпуса. Но дело не в этом. Дело и том, что линейные существенно отличаются от обычных людей.

- Но ведь Мэри-то не линейная, она полукровка, об этом весь Бельтайн знает! - вскинулся Келли, но был остановлен примирительным жестом майора:

- Верно, по рождению она к Линиям не относится. Но ее с двухмесячного возраста воспитывали Линии. С двухмесячного, Келли. И заметь, парень, всю сознательную жизнь ей пришлось доказывать, что она достойна Линии Гамильтон, из которой происходила ее мать. Мэри стала лучшей по суммарным результатам Испытаний за полвека - как тебе это понравится? И Звездный Корпус она закончила за девять лет вместо двенадцати. Тут она, правда, малость сплеховала - ее результат лучший всего лишь за последние четырнадцать

лет. Парень, поверь, ты в страшном сне не увидишь, каким нагрузкам подвергаются кадеты Корпуса. Даже те из них, кто не ставит себе целью быть лучше всех или окончить курс, на три года раньше. И все это Мэри выдержала ради того, чтобы быть пилотом. Ты всерьез полагаешь, что твоего - не спору, колоссального - обаяния хватит на то, чтобы она все бросила?

- Да зачем ей что-то бросать?! Я же не собираюсь... ну, не знаю... строить дом с палисадником, по которому она бродила бы босая и беременная!

- То-то и оно, Келли, что строить дом ты не собираешься. Ты собираешься ее трахнуть. Я не вижу в этом ничего предосудительного, и если бы твоя напарница была обычным человеком, я бы дал вам недельный отпуск и премию и очень огорчился, вернись вы хоть на час раньше. Но линейные пилоты - не люди, Келли.

- Что-о-о?! - успевший выпить еще два стакана Келли побагровел, но причиной этому было не виски, а возмущение.

- Генетически - да, они люди. Физиологически - относительно, до и после определенного возраста, с вариациями на тему повышенной выносливости, скорости реакции и тому подобного. Психологически и эмоционально... черт, даже не знаю. Может быть, вообще никогда или, во всяком случае, не в юности. Твоими действиями и эмоциями, моими, его, - Морган кивнул в сторону протиравшего бокалы бармена, да любого обычного человека пусть не всегда, но очень часто управляют наши гормоны. Во всяком случае, там, где дело касается отношений между полами. Но так уж сложилось, что карьера линейного пилота успешна лишь в том случае, если этот пилот остается девственником. То есть девственницей. Причем приторможенной в плане сексуального развития на предпубертатном уровне. Что-то там связано с влиянием выработки эстрогена при половом созревании на функции мозга. Я не вникал. Так вот, ради того, чтобы сохранить девчонкам способность летать - кто-то должен колоть им тариссит и приносить доход от заключении контрактов экспедиционных пилотов, ты понимаешь, - им, помимо постоянных внушений наяву и во сне, глушат гормональный фон. Причем совершенно сознательно. По двадцать и более лет кряду. Нет, годам к девятнадцати эффект ослабевает, нельзя удерживать организм в детстве бесконечно, но то, на что ты давеча облизывался, это грудные мышцы и не более того. Думаю, ты понимаешь, что без последствий не только для физиологии, но и для поведения такое вмешательство в организм человека обойтись не может. Тебе показалось, что Мэри тебя не поняла? Тебе не показалось, Келли. Скорее всего, так оно и есть. Налей-ка и мне. Значит, вы говорили только о службе? В этом нет ничего удивительного, она не умеет говорить с мужчиной о себе или о нем самом.

- Не умеет? - Келли, уже изрядно под хмельком, издевательски хохотнул. - Ну конечно! А то вы не слышали, как она вчера разговаривала с этим мерзавцем! "Ээээрик", - передразнил он, неумело копируя интонацию Мэри.

- Сынок, ты дурак. Ты что же, хочешь, что бы она говорила с тобой, как с ван Хоффом? С пистолетом в руках и в полной готовности расплескать твои мозги по стенам, если ей хоть что-то не понравится в твоём поведении? Келли, послушай меня. Поставь стакан и послушай. В твоей способности развести на вкусненько перепихнуться любую женщину я ни секунды не сомневаюсь. И если ты поставишь себе задачу добиться того, чтобы Мэри Гамильтон раздвинула перед тобой ноги, в конце концов она это сделает. Но ее карьера, все, ради чего она рвала и продолжает рвать себе жилы, смысл ее жизни полетит ко всем чертям. Она станет глубоко несчастным человеком и вряд ли долго проживет, а ты в довесок к хорошо проведенной ночи огребешь себе таких проблем... В общем, так. Мужчина ей сейчас не нужен. И не будет нужен еще лет пятнадцать как минимум. Более того, мужчина, появившись он в ее жизни до срока, исковеркает эту самую жизнь, как Бог черепаху, ее мать - ярчайший пример. А вот друг ей нужен. Очень. Стань ее другом, Келли. Если тебе помимо прочих нужна именно она - стань ее другом и подожди. Хотя я бы не советовал Девчонок вокруг, нормальных беспроblemных девчонок, выше крыши. А Мэри... Через год-другой она улетит на Картан. Оттуда, став уже капитаном, отправится покорять Галактику. Келли, они ведь не в

бирюльки играют там, в космосе. Она может и не вернуться. Потому ли, что погибнет, потому ли, что ей нечего будет на Бельтайне... Майор замолчал. В наступившей тишине было отчетливо слышно гудение кондиционера, немзыкальное мурлыканье бармена, фальшиво напевавшего модную песенку. Келли, последние несколько минут сидевший сгорбившись, и уткнув подбородок в поставленные один на другой кулаки, встал, сгреб со стола бутылку, сделал несколько глотков прямо из горлышка и вдруг взглянул на Моргана абсолютно трезвыми глазами:

- Друг, говорите? Пятнадцать лет? Ничего, Генри, я подожду, - развернулся на каблуках и вышел из бара.

Морган устало посмотрел ему вслед и сделал знак бармену: шестидесятитрехлетний майор понял, что без дополнительной порции виски уж точно не разберется, победил он сегодня или проиграл.

Глава VIII

- Так, всем занять места по боевому расписанию! Старт через полчаса. Влезайте в брони, дамы и господа, потом может не хватить времени! - включив коммуникатор на общую связь, Мэри вихрем промчалась вдоль шлюзовых отсеков, к которым были пристыкованы корветы. Требование по поводу брони было встречено дружным стоном: при всех своих несомненных достоинствах гравикомпенсаторная броня изрядно затрудняла отправление естественных надобностей. Конечно, существовали специальные приспособления и впитывающие прокладки, но особым комфортом они не отличались. Перспектива провести весь как минимум семнадцатичасовой (с учетом скорости эскортируемого транспортника) перелет до Зоны Тэта в броне не могла радовать никого, но все признавали правоту командира: бой мог завязаться в любой момент и тогда уже будет не до переодеваний.

Разогнав всех по местам, Мэри прикинула сколько у нее еще осталось времени до вылета и решила, что вполне может себе позволить сделать еще один вызов не с корабля, где ни от кого ничего не скроешь, а со стационарным коммуникатора сектора. Оглядевшись по сторонам и грозно цыкнув на высунувшегося было и шлюза Рори, она по памяти набрала код. Довольно долго никто не отвечал, и она совсем уже собралась отключить вызов на рабочий номер и попробовать личный, когда экран осветился и на нем возник изрядно запыхавшийся Келли О'Брайен. Мэри вздохнула с облегчением:

- Ну вот, а я уже боялась, что не застану тебя!

- Могла и не застать. Я тут ношусь, как укушенный. Что ж ты, подруга, попрощаться не зашла? - Келли весело улыбался, но глаза оставались серьезными.

- Честно? Проспала! Представляешь, все вверх дном, а я дрыхну! - Глаза глазами, но Мэри почувствовала, как начинает улыбаться в ответ. Так было почти все время их знакомства. Никто не мог привести ее в хорошее расположение духа так же легко и быстро, как это удавалось Келли. Собственно, поэтому она связалась с ним последним: ей не хотелось, чтобы еще какой-то разговор или событие испортили то чувство легкости и веры в свои силы, которое неизменно вызывал в ней бывший напарник.

- Ничего, перед дальней дорогой поспать не вредно. Я бы даже сказал, весьма полезно! - проскрипел Келли, великолепно симитировав не только наставительные интонации старого лектора Тернера, но и выражение его лица, и Мэри, не сдержавшись, прыснула.

- Келли, а ты где будешь? В Координационном?

- Естественно, - подмигнул он, - должен же кто-то наводить на цель всех этих гавриков, которые пришли вам на смену.

- И как они, ничего? - поинтересовалась Мэри. - Готовы к драке?

- Еще бы им не быть готовыми! Тебе они, конечно, не чета, но дело свое знают, и тем, кто сунется в атмосферу, я не завижусь. По-моему, "Сапсаны" не стоит вытаскивать совсем высоко, а ты как считаешь?

- Я согласна с тобой. Кому надо - сами прилетят. Еще не хватало гоняться за ними по всей орбите, - фыркнула Мэри с великолепно изображенным небрежным превосходством, приняла горделивую позу, высокомерно покосилась на Келли и расхохоталась. Келли присоединился к ней и несколько секунд они с удовольствием смеялись, глядя друг на друга. В этот момент Мэри почти забыла, почему ей было так важно поговорить с Келли с глазу на глаз. Правда, в которой она не хотела сейчас признаваться даже самой себе, состояла в том, что если ее тело не возьмется за ум до начала боя - а никаких признаков того, что дело пошло на лад, не наблюдалось, - то этот разговор со старым другом имел все шансы стать последним. Поэтому она позволила себе еще несколько минут потрепаться о пустяках и повспоминать вместе с Келли добрые старые денечки: "Нет, все-таки жаль, что ты тогда стояла у ван Хоффа за спиной и не видела, как вытянулось его лицо, когда ты приставила ему к затылку пистолет! Запись - это не то, такие вещи надо видеть вживую!", но время уже поджимало.

- Все, Келли, мне нора бежать. Вернусь, еще поболтаем. Заготовь побольше выпивки, договорились?

- Договорились, красотка. Я тут тебе сюрприз готовлю, так что ты поосторожнее там!

- Обижаешь, напарник! Уж что-что, а твой сюрприз я точно не упущу, всех порву, и пусть эти негодяи даже не надеются встать между нами!

- Между тобой и мной? - вкрадчиво осведомился Келли с видом прожженного ловеласа.

- Не лъсти себе, мужик! - ехидно пропела Мэри. - Между мной и твоим сюрпризом, естественно!

Ни один из них не заговорил о том, что ближайшие как минимум полтора суток будут более чем опасны для обоих. Он это знал, она это знала, но если все равно ничем помочь не можешь, зачем лишний раз нервировать напарника, которому предстоит непростое дело?

Наскоро попрощавшись, Мэри отключила экран и так и не услышала, как Келли, прижавшись указательным пальцем сначала к изображению, потом к опустевшему экрану, тихонько сказал: "Я тебя люблю".

* * *

Мэри паковала вещи. Неделью назад Академия Свободных Планет прислала подтверждение того, что мисс Мэри Александра Гамильтон благополучно сдала экзамены за пройденные экстерном курсы и зачислена на третью ступень Военного факультета. Как и ожидалось, девушке предстояло учиться на кафедре командования. Просмотрев учебные планы, она решила, что оставшиеся ей четыре ступени вполне реально пройти за три года. Учиться в ускоренном темпе ей было не привыкать, а для бельтайнских пилотов всегда предусматривались особые программы: слишком многие из будущих звезд Военного факультета приходили в Академию после двух-трех лет, проведенных в монастыре. Если все пойдет так, как она рассчитывает, она окончит полный курс Академии к двадцати одному году и получит таким образом два дополнительных года для службы в действующих частях.

Поступить в Академию она могла и в семнадцать лет, но Морган уговорил ее остаться еще на год, чтобы помочь слетаться вернувшимся с Белого Камня новичкам и уже их подготовить к приему пополнения. Один раз отбритый, Джастин Монро, казалось, забыл о существовании Мэри Гамильтон. Двухлетней давности обмен с Авдеевым прошел на ура. Эрик ван Хофф был со всеми положенными церемониями передан русским "на предмет душевной беседы", как иронично заметила Мэри. В ответ Авдеев нажал на все нужные кнопки и заверил Моргану, что ново-архангельские верфи любой заказ полиции Бельтайна отныне и впредь будут рассматривать как приоритетный. Должно быть, немалую роль в этом сыграло и то, что ван Хофф и розыск объявлен не был, и его передача службе Авдеева была воспринята последним как приятный сюрприз и жест доброй воли. Морган с удовольствием передал своей подопечной искренние комплименты консула аналитику, вычислившему ван

Хоффа. По поводу заключенного с русскими, цитируя Келли О'Брайена, "пакта о взаимовыгодном сотрудничестве" в доме Моргана состоялась вечеринка. На ней, помимо собственно майора, Шона, Мэри и Келли присутствовали и два капитана в отставке: София Виктория Гамильтон и Лорена Кэтрин Макдермотт. Правда, бабушка возмутилась, узнав, что в свободное от полетов время внучка, все чаще остающаяся на планете, не только занимается подготовкой к поступлению в Академию, но и шляется по притонам, однако быстро остыла. Этому способствовали, в частности, нанятые в "Золотом клевере" и собственноручно смонтированные Келли в связный сюжет записи с камер внутреннего наблюдения казино. София пришла в полный восторг от достойных профессиональной сцены талантов девушки. Эпизоды с заскользившим каблуком и перемещением Мэри за спину ван Хоффа она просмотрела дважды - второй раз в замедленном темпе - и во всеуслышание заявила, что это, несомненно, заслуга отцовских генов: в Линии Гамильтон актеров не водилось. А жаль. Правда, наедине она попеняла раскрасневшемуся Моргану на то, что он позволил девочке подвергнуть себя опасности. На это майор возразил, что если ему покажут человека, который сможет что-то запретить Мэри Александре Гамильтон, он с удовольствием сделает его своим заместителем по кадровым вопросам. София вздохнула и посочувствовала господину майору, которому, видимо, так и придется работать без заместителя. На этом вопрос закрылся.

Что ж, подумала Мэри, укладывая на самое дно баула погоны второго лейтенанта полиции, это были неплохие четыре года. Второе офицерское звание она получила на следующий день после того, как Морган стал полковником. Ценность практического опыта пилотирования, полученного ею не только в астероидном поясе, но и в атмосфере с периодическими выходами на орбиту, была неизмерима. А кроме того, у нее появился друг. Первый и пока единственный. С подачи Келли О'Брайена она выучилась ездить верхом и нырять, освоила искусство разведения костра и приготовления пищи на от крытом огне. Он научил ее играть в покер и несколько раз, в тайне как от Моргана, так и матери Альмы, они вдвоем летали в Пространство Лордан на предмет прошвырнуться по значным местам. Под именем мисс Аманды Робинсон она была представлена дону Лиме, главе одного из Синдикатов. Правда, на время этих вылазок всякий раз приходилось наклеивать на подушечки пальцев пленку с фальшивыми отпечатками - не носить же все время перчатки. Однако это были сущие пустяки по сравнению с восторгом, испытываемым от игры с сильными противниками и, что греха таить, от пополнения банковского счета. У Мэри появилась мечта, которой она тут же поделилась с Келли приобрести по выходе в отставку собственный корабль. Пусть маленький, пусть подержанный, но свой. Так что выигрыши в казино были отнюдь не лишними. Кроме того, в Пространстве Лордан Мэри приходилось общаться с очень разными людьми и попадать в такие ситуации, которых не предусматривает ни один устав, что тоже было весьма полезным.

Картан встретил ее проливным дождем. Тяжелые капли, казалось, высекали искры из мостовых кампуса и двускатных черепичных крыш, и полировали темный металл стоящего на центральной площади памятника. Красивая молодая женщина, чуть наклонившись вперед, вставала из языков пламени, защитным жестом отведя вперед ладони раскинутых рук, словно загораживая собой кого-то. Мэри вплотную подошла к невысокому постаменту и сквозь заливающие его струи вгляделась в надпись. Алтея Элизабет Гамильтон, годы жизни, краткое изложение причин, по которым благодарные картанцы решили увековечить память о пилоте... Неудивительно, что памятник стоял именно здесь: когда-то Алтея Гамильтон училась в Академии и, должно быть, тут не только испытывали признательность к ней, но и гордились выпускниками Военного факультета. Мэри протянула руку и погладила скульптуру. Губы шевельнулись, произнося непривычное слово. Мама... За спиной послышался визг тормозов, на мокрую поверхность постамента легли красно-синие блики и крайне недовольный мужской голос резко Произнес:

- Полиция! Отойти от памятника!

В полицейском участке, расположенном на территории кампуса, было сухо и тепло.

Средних лет капитан придирчиво осмотрел мокрую девушку и велел заменить мягкий стул перед своим столом пластиковым табуретом. Пока его искали, Мэри стояла, глядя по сторонам и не проявляя, к удивлению полицейских, никакой тревоги или неуверенности. Наконец табурет нашелся и Мэри, не дожидаясь приглашения, уселась на него и спокойно посмотрела на внезапно занервничавшего капитана. Тот, должно быть, не привык к тому, что его совершенно не боятся, и разозлился. Переложив с места на место очередную бумажку, капитан буркнул:

- Вашу идентификационную карту!

Мэри невозмутимо протянула ему кусочек металлизированного пластика и опять начала посматривать по сторонам.

- Э-э-э... Мисс Гамильтон? - Выражение лица и тон капитана резко изменились, став в мгновение ока приветливыми. - Позвольте вас спросить - вы имеете какое-то отношение к капитану Алтею Гамильтону?

- Я имею честь быть ее дочерью, сэр. - Мэри не надо было оборачиваться, чтобы понять, что как минимум половина служащих участка подходит, переглядываясь, к столу. За спиной послышался возбужденный шепот. Кто-то подошедший быстро и решительно, накинул на мокрые плечи тяжелое полицейское одеяло из тех, с которыми выезжают на место происшествия. Рядом с правой рукой оказалась кружка грога, вкусно пахнущего пряными травами, медом и виски. Виски был бельтайнским, что немедленно расположило Мэри и к полицейском участку, и к работающим в нем людям, и в целом к планете Картан.

- Приношу вам самые искренние извинения, мисс. - Надо было отдать полицейскому должное, он пришел в себя исключительно быстро. Поймите нас правильно: около года назад памятник вашей матушке стал жертвой акта вандализма. У кого только рука поднялась?! Можно было бы, конечно, окружить его защитным полем, но ведь к памятнику приходят не только преступники, но и простые люди, помнящие, что сделала для Картана капитан Алтея Гамильтон. Кроме того... Знаете, вам это может покажется странным, но здесь, в кампусе, ее считают кем-то вроде покровительницы влюбленных...

- Не вижу ничего странного, капитан, - задумчиво улыбнулась Мэри, - моя мать знала, что такое любовь. И хотя, к несчастью, любовь эта закончилась трагически, я верю, что она снова встретилась с моим отцом там, за гранью. Кто знает, может быть, они оба и в самом деле присматривают за влюбленными Картана, почему нет? Хотя, конечно, влюбленные Бастиона Марико были бы более логичным объектом для покровительства. Правда, откуда там взяться влюбленным? Небось только двое и нашлось...

Бастион Марико был именно бастионом, созданным из нескольких космических станций. Когда-то, на заре возникновения навигации, американская экспедиция наткнулась на звезду, не имевшую планет, окруженную зонами перехода. Станный, однако невероятный феномен - одиннадцать зон перехода у одной звезды. Причем, если вообще можно говорить о координатах в подпространстве, эти одиннадцать переходов находились в одиннадцати разных точках, и время перехода сокращалось по сравнению с непрерывным пространственным переходом иногда в два, а то и три раза. Бастион Марико служил сугубо утилитарным целям: защита зон перехода, плацдарм для аккумуляирования войск и станций пересадки. Именно там капитан Алтея Гамильтон встретила мужчину, которого полюбила, и для Мэри до сих пор оставалось загадкой, чем же отец привлек внимание матери. Привлек до такой степени, что сумел пробиться даже через искусственную, навязанную препаратами холодность экспедиционного пилота. И где? На Бастионе Марико! Ладно бы на берегу Маклирпили, на худой конец, в одном из бесчисленных увеселительных заведений Пространства Лордан. А Бастион, по представлениям Мэри, для зарождения любви не годился совершенно. Для чего угодно, но не для любви.

- Мисс Гамильтон?

- Простите, сэр, я задумалась...

- Ничего страшного, мисс. Я только хотел сказать, что вас сейчас отвезут в ваш корпус. Незачем вам ходить под дождем. Я далек от мысли, что бельтайнский пилот может банально

простудиться, но чего только не бывает и жизни. Эй, Джованни, кар ко входу и возьми у Иржи зонт!

Мэри сидела на парапете моста через канал и смотрела на медленную, ленивую воду внизу, Правую ногу она свесила с наружной стороны, левую, согнутую в колене, поставила на парапет и пристроила на нее компьютерный блок, но работать не получалось. Получалось сидеть курить, смотреть на воду и думать ни о чем. Надо же, весело удивилась она про себя, на девятнадцатом году жизни научиться наконец думать ни о чем - это несомненный прогресс. Даже, можно сказать, достижение. Вообще-то, все дело в том, что у нее здесь слишком много свободного времени. Чем иначе объяснить возникающее временами ощущение пустоты и никчемности всего того, чем она занимается? Точно, надо себя занять. Например, выучить еще один язык. Вполне здравая мысль. Да вот хотя бы мепаник. Основы ей известны, пополнить словарный запас большого труда не составит... Не то чтобы изучение чужих языков имело большое практическое значение, существовавшие программы синхронного перевода были весьма совершенны. Однако, во-первых, разговаривать с союзниками и нанимателями на их языках во всех флотах считалось хорошим тоном, а во-вторых, лингвистические упражнения способствовали развитию образного мышления, что было совершенно необходимо для по-настоящему хороших пилотов. Да и представителям прочих специальностей не вредило.

Осторожное покашливание оторвало Мэри от созерцания воды и выбора языка, который предстояло выучить. Строго говоря, этих молодых людей она заметила давно - той частью сознания, которая исподволь наблюдала за окружающей обстановкой. Однако угрозы косящиеся по стронам и шушукающиеся курсанты не представляли, напрягать слух, дабы уловить смысл сказанного, Мэри не видела оснований, и в принципе они ей не мешали. Она отдавала себе отчет в том, что предметом как наблюдения, так и разговора является ее скромная персона. Мепаник возник в ее мыслях не случайно: сейчас перед ней стояли, отделившись от компании, два уроженца Рах Мехюапа, которых выдавало несметное количество значков и нашивок на форменных куртках.

- Сеньорита Гамильтон? - Вопрос был и лишним, на ее куртке была только одна нашивка, с именем, и ничто не мешало ее прочесть.

- Я слушаю вас, господа, - Солнце, яркое послеполуденное солнце, светило из-за ее спины и различить в мешанине значков имена ее собеседников было непросто. Тот, что был повыше ростом, видимо, понял ее затруднение.

- Сеньорита, я Энрике Маркес, а это Хосе Лопес. Вам предстоит сделать выбор, кто из нас будет иметь честь стать вашим официальным спутником.

Официальный спутник? Да, Мэри слышала об этой традиции. Помимо качества обучения Академия на Картане славилась организацией многочисленных официальных, полуофициальных и совсем уж неофициальных церемоний. На них полагалось являться парами. Тот, кто хотел посетить официальное мероприятие, должен был озаботиться наличием официального спутника или спутницы. Разумеется, никто никого силком на разного рода открытия, закрытия, банкеты и презентации не загонял. Но блестяще отработанная на протяжении двух, а то и трех столетий организация, превращала любую церемонию в нечто феерическое. Неписаное правило гласило, что до тех пор, пока на "мужском" факультете есть хоть одна студентка без официальной пары, ее одноклассники не могут искать себе официальную спутницу на других факультетах. Прибытие мисс Гамильтон сразу на третью ступень было неожиданностью для мужчин Военного факультета, и, похоже, неожиданностью не слишком приятной. Кислые лица подошедших курсантов яснее ясного говорили, что они предпочли бы оказаться подальше от этой чертовой бельтайнки, но обстоятельства сильнее.

- Я должна сделать выбор между вами двумя? - осторожно уточнила Мэри. Парни ей не поправились. - А почему именно вы?

- Поправьте меня, сеньорита, если я ошибаюсь... - Любезность, которой и без того было не слишком много, сползала с лица Энрике. - Но ведь до сих пор никто не выразил

желания стать вашим спутником? - "Что ты ломаешься? Не порти жизнь всем, достаточно того, что портишь ее мне" - отчетливо читалось в его глазах.

- Допустим. И что из этого? - Мэри стало любопытно, как далеко зайдет этот фарс.

- Думаю, я не ошибусь, если скажу, что вряд ли и впредь найдется много желающих - всем общеизвестна бесперспективность общения с пилотом с Бельтайна. Кроме того, даже официальные церемонии желательно проводить в обществе того, на кого приятно посмотреть... - Ошарашенный Хосе двинул спутника локтем в бок, но было уже поздно. На лице Мэри медленно расцветала улыбка, приветливость которой сделала бы честь любой гадюке. Она зеркально изменила позу - теперь левая нога стояла на мосту, а согнутая правая опиралась на парапет - и отставила компьютерный блок подальше. Пальцы рук дрогнули, разминаясь.

- Руку или челюсть? - безукоризненно светским тоном осведомилась девушка.

- Что?

- Я спрашиваю, что вам сломать, Маркес, руку или челюсть? Судя по вашему выступлению, работать вы привыкли в основном языком, и поэтому неподвижность челюсти будет для вас более болезненна. Но поскольку, в отличие от вас, я хорошо воспитана, я предоставляю право выбора вам.

Маркес склонил голову набок и окинул Мэри демонстративно оценивающим взглядом. Провел языком по губам. Плотно ухмыльнулся.

- Я вижу, сеньорита обладает завидным темпераментом! А говорят, что бельтайнки холодны! Врут, должно быть. Какие только повреждения не наносили мне в порыве страсти девки, но чтобы сло... аааааа!

Мэри не отказала себе в удовольствии проследить взглядом траекторию полета Энрике в канал, с серьезным видом покивала громкому всплеску и взрыву проклятий, снова уселась на парапет и повернулась к оцепеневшему Лопесу:

- Я надеюсь, ваш напарник умеет плавать?

Краем глаза она видела, что наблюдавшие за сценкой курсанты двинулись было к месту действия, но остановились, повинувшись повелительному жесту одного из них. Высокий для мексиканца молодой мужчина, чьи куртка, штаны и щегольские ботинки были явно сшиты на заказ, тер ладонью губы, изо всех сил стараясь сохранить серьезное выражение лица, но смеющиеся глаза выдавали его. Мэри, которую четыре года общения с Келли О'Брайеном приучили ценить в окружающих умение видеть смешную сторону бытия, решила, что с этим человеком вполне можно иметь дело, но тут же отвлеклась. Предельно язвительный женский голос холодно произнес за ее спиной:

- Ты совсем не изменилась, Гамильтон. По-прежнему решаешь все проблемы кулаками?

Мэри обернулась и совершенно не удивилась, обнаружив, что голос принадлежит одной из ее однокашниц по Корпусу. Кадет Филипс в свое время делала жизнь кадета Гамильтон весьма насыщенной и разнообразной, и Мэри не собиралась терять возможность отыграться.

- Язык тела - самый доступный и доходчивый из всех языков, Филипс. Это проходят еще на I курсе, и если бы ты лучше успевала по общим дисциплинам, ты, несомненно, знала бы об этом. Надеюсь, ты согласишься со мной, что данному конкретному телу я все объяснила предельно доходчиво и доступно?

- Смотри, Гамильтон, нарвешься! - процедила противница, но Мэри только усмехнулась: - Всенепременно, Филипс. Но, думаю, еще не сегодня. Хотя кто знает... - Окончание фразы относилось к приближающемуся лидеру мексиканцев: торжественный вид и нарочито выстроенный шаг демонстрировали серьезность намерений, вот только Мэри пока еще не поняла, таких именно.

Он остановился в двух шагах - смуглый, высокий, красивый. Не красавец, а именно красивый мужик, знающий это, но не придающий этому значения. В карих глазах по-прежнему проскакивали искорки смеха, но на лицо он уже успел нацепить маску изысканной

аристократической вежливости. Вежливости, которая могла легко трансформироваться и в ярость, и в насмешку, и в дружескую улыбку.

- Сеньорита Гамильтон.

- Сеньор?

- Я прошу вас извинить моих дурно воспитанных... однокурсников, - Мэри почему-то была твердо уверена, что он хотел сказать "подчиненных", но в последний момент заменил слово. - К сожалению, вдали от родины многие кабальерос быстро забывают правила хорошего тона и...

- Я приняла бы ваши извинения, сеньор...

- Вальдес. Хуан Вальдес.

- Дон Хуан? - девушка мило улыбнулась.

- О, сеньорита знакома с классической литературой? Воистину приятный сюрприз! - мексиканец заметно оживился и смотрел теперь на бельтайнку не только со слегка ироничным уважением, но и с вполне очевидным интересом.

- Так вот, сеньор Вальдес, - невозмутимо продолжила Мэри, - я приняла бы ваши извинения, не будь я уверена, что вы от души наслаждались, наблюдая за развитием ситуации. Не исключая также, что вы побились об заклад с самим собой - какова будет моя реакция на поведение этого наглеца и чем закончится наша беседа.

Вальдес на секунду оторопел, но тут же отвесил элегантный поклон, слегка разведя руками в знак того, что признает свое поражение:

- В таком случае я должен извиниться снова, на сей раз за себя. Вы совершенно правы, и подобное поведение не делает мне чести. Могу ли я загладить свою вину, пригласив вас на чашечку кофе? В Кафе де лас сомбрас подают прекрасный кофе, лучший из того, что поставляют на экспорт плантации Нипьи. Разумеется, ему далеко до того, который остается для внутреннего потребления, но поверьте, вам понравится.

Девушка с достоинством кивнула, и Вальдес протянул ей руку, чтобы, как положено получившему достойное воспитание кабальеро, помочь даме покинуть парাপет. И тут Мэри не поняла даже, а именно прочувствовала смысл выражения "черт толкнул под руку". Потому что в ладонь мексиканца легли внезапно ставшие изящными и хрупкими пальчики мисс Аманды Робинсон, и восхищенному произошедшей на его глазах переменой мужчине ничего не оставалось, кроме как почтительно поднести их к губам.

- Надеюсь, донья Мария, вы окажете мне честь сопровождать меня на открытии состязаний по стрельбе в день святого Михаила. - Никакой вопросительной интонации Мэри не услышала. Хуан Вальдес ставил в известность и ее, и всех окружающих, что свою официальную спутницу он выбрал.

Декан Военного факультета никогда не переходил к делу сразу. Старый космический полк, прошедший огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы, он всем обвинявшим его в излишней медлительности и велеречивости отмечал, что краткость сестра отнюдь не всякого таланта. И раз уж он дожид до своих лет, то будет говорить так, как ему нравится, а не так, как ему много лет подряд предписывал устав. Кроме того, наставительно замечал Курт Шмидт, основное качество, которое требуется преподавателю - терпение. А тот, кто не в состоянии спокойно - и внимательно! - слушать его рассуждения, не годится для работы в Академии. Сегодня декан решил побеседовать с руководителем кафедры командования о музыке и на протяжении примерно получаса восхищался голосом и репертуаром гастролировавшей на Картане Вероники Сальгада.

- Арию Тоски она исполняет божественно! Знаете, Рауль, мне кажется, что оперное искусство умерло с приходом космической эры. Все слишком быстро, слишком практично... Артисты снова и снова поют старые партии. А знаете, почему? Потому что в опере ничего достойного упоминания не создается с тех пор, как человек шагнул к звездам. В нас умерли страсти, которые требовали бы выхода посредством прекрасных голосов и нам остается только с грустью вспоминать творения великих предков. Что вы думаете о младшей Гамильтон? - Эта манера отставного адмирала менять тему разговора стоила должности не

одному преподавателю, опрометчиво решившему, что можно особенно не вслушиваться в легкую салонную болтовню. Но Рауль Перье был, как сказали бы русские, тертым калачом, и заставить его врасплох не удавалось никому - собственно, именно поэтому он был до сих пор жив.

- Не слишком много. По правде говоря, я стараюсь вообще о ней не думать, а то сразу наминает болеть голова.

- Обоснуйте, Рауль. Судя по некоторым докладам, оказавшимся в моем распоряжении, голова при мыслях об этой девице болит не только у вас. Еще пара-тройка истерических лозунгов Фредди, - Фредерик Валон возглавлял службу безопасности Академии и к истерикам был склонен не более чем Вероника Сальгада к передвижению строевым шагом, - и мигрень начнется у меня.

- Видите ли, Курт... Я ведь знал еще ее матушку. Алтея, правда, училась на кафедре Практики, как большинство бельтайнок. И судя по тому, как она закончила свою жизнь, не слишком хорошо усвоила материал.

- Рауль, - предостерегающе начал Шмидт, но его визави только головой покачал:

- Курт, я вовсе не собираюсь умалять то, что она совершила. Я только говорю, что в том бою у нее были шансы спасти транспорт, не жертвуя ни своей жизнью и жизнями тех, кто был вместе с ней на борту корвета. Склонность к излишнему риску в сочетании с уверенностью в собственном бессмертии вообще являются отличительной национальной чертой бельтайнцев. Тактика ее, не мне вам говорить, - заключается, в частности, в том, чтобы закопать противника и при этом выжить самому. Так вот, что касается Мэри Гамильтон. Абсолютно не бельтайнский характер. Великолепное стратегическое мышление. Умеет добиваться большого успеха малыми силами. Большими - тем более. На последнем занятии по отработке действий в группе вывернула "Хеопс" наизнанку за три с половиной стандартные минуты.

- За сколько?! - Декан привстал с места, глаза, начавшие уже по-стариковски тускнеть, заблестели.

- Вы не ослышались, Курт. За три с половиной минуты. Но...

- Всегда есть "но", не правда ли, Рауль? - пробормотал Шмидт.

- Эта девица определенно знает, чего хочет. Но за все время ее обучения я так и не понял, чего именно. Она замкнута. Крайне независима. Тяжело сходится с людьми - кстати, с мужчинами лучше, чем с женщинами. В женщинах будущий первый пилот видит либо подчиненных, либо конкурентов, и ведет себя соответственно, а вот дружить с мужчинами ее кто-то научил. Что еще... Слишком хорошо для своего возраста знает себе цену. Она будет прекрасным командиром корвета, вот только я с трудом представляю себе, с какого раза она подберет устраивающий ее экипаж. Ее бы поставить командовать эсминцем, может быть тогда, при наличии смягчающей прокладки в виде помощников капитана... С другой стороны, а помощникам-то каково придется? Да, так что же, собственно, беспокоит Фредди?

- О, что только его не беспокоит! - Бесконечные в прошлом смены давления давали себя знать и теперь декан в который раз пошевелился в кресле, безуспешно пытаясь принять удобную позу. - Драка в "Белом кролике", к примеру. После этого эпизода Фредди считает ее опасно неуравновешенной.

- Ну, это вздор! - с облегчением рассмеялся Перье. - Глупый мальчишка назвал Алтею Гамильтон "бельтайнской шлюхой" и единственное, что можно поставить в вину ее дочери - она разобралась с обидчиком настолько быстро, что больше никто не успел поучаствовать во вразумлении наглеца. Можете мне поверить, желающих было более чем достаточно, я был там в тот вечер и получил море удовольствия. Чего-то еще?

- Да, есть и еще. И в отличие от упомянутой драки тут дело посерьезнее. Что драка? Я считаю, что задевать чью-либо мать вообще признак крайнего идиотизма, и Мэри Гамильтон в данном случае выступила в роли фактора естественного отбора. Но именно после этого происшествия Фредди решил к ней присмотреться и тут же кое-что нарыл.

- Что именно? - посерьезнел его собеседник.

- Несмотря на все старания, Фредди так и не смог обнаружить, как она проводит свое свободное время. Она вылетает с Картана, благополучно прибывает на Перекресток Харта и исчезает. Ее нет на станциях, ее нет на отправляющихся оттуда кораблях, ее вообще нет. Причем заметьте, Рауль, курсанты с Бельтайна находятся на полном обеспечении родной планеты, им выплачивается скромная стипендия, родители - у кого они есть - не вмешиваются в их жизнь. Там вообще не принято помогать вошедшим в возраст детям. Да и семьи в традиционном понимании этого слова редкость среди выходцев из Линий. Совет же Бельтайна весьма мал и, хотел бы я ошибаться, но похоже, все эти юноши и девушки лишь вложения капитала, которые должны себя оправдать. Отсюда, кстати, и проистекает их абсолютно ненормальное отношение к своей и чужой жизни. Когда с младенчества воспринимаешь себя и окружающих только как инструменты... Так или иначе, Совет оплачивает им дважды в год, во время каникул, путешествие до Бельтайна и обратно, но Мэри Гамильтон ни разу не воспользовалась этой привилегией. В то же время она, повторяю, регулярно бывает на Перекрестке Харта и там как будто растворяется в воздухе. Куда она девается? Что у нее за дела за пределами Картана? Что позволяет ей оплачивать перелеты, куда более частые, чем два раза в год? Точнее - кто на самом деле владеет счетом, которым пользуется мисс Гамильтон? Фредди все это очень не нравится и он своими докладами довел меня до того, что это начинает не нравиться и мне тоже. Он, изволите ли видеть, даже статистику собрал. По его выкладкам выходит, что каждому отлету мисс Гамильтон предшествует беседа по конфиденциальному каналу. Ее собеседник находится на Бельтайне, но там она не появляется. А сколько стоит пусть даже пятиминутная закрытая связь, вы знаете не хуже меня.

- Фредди предполагает связь с Синдикатами? - приподнял бровь Рауль Перье, и декан Шмидт увидел, что пожилой преподаватель едва сдерживает смех.

- А что еще, скажите на милость, он может предполагать?! Ну не любовника же, откуда ему взяться у бельтайнского пилота! Ладно, Рауль, я вижу, вам что-то известно. Не тяните.

- Это помещение хорошо экранировано, Курт?

- Систему защиты от прослушивания настраивал Фредди лично. Он, конечно, параноик, как ему и положено по должности, но иногда и паранойя бывает полезна...

- Ясно. - Перье помедлил, потом с беспечностью махнул рукой. - Знаешь, я довольно быстро заметил, что познания этой девушки по части пилотирования существенно выходят за рамки официально полученного ею образования. Все эти проходы на сверхмалых скоростях и высотах, молниеносные развороты во всех плоскостях и направлениях, использование верхних слоев атмосферы для дополнительного экранирования... Как-то раз в личной беседе я поинтересовался у мисс Гамильтон, где, когда и при каких обстоятельствах послушница монастыря Святой Екатерины Тарисийской получила столь специфический опыт - боевой опыт, заметьте себе это, Курт. Такие вещи видны наметанному глазу. В ответ она попросила разрешения отлучиться на некоторое время, а по возвращении продемонстрировала мне пару погон. Полицейских погон, друг мой. Курсант Гамильтон, столь беспокоящая беднягу Фредди, имеет чин второго лейтенанта планетарной полиции Бельтайна. Я сперва не поверил, но мигом частным порядком - вы правы, закрытый канал удовольствие не из дешевых - связался я с тамошним командующим полицейскими силами. Все подтвердилось. Однако полковник Морган специально подчеркнул, что сей факт не нашел и, вероятно, никогда не найдет отражения в ее официальном досье. Чем бы ни занималась у себя на родине курсант Гамильтон, к ее карьере командира экспедиционного корвета это не должно иметь отношения. Сложно у них там. Да и у нас не проще. В общем, скажите Фредди, что ему пора в отпуск. Все равно через два месяца она окончит курс, и ее поведение будет уже не нашей проблемой.

- Вы сделали то, о чем я вас просил?

- Увы, сеньор, я не смог выполнить ваше поручение. Первый контракт уже заключен и ни деньги, ни политические соображения не смогли поколебать офис командования ВКС Бельтайна. Однако означенный контракт будем совсем коротким, и если сеньорита

Гамильтон завершит его успешно, второй контракт будет нашим, мне это пообещали вполне определенно.

- Хорошо. То есть плохо, конечно, но ничего не поделаешь. Да сохранит ее святой Себастьян!

Глава IX

Последний прозвон всех систем показал, что "Дестини" находится в идеальном состоянии. Надо отдать Доггерти должное - расстарался старик. Да и с самого начала ее корвет был великолепен, офис ВКС Бельтайна заказал его специально для капитана Гамильтон и собранного ею экипажа. Даже ложементы были строго индивидуальны и учитывали все: длинные ноги капитана, маленький рост и субтильность второго нилота, то, что бортинженер - латентный мужчина... Все-таки репутация - великая вещь. Свою Мэри создавала упорно и кропотливо, но в конце концов получила именно те плоды, на которые рассчитывала.

Во- первых, ее корвет получил свое собственное имя, и даже в Реестре экипажей Бельтайна капитан Мэри Александра Гамильтон числилась как командир "Дестини". Любой потенциальный наниматель, таким образом, сразу ставился в известность об исключительных способностях командира упомянутого корвета и том положении, которое капитан Гамильтон занимает в иерархии экспедиционных пилотов планеты Бельтайн.

Вторым положительным эффектом безукоризненной репутации была возможность использовать "Дестини" в личных целях. Например, для того, чтобы всем экипажем рвануть в отпуск на родную планету. Мэри не была на Бельтайне с тех самых пор, как улетела учиться на Картан. Во время учебы и в первые два года действительной службы она регулярно навещала монастырь. Но для поддержания хорошей летной формы Академия не могла предоставить достойного полигона в понимании сестры-тариссийки. Все-таки астероидный пояс Тариссы действительно был одним из самых поганных местечек в Галактике с точки зрения пилотажа, и в силу этого превосходным тренажером. Но эти учебные отпуска были именно "рабочими визитами", все близкие ей люди либо жили в монастыре, либо как Морган, прилетали туда повидаться с ней, и никакой необходимости в спуске на планету не было. Что касается Келли О'Брайена, то с ним она встречалась либо в Пространстве Лордан, либо - однажды - на Плезири, планете-курорте.

Келли прилетел туда со своей очередной пассией, Шон - с беременной женой, дабы отметить третью годовщину свадьбы, а Мэри со всем экипажем. В условия контракта, фантастически тяжелого по части набора действий, входящих в обязанности наемников, входили двухнедельная реабилитация трижды в год на любом месте по выбору командира корабля. Мэри связалась с Келли и предложила ему пересечься на Плезири - не все же шляться по злачным местам, надо иногда и просто отдыхать. В итоге отдых получился еще тот. Больше Мэри таких экспериментов не ставила.

Шону, гордому своим положением почти дважды отца, было совершенно не до старой приятельницы. Изумительная красotka, ни на шаг не отходившая от Келли, смотрела на пилота, как хорошая хозяйка на забулдыгу-фермера, заляпавшего навозом чистые полы в доме. О'Нил задирал нос перед полицейскими и в какой-то момент на предложение Мэри выпить всем вместе заявил, что боевые офицеры с копами не пьют. Капитан Гамильтон в ответ мягко поинтересовалась, не смущает ли первого лейтенанта О'Нила тот факт, что он с копом летает. Вот уже пять лет. Рори некоторое время переваривал информацию, потом косноязычно извинился перед Келли и Шопом, косясь при этом на своего командира, как лошадь на пожар, но положения это уже не спасло. В дальнейшем Келли и Мэри по молчаливому уговору не пытались совместить миры, к которым принадлежали. Им вполне хватало мишурного блеска Пространства Лордни, где оба чувствовали себя как рыбы в воде может быть, именно потому, что в этом средоточии игры и фальши они оба были в равной степени чужаками и своими.

И вот теперь, накануне выхода в отставку - Мэри решила сделать это в день своего тридцатитрехлетия - она прилетела на Бельтайн, чтобы поплавать в океане, рассказать о своих достижениях и уже под собственным именем заглянуть в обществе Келли в "Золотой клевер". Выполнить удалось только второй пункт: когда Мэри выходила из крохотном кладбищенской часовни, с ней связался Марк Фортескью и потребовал, чтобы капитан Гамильтон немедленно явилась на заседание Совета Бельтайна.

Мэри вытянулась в ложементе, активировала замки страховочных ремней и покосилась влево, где лениво порхали над клавиатурой пальцы бортинженера.

- Рори?

- Абсолютная готовность, командир. - Рори О'Нил не был суеверен и, в отличие от многих своих коллег, никогда вслух не принижал состояние корабля. Если готовность абсолютная, какого черта мямлить, что "почти все в порядке"? - Можем стартовать.

Капитан надела шлем и закрепила его одним ремнем. Помедлила секунду и решительно опустила ладонь в углубление подлокотника, отдавая кораблю неслышные команды и включая циркулярную связь между сцепкой и взятыми на поводки корветами.

- Всем внимание! Старт через шестьдесят секунд, начинаю обратный отсчет: пятьдесят девять...

Маневровые двигатели еле слышно загудели сообщая корпусу легкую вибрацию и наполним вены игристым вином азарта.

- Тридцать два... Тридцать один... Тридцать

Дисплей показал герметичность шлюзовых затворов, автоматика станции откачивала воздух из переходных рукавов.

- Восемнадцать... Семнадцать...

Мэри любила эти последние секунды перед стартом. Карты розданы, ставки сделаны и поздно сомневаться или медлить. Поздно и глупо. Остается только играть, играть в полную силу опыта, таланта и везения.

- Два... один... Отрыв!

Словно бильярдные шары, направляемые кием в руках умелого игрока, семь кораблей одновременно оттолкнулись от базы "Гринленд" и взяли курс на Зону Тэта.

«Затяжной прыжок» бурлил вокруг Мэри, словно забытый на огне котелок, но это становилось заметно лишь в тот момент, когда в дверь протискивался проворный официант, донельзя уставленный составом заказа. Четверть часа назад она пришла в этот огромный комплекс развлечений, баров, ресторанчиков, кофеен и пивных. Рядом с каждым из входов располагался информационный терминал. Удостоверившись в том, что ее экипаж еще не подтянулся, она осведомилась о наличии отдельных помещений в пабах и оплатила аренду одного из них. Теперь никто посторонний туда и носа не покажет, а вот ее люди, сделав запрос на таком же терминале, без труда найдут своего капитана. Мэри раздраженно подбросила на ладони конверт с предписанием. Факт получения первого эмгиского контракта через два дня после окончания Академии должен был бы привести ее в восторг, но вот не привел. Мэри терпеть не могла чего-то не понимать. Ей не нравилось решительная и нестандартная форма самого предписания. Ненравился наниматель: Небесная империя, обладавшая неограниченными людскими ресурсами, почти никогда не набирала военный персонал на стороне; впрочем, вывод о нанимателе можно было сделать только на основании пункта назначения. И срок контракта - сорок шесть стандартных суток, слишком долго для обычного эскортирования и слишком мало для продуманных боевых действий. И то, что корабль предоставит наниматель. И то, что в этот самый контракт вошли услуги только одного экипажа, который она покамест не видела в глаза, но которым тем не менее ей предстояло командовать. Хуже всего было то, что состав команды показался ей более чем странным. Второй пилот заканчивала карьеру, до выхода на пенсию Джине Кроули оставалось не более полугода, канониры тоже были в возрасте - по меркам Бельтайна - и звезд с неба явно не хватало. Двигателем являлся прекрасно известный г-н Рори О'Нил, но она не видела его лет семь, а досье - та его часть, которая доступна только командиру -

недвусмысленно свидетельствовало о проблемах с дисциплиной. Ни один член разношерстной команды ни разу не летал с другими. И как украшение на затейливом, но, похоже, не слишком-то вкусном торте - несомненно, перспективный, но совершенно неопытный капитан. Как это кто-то там сказал? С миру по нитке - голому веревка повеситься? А голая-то здесь, похоже, Мэри Александра Гамильтон... Да где же они, наконец?!

Словно в ответ на ее мысли дверь распахнулась и поднявшаяся на ноги капитан Гамильтон увидела свой первый экипаж. Ее самые худшие опасения, похоже, подтверждались. Само по себе выражение уязвленной гордости на лице второго пилота не было чем-то совсем уж скверным. И потухшие глаза канониров. И нагловатая усмешка Рори. Вот только сочетание всех этих факторов доводило массу заряда до критической и оставалось только гадать, когда грянет взрыв.

- Добрый день, господа.

На бельтайнских ВКС была принята именно икая форма обращения капитана к экипажу, вне зависимости от его тендерного состава. Переждав приветствие, такое же унылое, как и сложившееся у девушки впечатление от команды, она сухо кивнула и указала на места вокруг стола: Прошу садиться.

Даже расселись они так, что никаких сомнений не оставалось: у нее проблемы. Большие. Джина Кроули сразу заняла место напротив Мэри, пристроившись на самом краешке тяжелого стула и выпрямив спину до такой степени, что казалось, еще немного, и позвоночник пропорет либо сиденье, либо череп. Канониры безучастно прошествовали на левую сторону стола и уселись рядышком, как две нахохлившиеся птицы. На капитана они не смотрели, вперив глаза то ли в стену, то ли в развалившегося на правой стороне Рори, который закинул руку на спинку скамьи и, приятельски подмигнув Мэри, тут же потянувшись к кружке. Красота. Ну что ж...

Мэри поставила локти на стол, соединила ладони домиком и, глядя поверх них на второго пилота, криво усмехнулась:

- Мы в заднице, господа.

Как она и рассчитывала, и само заявление, и тон, которым она воспользовалась, оказали на аудиторию самое освежающее воздействие. С Кроули разом слетела надменность, и она даже привстала с места, желая, должно быть, выразить свое возмущение, но наткнулась на неожиданно тяжелый взгляд капитана и молча опустила обратно. О'Нил, успевший уже приложиться к кружке, поперхнулся то ли от неожиданности, то ли оттого, что в кружке было вовсе не вожденное пиво, и попытался сквозь кашель что-то сказать, но тут капитан посмотрела и на него тоже. Прищурившись. Слишком часто в прошлом Рори видел этот прищур на тренировках и соревнованиях по рукопашному бою, чтобы сейчас начать выпендриваться. Канониры проявили наконец некоторый интерес к происходящему и одновременно повернули головы в сторону Мэри. Эта синхронность была первым обнадеживающим признаком: одинаковая (а главное слаженная) реакция на раздражитель позволяла надеяться на то, что эти двое сработаются. Надежда была, конечно, слабенькой, под стать основаниям для нее, но и это было лучше, чем ничего.

- Поясняю. В полученном мной предписании нет ни слова о цели нашего найма, поэтому я не могу вам сказать, чем нам предстоит заниматься в Небесной империи. Даже наниматель указан настолько расплывчато, что невозможно понять, наняло нас государство, корпорация или частное лицо. Там нет ни слова не только о модели, но даже о классе корабля, на котором нам предстоит летать, поэтому я не могу предложить вам, О'Нил, начать подготовку к обслуживанию двигателей и оборудования. Там нет ни слова о том, понадобятся ли активные действия канониров и чем именно в случае необходимости этих действий им придется оперировать. Вы можете предложить лучшее определение ситуации, чем то, которое дала я? Второй пилот?

- Никак нет, капитан. - Пришедшая в себя Кроули смотрела теперь на Мэри напряженно и внимательно. Обиженное пренебрежение ветерана по отношению к

поставленной командовать малолетке исчезало, на смену ему приходило вполне рабочее раздражение специалиста, которому подсунули задачу не по профилю.

- Бортинженер?

- Никак нет, мэм. Я мог бы уточнить глубину задницы, но сам факт ее наличия не вызывает у меня никаких сомнений, - Ого, да Рори определенно пообтесался. Как фразы-то научился строить...

- Канонир левого борта?

- Я присоединяюсь к мнению бортинженера, капитан. - Сидевший ближе к ней мужчина изрядно оттопыренными ушами нахмурился. - Дело, похоже, табак.

- Курите, Харрис, - кивнула Мэри и слегка вытянула шею, ловя взгляд второго канонира: - Капонир правого борта?

- Если мне будет позволено это заметить, капитан,. в Корпусе такой расклад назвали бы подставой.

- Блестяще. Я рада, господа, что мы пришли к единому мнению. - Мэри встала, жестом велел экипажу оставаться на своих местах. - Поскольку ни мне, ни вам не известно, в чем заключается проблема - если не считать того, что у нас имеется неслетанный экипаж под командованием капитана, только что окончившим Академию, - предлагаю для начала попытаться найти общий язык. Через три часа мы отбываем с Перекрестка. Время в пути - пять суток. На эти пять суток все мы, я уверена, сможем неплохо отдохнуть: наниматель расщедрился на билеты класса А, - при этом известии экипаж разом повеселел, - и попробовать стать действительно экипажем, а не горсткой разочарованных текущим положением дел людей. Все свободны. Встретимся на борту "Синего тигра". Да, еще одно. О'Нил, задержитесь.

Дождавшись, пока второй пилот и канониры выйдут за дверь, Мэри подошла вплотную к ухмыляющемуся бортинженеру, поманила его пальцем, а когда он склонил голову, доверительно прошептала на ухо:

- Вот что, Рори. Любое нарушение дисциплины, любая попытка мутить воду, и мы - ты и я - встречаемся в спортзале. Я не шучу. Ты меня понял?

Рори вздрогнул, выпрямился и непроизвольно потер челюсть. Потом вскинул правую ладонь к виску, совершенно забыв, видимо, что берета на нем нет, и гаркнул:

- Так точно, капитан, мэм!

Мэри демонстративно поковырялась мизинцем в ухе и жестом отпустила однокурсника. Начало было положено. Оставалось только выяснить - начало чего?

Бэйцзин Мэри понравился. Сразу по прилету - до встречи с нанимателем оставалось больше шести стандартных часов - она наняла такси и велела водителю показать ей город. Экипаж, действительно ставший почти экипажем за время перелета от Перекрестка Харта, в это время размещался в небольшом отеле, указанном в предписании: очередная странность конфликта, который, еще не начавшись, уже изрядно ей поднадоел. Мэри попросила Харриса отнести ее сумку в номер, благо ничего тяжелого там не было: гравикомпенсаторная броня осталась в камере хранения космопорта. Стоило ей выйти из дверей отеля, как к ней подскочил шустрый господин неопределенного возраста и с ходу предложил вызвать такси, свести с надежным пушером и дать адрес лучшего в городе заведения с мальчиками и девочками на любой вкус. Мэри, слегка нависнув над приставучим коротышкой, со всей доступной ей внушительностью объяснила, что сегодня и впредь намерена ограничиваться только первым пунктом. Однако, добавила она, если такси появится прямо сейчас и в дальнейшем всегда будет под рукой, комиссионные посредника составят десять процентов от суммы оплаты поездки. Взаимопонимание было достигнуто, человечек взмахнул рукой, такси словно материализовалось из воздуха в метре от нее, и Мэри отправилась осматривать достопримечательности.

Город очаровал ее. До сих пор ей не доводилось бывать в колониях, основанных выходцами с азиатского континента Земли, и теперь она рьяно впитывала новые впечатления. Было что-то неуловимо чуждое в планировке улиц, в расположении и форме

окон, в цветовой гамме, используемой для домов и парков. А когда широкий проспект, внезапно раздался в стороны, такси остановилось на краю огромного пустого пространства, и Мэри увидела красные стены и прихотливо загнутые скосы крыш, она только тихонько ахнула при виде непривычной, но этого не менее изысканной красоты. Разумеется, она знала, где оказалась и что перед ней, но одно дело разглядывать голопроекцию, и совсем другое - ощущать силу, которой дышали окруженные стеной строения впереди. Водитель обернулся, с удовольствием полюбовался выражением лица пассажирки, вытянул руку вперед и провозгласил:

- Запретный город!

Ближе к вечеру, когда Бэйцзин окутали душные лиловые сумерки, Мэри поднялась и маленький конференц-зал, расположенный на крыше отеля. Прозрачные стены вестибюля открывали великолепный вид на близкий космопорт и загорающиеся огни города. Однако ей было не до красот: у дверей зала стояло полдюжины бойцов. Именно бойцов, и бойцов серьезных. Глава телохранителей - а кем еще могли быть эти люди? - проверил идентификационную карту и отпечатки пальцев всех. Потом сделал, извинившись, соскоб кожи, сравнил полученный результат с имевшейся ДНК-граммой, вежливо, но безапелляционно потребовал сдать оружие, если таковое имеется, и наконец распахнул перед Мэри тяжелую створку. Внутри было только два человека. Мужчине она дала бы лет девяносто, женщине... Женщине могло быть сколько угодно, от тридцати до ста. На ее гладком, застывшем, как у фарфоровой куклы, лице жили только глаза, умные и усталые. Мужчина, облаченный, как и женщина, в крайне помпезный костюм, и дождался, пока створки дверей сомкнутся за спиной капитана, а сама она приблизится к столу, и торжественно произнес:

- Госпожа Юань, Третья Госпожа династии Ти, приветствует капитана Гамильтон, - уник мужчины был почти безупречен, его портило только несколько странное произношение шипящих.

Мэри отдала честь и застыла по стойке "смирно", не зная, что делать дальше. Что только не доводилось ей изучать, в сущности, она училась всю жизнь, но вот дворцового этикета Небесной империи среди преподаваемых ей предметов как-то не случилось. И как прикажете простому капитану вести себя в присутствии третьей жены императора? Поняв, видимо, причину такого поведения, женщина чуть заметно улыбнулась и указала на кресло напротив себя. Мэри уселась, отметив, что мужчина, которого госпожа Юань и не подумала представлять, остался на ногах.

- Итак, капитан, я рада приветствовать вас в Бэйцзине, - голос госпожи Юань напоминал звон серебряных колокольчиков. - Надеюсь, ваше путешествие было приятным?

- Я благодарю вас, ваше величество, вполне. - Мэри как будто со стороны услышала свой голос и он показался ей хриплым карканьем. Широкоплечая, рослая, крепко сбитая, весящая, должно быть, вдвое больше собеседницы, она вдруг почувствовала себя неуклюжей громадиной. Пришлось самым категорическим образом напомнить себе, что она - командир корвета, и если бы бесстрастно изучающей ее хрупкой красавице понадобилось бы что-то столь же изящное, как она сама, заказ следовало делать не в офисе ВКС Бельтайна.

- Я вижу, вы не знакомы с нашими традициями, капитан. Названный вами титул мне не принадлежит, я не императрица, всего лишь третья жена. Нет-нет, - остановила женщина начавшую было вставать Мэри, - не извиняйтесь. В данном случае имеет значение не то, кто я, а то, кто вы. Вас рекомендовали как лучшего молодого пилота Бельтайна, а это именно то, что мне требуется.

- Требуется для чего? - решительно спросила Мэри. Мужчина, стоящий за спинкой кресла не-императрицы, слегка поморщился, недовольный, должно быть, бесцеремонностью пилота. - Простите, госпожа Юань, но переданное мне предписание ни в какой степени не раскрывает сути обязанностей, которые возлагает контракт на меня и мой экипаж.

- Вы правы, капитан. Перейдем же к делу. Что вам известно о системе Хэйнань?

- Хэйнань? М-м-м... Первая система, колонизированная выходцами из Китая. Планета,

на которой расположилась колония, разрушена вследствие столкновения с крупным астероидом. В настоящее время система необитаема по причине отсутствия пригодных для жизни планет и бесперспективности освоения астероидного пояса.

- Прекрасно. Однако это не все. Прежде, чем система была окончательно покинута, вблизи короны звезды был установлен маяк. Этот маяк является целью регулярного - раз в двадцать четыре года - паломничества императорской семьи. Не буду утомлять вас подробностями, не имеющими отношения к теме нашей сегодняшней беседы. Достаточно того, что традиция существует и не нарушается. В каком-то смысле, эти путешествия, совершаемые в память о предках, служат подтверждением способности правящего дома управлять империей. Очередное паломничество начнется через двадцать дней, и я хочу, чтобы кораблем, на котором полечу я и мой сын, управлял бельтайнский экипаж, - она не подала никакого знака, даже не пошевелилась, но стоящий за ее спиной мужчина откуда-то извлек и поставил на стол компьютерный блок. В воздухе развернулся дисплей, тонкие пальцы скользнули по виртуальной клавиатуре и Мэри увидела. Увидела и поняла, зачем этой машине понадобился именно бельтайнский пилот. Мешанина обломков на экране была, пожалуй, похлеще астероидного пояса Тариссы. Ну или где-то рядом. Неприятно рядом. Крайне неприятно.

- Нам предстоит лететь через *это* ? - выделив голосом последнее слово, спросила Мэри.

- Да. Это модель, разумеется, там нет никаких станций наблюдения, даже автоматических, но...

- На основании чего составлена модель?

Эквивоки закончились, начиналась работа.

- Данные о состоянии системы получались каждые двадцать четыре года во время очередного паломничества. Ситуация, на мой взгляд, вполне очевидна. Система Хэйнань нестабильна, она находится в состоянии перманентного разрушения, вы, конечно, знаете, как это бывает. По образованию я астрофизик, поэтому мой интерес к цели путешествия вполне естествен, но в данном случае моей подготовки было совершенно недостаточно. Экстраполяция сделана по моей просьбе профессором Новаком. Вы знаете, о ком я говорю?

Мэри кивнула. Вопрос был излишним, д-р фан Новак специализировался на планетных системах и являлся одним из самых блестящих умов Галактики. Лично с ним Мэри знакома не была, но слушать его лекции ей доводилось,

- Неприятное местечко, - капитан побарабанила пальцами по столу. - Как я понимаю, отказаться от путешествия вы не можете?

- Не могу. И мой сын не может тоже. Будучи рожденным третьей женой, он не является наследником, но он сын императора. И мой единственный ребенок.

- На каком корабле нам предстоит лететь?

- Поскольку я всего лишь третья жена, я могу позволить себе некоторые вольности. В частности, в отличие от императора, императрицы и второй жены я не связана этикетом в деле выбора корабля или экипажа. Зная о предстоящем паломничестве задолго до его начала, заказала яхту на верфях Нового Амстердама, специально оговорив установку на нее рубки управления, идентичной тем, которые ставятся на корветы, закупаемые Бельтайном. По поводу крупных кораблей можно поспорить, но мелкие суда лучше бельтайнцев не пилотирует никто, это аксиома.

- Благодарю за высокую оценку, госпожа Юапъ. Бельтайнские пилоты вообще, а послушники монастыря Святой Екатерины в особенности. - Мэри коснулась правого виска, госпожа Юапъ кивнула, - действительно получают надлежащую подготовку. Думаю, мы справимся. Но потребуются тренировки. Корабль на орбите?

- Да. Для вас и ваших людей подготовлен тренажерный комплекс в соседнем помещении...

- Этого недостаточно, - перебила Мэри, решившая наплевать на правила хорошего тона. - Разумеется, мы воспользуемся тренажером, по модель корабля, воссозданная

компьютером, и настоящий корабль - это два совершенно разных корабля, поверьте моему опыту. Нам потребуется постоянный доступ к кораблю, разрешение на вылет в любое время и в любом направлении и неограниченный энерго- и боезапас.

- Разумеется. Я уже отдала соответствующие распоряжения... - В эту секунду мужчина сделал почти неуловимый жест правой рукой и кольцо мастер-ключа запульсировало, принимая кодовые группы. Госпожа Юань слегка хлопнула по столу маленькими ладонями и Мэри поднялась на ноги. Аудиенция завершилась.

Яхта была хороша. Крупнее корвета, она была тем не менее удивительно ладно скроена. Рубка была привычной, как старый, давно обмятый по ноге ботинок. Дополнительные системы противометеоритной защиты восхитили Рори, и он немедленно зарылся в инструкции и справочники, время от времени издавая восторженные восклицания. Канониры в один голос заявили, что вооружение в основном стандартное, а то, что нестандартно, прекрасно скомпоновано. Мрачной была только Джина Кроули. Накануне Мэри, которой по окончании аудиенции молчаливый спутник госпожи Юань вручил компьютерный блок с моделью текущего состояния системы Хэйнань, пригласила второго пилота к себе и продемонстрировала цель полета.

- Ваше мнение, мисс Кроули?

- Цензурно или честно, капитан? - с кислой миной осведомилась та.

- Согласна с вами. Хотела бы я испытывать ту уверенность, которую изображала перед нанимателем. Ладно, выбора у нас нет. Будем работать.

И работа началась. Сначала Мэри загнала экипаж в тренажер. После первой тренировки, длившейся три часа, ее глазам предстали четыре мокрых от пота человека, вымотанных до последней степени. Рори начал материться, еще не сняв шлем, и продолжил это полезное для разгрузки психики занятие сначала в лифте, и потом в выделенной экипажу гостиной. Канониры мрачно разминали руки, второй пилот, взглядом спросив разрешения капитана, хлопнула двойной виски и закуталась в три пледа одновременно - Джину Кроули заметно трясло. В собственной броне Мэри, казалось, хлюпало, в висках пульсировала боль, но результат был в целом недурен. Три часа они продержались, но становилось очевидно, что лететь придется под коктейлями - выдержать такой полет в обычном режиме и остаться в живых было невозможно. Капитан потихоньку поинтересовалась у второго пилота, как у той обстоят дела с месячными, и получила заверение, что все вполне возможно перекрыть. Сама Мэри также изменила состав и порядок приема гормональных препаратов: к моменту старта организм должен был прийти в идеальное состояние.

Пробный полет длился восемь дней. Пилоты привыкали к габаритам, бортинженер доводил навыки работы с более крупной, чем у корвета, энергоустановкой и мудреной системой противометеоритной защиты до полного автоматизма, канониры стреляли на любой скорости и в любом направлении. Потом снова был симулятор. Пять часов. Семь. Десять. Двенадцать. Экипаж работал на износ, но никто не возмущался: модель системы Хэйнань, загруженная и тренажер, яснее ясного давала понять, что или они справятся, или даже обломков не найдет никто и никогда.

Последние три дня перед полетом Мэри отвела для отдыха. Рори немедленно рванул по девочкам - тут-то и пригодилось последнее предложение назойливого человечка. Чем занимались канониры, Мэри не интересовалась, а сама она в обществе второго пилота бродила по паркам, каталась по озерам на изящных хрупких барках и подолгу просиживала в крохотных чайных, наслаждаясь непривычным, но от этого не менее изысканным вкусом зеленого чая и изумительной красоты видами.

Флот Небесной империи достиг системы Хэйнань точно в расчетное время. Здесь предстояло разделиться: корабли сопровождения оставались на месте, а те, на которых летели сам император, императрица, вторая и третья жены (все трое - с детьми), должны были двинуться в опасное путешествие к маяку. Последние проверки оборудования... Последние проверки связи... Дождавшись сигнала, Мэри отдала приказ на запуск маршевых двигателей и медленно повела яхту в хвосте величественной процессии. О да, это

действительно было величественное зрелище. Величественное и глупое. Мэри ни с кем не делилась своими соображениями и решительно пресекала попытки команды высказаться (умеешь считать до десяти - остановись на семи, копирайт Келли О'Брайен), но ничего хорошего, по ее мнению, эта затея не сулила. Корабль императора был огромен. Корабль императрицы лишь немного уступал ему размерами. Корабль второй жены был меньше корабля императрицы, но рядом с ним яхта госпожи Юань выглядела игрушечной. И на этом они собираются идти через астероиды? Традиции - традициями, этикет - этикетом, но терять сотни жизней из-за каких-то церемоний?! Святой Николай, вразуми безумцев! Своим пассажирам - помимо госпожи Юань и ее сына, невысокого семнадцатилетнего юноши, на борту было шесть слуг, разместившихся по двое в трех из пяти пассажирских кают - она категорически приказала облачиться в гравикомпенсаторную броню и лично проверила, насколько надежно они пристегнуты к койкам. Госпожа Юань, надо отдать ей должное, восприняла изложенный в форме приказа совет запасться броней на всех исключительно конструктивно. Только уточнила, какую фирму-производителя рекомендует капитан Гамильтон. Времени до вылета оставалось совсем немного, но деньги и власть могут если не все, то почти, и к моменту старта броня была у всех пассажиров. Мэри мысленно восхищалась энергией и силой воли этой маленькой женщины и той страстью, чтобы не сказать - яростью, с которой она стремилась сделать все возможное для защиты своего ребенка. То, что слуги получили броню такого же класса, что и господа, окончательно расположило капитана к нанимательнице. Сейчас ей предстояло благополучно доставить эту самую нанимательницу до пресловутого маяка и обратно. Что ж, все, что будет зависеть от Мэри Гамильтон, будет сделано. Паломничество началось.

Первые два часа все шло спокойно. Плотность астероидного потока была сравнительно невелика, никаких чудес от экипажа не требовалось. Связь с караваном и оставшимися позади кораблями сопровождения поддерживалась исправно, помехи если и были, то Харрису, совмещавшему обязанности канонира и связиста, ничего не стоило подстроиться на нужный капал. А потом началась свистопляска. Первым замолчал ушедший далеко вперед флагман. Замолчал на середине поданного сигнала бедствия и его судьба не вызывала у Мэри никаких сомнений. Правящий император отправился к тем самым предкам, почтение которым стремился выразить этим самоубийственным путешествием. Плотность астероидов резко, скачком, возросла, и Мэри, поджав губы, отдала команду на введение коктейлей. Сознание привычно покачнулось, кровь, подстегнутая р-формулой, загудела в ушах, с немыслимой для нормального человека скоростью проносясь по венам. Восприятие обострилось, слияние с кораблем стало абсолютным.

Не яхта пробиралась сейчас через лабиринт из камней и вакуума, нет. Это Мэри Александра Гамильтон, повинаясь ей одной слышной музыке, скользила среди бесформенных глыб, как скользит в речном потоке крохотный кораблик, смастеренный малышом из куска подходящей деревяшки. Ритм, учила ее сестра Агнесса, главное - поймать ритм, и тогда все возможно. А есть ли ритм здесь, в этой смертельно заполненной пустоте? Да вот же он, девочка, разве ты не слышишь, говорит бабушка, дотянись до него, он совсем рядом!

Сигнал корабля второй жены исчез, оборвался с жалобным стоном, как перетянутая струна, не отвлекаться, потом, все потом. Уклониться, пригнуться, подпрыгнуть. Вперед, только вперед, разворачиваться нельзя, здесь и захочешь не развернешься, как это не развернешься, кричит Морган, ты ноль двадцать два или кто, ты развернешься где угодно, но у тебя есть цель, второй лейтенант, тебя ждут там, впереди, доложить о выполнении!

-

Корабль императрицы не отвечает на запрос, сопровождающие в панике, успокойте их, Харрис, мне некогда с ними трепаться! Мы идем на маяк, отстаньте, ван Хорн, я же обещала вам не гречу, вот и заткнитесь, я всегда держу слово, быстрее, да выдержат двигатели! Рори, что ты паникуешь?! Что я делаю? Я сажаю на трон нового императора! Все правильно,

Келли, это каре, каре на королях, это именно оно и есть, только не называй это удачей! Ах, чтоб тебя! Проскочим, проскочим, мама, мамочка, я здесь, детка, я с тобой, посмотри, там уже светло, светло и просторно, осталось совсем чуть-чуть! Ты Гамильтон, ты умеешь танцевать, еще два пируэта, еще один, ну же!... Пустота. Пустота и тишина. Блаженная тишина. Ну кому там неймется? Да в порядке я, Джина, в порядке, сейчас встану.

Мэри почти с сожалением покинула ложемент, отмахнулась рукой, ловя ускользающее равновесие, стянула с головы и отшвырнула в сторону шлем, который ловко поймал глядящий на нее во все глаза Рори.

- Ну, капитан... Ни за что не пропустил бы такую развлекуху... только повторять что-то неохота!

- А придется, О'Нил. Нам еще обратно лететь. Кто-то проверял пассажиров? Ладно, это я сама. Что со связью, Харрис?

- Корабли сопровождения в канале, мэм.

- А остальные? - Голова болела почти невыносимо, Мэри подташнивало, успокаивающееся сердце тяжело колотилось о ребра.

- Больше никого. Какие будут указания?

- Пока никаких. Мне надо поговорить с нанимателем. - И капитан, припадая на левую ногу, медленно двинулась в сторону пассажирских кают. Экипаж остался в рубке, и за сомкнувшимися створками Мэри не слышала вопроса Харриса:

- Интересно, а она вообще-то человек?

И ответа Кроули:

- Она наш капитан. А в остальном - какая тебе разница?

Капитанский доступ сработал, как ему и полагалось, дверь отъехала в сторону и Мэри почти ввалилась в каюту, занимаемую госпожой Юань. Пошевелиться та, собственноручно пристегнутая капитаном, не могла, но глаза скосила.

- Сейчас, сейчас, подождите немного, ваше величество...

- Я уже говорила вам, госпожа Гамильтон, что это не мой титул. - Серебряные колокольчики слегка дребезжат, но это ничего, это от жажды...

- Прошу простить меня, ваше величество, но теперь этот титул принадлежит вам. Никто, кроме нас, до маяка не дошел. Связь с флагманом и кораблями ваших сестер утрачена. Флагман успел подать сигнал бедствия, остальные не смогли даже этого. Если к вдовствующей императрице, императрице-матери, следует обращаться как-то по-другому, научите меня. Я всего лишь бельтайнский капитан, у нас нет императоров.

Госпожа Юань медленно села на койке. Начала было заваливаться вбок, по Мэри была начеку, подхватила, поддержала, помогла спустить ноги на пол, подставила плечо под неожиданно сильную руку.

- Вы хотите сказать...

- Я хочу сказать, что теперь вы должны пройти к своему сыну. Если я правильно понимаю, им должен произвести какие-то действия, ритуал, быть может... Я в этом не разбираюсь, в отличие от вас.

- Да. Правильно. Ритуал. Конечно.

В темных глазах горела бешеная работа мысли. Ни паники, ни страха, ни следа неуверенности там не было, с удовольствием отметила Мэри. А ведь это штатская, ну ничего себе! Впрочем, бельтайнка была почти уверена, что получившийся расклад если и не входил напрямую в планы вдовствующей императрицы, то был ею предвиден.

- Идемте - Мэри, страхуя пошатывающуюся Госпожу Юань, двигалась на полшага сзади - Женщины прошли к каюте наследника. Теперь - Наследника. Который станет императором вот тут прямо сейчас. Мэри открыла дверь каюты, расстегнула ремни и выскользнула в коридор, Предоставив госпоже Юань самой поговорить с сыном. Несколько минут спустя юноша перешагнул порог, окинул капитана внимательным, изучающим взглядом и, проронив:

- Следуйте за мной, госпожа Гамильтон! - и двинулся в сторону рубки. Вслед за ним в

коридор вышла императрица-мать, которую Мэри пропустила вперед и пошла за ней, зорко следя, чтобы все еще нетвердо держащаяся на ногах женщина не упала.

В рубке было очень тихо. Экипаж стоял, напряженно выпрямив спины, и смотрел, как пальцы мальчика - императора? - пляшут по клавиатуре. Внезапно помещение наполнил низкий, пульсирующий гул и тут же Харрис, вслушавшись во что-то, звучащее в его коммуникаторе, сдернул с уха клипсу и протянул ее поднявшему голову от клавиатуры подростку:

- Прошу прощения... я не говорю на чайнизе...

Маленькая, но крепкая ладонь взяла клипсу, пристроила ее на ухо, казавшееся почти девичьим, хрипловатый голос произнес с десятков слов и несколько секунд спустя уже не юнец, а молодой мужчина повернул к присутствующим разом повзрослевшее лицо. Мэри среагировала первой, склонившись в глубоком поклоне. Остальные члены экипажа последовали ее примеру, госпожа Юань опустилась на колени и была немедленно поднята сыном.

- Я благодарю вас, госпожа Гамильтон. Я благодарю ваш экипаж. Сейчас мы должны отправиться в обратный путь, но по возвращении все вы получите награду из рук императора.

- С позволения вашего величества... Экипажу следует отдохнуть в течение суток, иначе мы просто не осилим еще один полет, - Мэри говорила вежливо, но твердо.

- Оставляю это на ваше усмотрение, госпожа Гамильтон. Я полагаю, наши слуги сумеют сделать ваш отдых приятным. После того, как помогут мне и моей матушке избавиться от этого...

Император повел затянутым в гравикомпенсатор плечом, и понятливый Рори тут же выскочил за дверь, чтобы помочь слугам выбраться из коек и брони.

Обратный путь обошелся без происшествий. Проще не стало, но сознание того, что однажды они через это прошли и выбрались живыми, ободряло. Мэри проводила императора и императрицу-мать до переходного шлюза, за которым их с почтительным восторгом встретил командующий сопровождением, и с облегчением плюхнулась в ложемент. Теперь можно было лететь далее на автопилоте, соответствующую программу Джина Кроули уже ввела в курсовой компьютер, но ей хотелось еще немного повести эту ладную, маневренную яхту. Кажется, она теперь знала, какой корабль купит себе после выхода в отставку. Конечно, десять кают это перебор, вполне хватит и четырех, а в остальном... нет, ну ведь прелесть же, а не посудина!

Через четыре дня после прибытия в Бэйцзин экипаж в полном составе был вызван в Запретный город. Все были облачены в парадную форму, и Мэри впервые с начала этого безумного предприятия почувствовала себя неуютно: у нее единственной на кителе не было ни одной награды. Это было вполне естественно - первый контракт как-никак, - но уверенности в себе не добавляло. Огромный зал был полупустым. Стены терялись в сполохах драпировок, эхо, надежно спрятавшееся среди потолочных балок, насмешливо передразнивало звук шагов. Молодой император медленно и размеренно говорил на чайнизе, стоящий у ступеней трона мужчина - Мэри без особого удивления узнала спутника госпожи Юань - так же неторопливо переводил на уник. Весь экипаж получил одинаковые ордена: в центре золотого цветка лежал прозрачный кристалл, внутри которого был заключен осколок невзрачного серого камня. "Великая стена", выше награды в Небесной империи не было. Статистика награждения была Мэри неизвестна, но она не без оснований подозревала, что чужаков, удостоенных этого ордена, до сего дня можно было пересчитать по пальцам. Помимо ордена ей была вручена небольшая нефритовая табличка, а переводчик степенно пояснил, что отныне капитан Гамильтон носит титул "Госпожи, сохраняющей преемственность". Что это значит в Небесной империи, Мэри так и не поняла, но на всякий случай прониклась величием момента и рассыпалась в благодарностях.

По выходе из зала ее перехватил пожилой слуга, сообщивший, что "Госпожу, сохраняющую преемственность", ожидает вдовствующая императрица. Госпожа Юань

приняла Мэри в просторном павильоне, полном воздуха, света и еле заметного аромата благовоний. К удивлению капитана, ей было предложено присесть. Тот же слуга разлил светлый чай по крохотным фарфоровым чашкам и бесшумно испарился.

- Госпожа Гамильтон, я захотела увидеться с вами, чтобы еще раз поблагодарить за ту неоценимую помощь, которую вы оказали моему сыну, да продлятся его дни, и мне, недостойной.

- Ваше величество, я...

- Подождите, госпожа Гамильтон. Я долго думала, что в моих силах дать столь выдающейся женщине, как вы. Не спорьте, я знаю, о чем говорю. Премия не в счет, хотя деньги еще никому не вредили, но это не то. Так вот, у меня есть для вас подарок и совет.

С этими словами госпожа Юань подняла руки, завела их назад и вынула из высокой прически две длинные шпильки.

- Я знаю, что сейчас у вас нет волос, которые можно было бы скотить, но в будущем, возможно, они вам пригодятся.

Мэри, потянувшись через низенький столик, осторожно взяла странный дар и мысленно присвистнула: то, что показалось ей собственно шпильками, было чем-то вроде ножен, скрывающих в себе тонкие трехгранные клинки, заточенные до бритвенной остроты. Выполненные в виде золотых перьев головки шпилек были, судя по всему, стабилизаторами, хотя и в ладонь ложились идеально. Госпожа Юань мягко улыбнулась:

- Ими можно драться в рукопашной и их можно метать. Металл достаточно прочен. Нравится ли вам мой подарок?

- Он великолепен, ваше величество. Обещаю, что найду ему применение.

- Не сомневаюсь в этом. А теперь послушайте мой совет, и поверьте - он идет от чистого сердца. Я живу на свете дольше вашего, а мое положение обязывает разбираться в людях и предвидеть их судьбу. Совет мой таков: выкройте время в вашем, несомненно, плотном расписании и изучите правила этикета, принятые в высших кругах всех государств, в которые вас даже теоретически может занести жизнь. Что-то подсказывает мне, что мой сын - не единственный правитель, рядом с которым вы окажетесь. Мне не хотелось бы, чтобы у вас возникли даже самые малые поводы для смущения или неуверенности в себе. Кто знает, возможно, настанет день, когда мы с вами встретимся на равных. Не отвечайте. Просто подумайте над моим советом, прошу вас. А теперь прощайте.

Госпожа Юань изящно поднялась на ноги и выскользнула за дверь, противоположную той, через которую вошла Мэри. Уже знакомый слуга, часто кланяясь, возник в павильоне через минуту, почтительно предложил девушке тонкой работы шкатулку для подарка ее величества и проводил "Госпожу, сохраняющую приемственность", до выхода из Запретного города. Первый контракт благополучно завершился.

Глава X

Здраво рассудив, что до Зоны Тэта еще лететь и лететь, а день выдался суматошный, Мэри бросила экипажам подчиненных кораблей команду "спать". В конце концов, ежели вдруг что-то случится, так настроенная соответствующим образом система обнаружения вполне справится со своевременной побудкой, а отдохнуть надо. Кто знает, когда начнется бой (и начнется ли вообще), как долго будет продолжаться и чем закончится. Откровенно говоря, чем вся эта затея в случае боевых действий закончится лично для нее, Мэри практически не сомневалась. Ничего, бой она, даст Бог, доведет до конца самостоятельно, а там и Элис Донахью справится. Если, конечно, "Дестини" останется на ходу. Кстати, как там поживает фальшивка, которую она собственноручно написала и убедила кибердиагност сдать ее в медблок? Конечно, раз Джонни до сих пор не поднял тревогу, то, по идее, все в порядке, но проверить не помешает... М-да. Хотелось бы верить, что ничего экстраординарного не понадобится и все они, скажем, неделю спустя хорошенько надерутся на Бельтайне, да вот беда: в удачу Мэри Александра Гамильтон не верила. В принципе. В

судьбу верила, недаром именно так назвала свой корвет, а в удачу... Удача благоприятствует подготовленному уму - добавим в скобках, и телу - а ни о какой подготовке в этом полете речь не шла. Не считать же, в самом-то деле, подготовкой суматошные попытки растянуть узкое одеяло на полдюжины брыкающихся сорванцов, да гак, чтобы никому не поддувало в бок. Правду сказать, Мэри устала. Она устала еще до прилета на Бельтайн, где как раз рассчитывала хорошенько отдохнуть, да вот не довелось. Наверное, та самая судьба, в которую она верила, решила подпустить ей шпильку. Иначе чем объяснить то, что после тяжелейшего во всех смыслах контракта, когда приходилось драться чуть ли не каждый день и насиловать организм гормонами на грани срыва, ей не удалось даже толком выспаться. Полтора часа вполглаза на диване в Комплексе не и счет... Да что ж это такое, ведь вколола снотворное уже десять минут как! Давно пора провалиться в пушистую вату искусственного сна, а вот поди ж ты... И чушь какая-то лезет в голову. Нет уж, если она выживет - в отставку, однозначно. Навоевалась. Хватит. Хватит боев, хватит эскортирования, хватит суток без сна и месяцев без отдыха. Купить кораблик и рвануть по Галактике. Останавливаться, где придется, болтаться по планетам, дышать живым воздухом. Курить бросить... хотя нет, это излишне, здоровый образ жизни невыносимо скучен. И вообще, должен же быть у нее хоть один недостаток? Топором и без единого гвоздя - умеют же русские играть словами! - сработанная физиономия не в счет, тут от нее ничего не зависело, а в остальном идеал... глаза б мои тот идеал не видели. Плохо быть хорошей девочкой.

Мэри поймала себя на том, что мурлычет под нос давно уже не вспоминавшуюся мелодию и тихонько потянулась к экипажу. Нет, все спят. Молодцы. Ну как же, командир приказала... Интересно, они-то понимают, насколько все зыбко? Если за ними погонятся... "Соломон" очень слабенький, для сопровождения еще годится, если, конечно, иметь целью именно отпугнуть, а вот для ярко выраженной драки... так, ладно, все это глупости. Как только "Септ-Патрик" пройдет зону перехода, можно будет сваливать за ним и пусть ловят, сколько влезет. Вопрос о том, будет ли, кому сваливать, отмечаем как неконструктивный. Ибо если считать его конструктивным, можно вообще никуда не лететь. Выставиться, как мишень в тире, и ждать, пока канониры противника натешатся. А вот хрен вам всем. Мы еще попрыгаем.

Мысли наконец-то начали путаться, и Мэри с облегчением почувствовала, как тяжелеют веки. Ну вот и славно. Мелодия, по-прежнему звучавшая где-то на грани сознания, подхватила ее и понесла в открытое море, слегка покачивая на мерной зыби. Капитан Гамильтон готова была принять свою судьбу.

* * *

Легкомысленная трель дверного сигнала отвлекла Мэри от созерцания текста очередного предписания, и она почти с облегчением провела рукой по вмонтированной в подлокотник кресла сенсорной панели. По завершении работы в Небесной империи экипаж явился на Бастион Марико, и вот уже дней восемь валял дурака. Мэри не совсем понимала, чего ради им велели ждать указаний здесь. Она охотно допускала, что дальнейшее пребывание в Бэйцзине "делателей королей", как она мысленно окрестила себя и свою команду, несколько нежелательно. Так что сам по себе приказ покинуть пределы Небесной империи до формального истечения срока контракта (наниматель не возражал) был вполне уместен. Но почему Бастион, а не, скажем, Перекресток? Чем тут заниматься? И как прикажете следить за не занятой делом командой в месте, набитом разномастными войсками, как подсолнух семечками? Вчера, к примеру, пришлось разнимать драку: неугомонный Рори зацепился с парой десантников с Вирсавии. Хорошо хоть она - как чуяла! - оказалась поблизости. Словесные вразумления разошедшаяся троица игнорировала, и Мэри, поддержанная крючконосым черноглазым сержантом, применила вразумление физическое. После чего принять предложение нового знакомого выпить за то, чтобы у подчиненных

появилось хоть немного мозгов, показалось вполне естественным. Результатом посиделок стал вывод, что если в самое ближайшее время они не уберутся с Бастиона, она либо будет вынуждена запереть Рори, либо к такой-то матери сопьется, налаживая контакты с командирами его противников. Так что получение нового назначения пришлось как нельзя более кстати, вот только... Черт бы побрал офис: ее отправляли "в лес"! Пречистая Дева, ну за что?! И как будто мало было этого факта, ребром встал кадровый вопрос. Контракт предстоял двухлетний, а срок службы Джинны Кроули подходил к концу. Не говоря уж о том, что Мэри, как командиру, категорически не нравилось настроение второго пилота. Похоже, Джина так и не отошла от их приключений в системе Хэйнань. В общем, прошение премьер-лейтенанта Кроули об отставке капитан Гамильтон поддержала, а командование удовлетворило, и теперь надо было внимательно изучать присланный список свободных вторых и делать выбор, причем делать его быстро... Однако кого же там принесло?

Как будто в ответ на ее размышления о выборе нового члена экипажа на пороге возникла Джина Кроули.

- Разрешите, капитан? Я не помешала? - Она выглядела слегка расстроенной, но собранной.

- Входите, Джина. Конечно, вы не помешали. Я как раз думаю о новом назначении и о том, кого мне взять на ваше место.

- Проблемы? Может быть, я смогу помочь, раз уж из-за меня у вас такие сложности? - виновато улыбнулась Джина

- Может быть, и сможете. - Мэри с наслаждением потянулась и поднялась из кресла. - Посмотрите на присланные офисом кандидатуры и скажите, что вы обо всем этом думаете.

Джина мельком взглянула на список и, даже не интересуясь подробными характеристиками, сразу же заявила: Элис Донахью.

- Почему она? - Мэри, пришедшая к такому же выводу, с любопытством воззрилась на теперь уже бывшую подчиненную.

- Капитан, никто и никогда вам прямо не признается, но вторые пилоты просто так не становятся свободными. Либо они не смогли слетаться со своим первым номером, либо потеряли его в результате отставки или несчастного случая. При любом раскладе речь идет либо о вздорном характере, либо о прочно сформированных привычках, либо о том и другом одновременно. Думаете, я не знаю, скольких нервов вам стоила я? Возмущенная подчинением малолетке, да еще и полукровке, и не скрывающая этого?

- Думаю, знаете. - Мэри плюхнулась на диван, с удовольствием закурила и продолжила, помахивая в воздухе сигарой: - Но вы старше меня и обладаете отсутствующим у меня опытом, а переделать себя не так-то легко. Поэтому я просто постаралась слегка перенаправить испытываемый вами негатив. У меня получилось?

- У вас получилось, капитан. Но, будем откровенны, один контракт - это один контракт, а при продолжительном общении либо вы прессовали бы меня, либо я перестала бы прислушиваться к вам, согласны? Однако вернемся к присланному вам списку. Кое-кого из упомянутых в нем пилотов я знаю лично, об остальных - кроме мисс Донахью - слыхала. Помните, перед вылетом в Бэйцзин Малхахи сказал, что ситуацию, в которую вас поставили, в Корпусе назвали бы подставой? Подстава продолжается, капитан. Конечно, единственный удачный совместный полет не показатель, но я, уж поверьте моему знанию людей и ситуаций, убеждена, что ни с кем из списка вы не слетаетесь. За исключением Элис Донахью, которая единственная из всех вообще не имеет никакого практического опыта и именно поэтому с ней у вас есть шанс. Но вчерашнего кадета придется учить буквально всему. Почему этого не видят в офисе, я не понимаю. Или они видят?

Мэри встала с дивана, прошла по комнате, описала сигарой заковыристую фигуру и с горьковатой усмешкой вздохнула:

- Видите ли, Джина, у меня есть некоторые основания полагать, что принципал Совета Бель-мина, достопочтенный Джастин Монро, спит и видит меня в гробу или, по крайней мере, в служебной отставке. Не спрашивайте о причинах, все это сложно и не слишком

занимательно.

- Не буду. В общем, если мое мнение вам по-прежнему интересно, берите Донахью. Конечно, Линия Донахью сравнительно молодая и далеко не самая знаменитая, но зато Элис моложе вас, только что закончила Корпус и еще не обросла стереотипами. При самой минимальной удаче она сразу признает вас командиром - еще бы, после "Великой-то Стены"! - и вы сможете вырастить из нее второго пилота под себя.

- Благодарю, Джина. Рада, что вы подтвердили мои выкладки. - Мэри помолчала, собираясь с мыслями. - Вот еще что. Разумеется, это совершенно не мое дело, но если не секрет, чем вы намерены заняться после выхода в отставку?

Оживившаяся было Джина помрачнела, нахмурилась, на лице появилось совершенно неуместное для статного пилота выражение растерянности.

Она присела на краешек стола, с нарочито независимым видом покачала ногой в воздухе и наконец тяжело вздохнула:

- Честно? Не знаю. Пока ты на действительной службе, о завтрашнем дне не думаешь. А когда он наступает, оказывается, что ты к нему не готова.

- Угу. А как вы смотрите на то, чтобы продолжить летать?

- Шутите, капитан? Вам легко шутить... - собеседница Мэри горько усмехнулась.

- Отнюдь. Правда, ничего особенно увлекательного я вам предложить не могу, но если вы не имеете ничего против того, чтобы служить в полиции, то хороший пилот вполне может устроиться на Бельтайне.

- В полиции? И на чем вы мне предлагаете летать? На патрульных карах? - Джина и не всех сил старалась язвить, но предательское дрожание голоса выдавало ее.

- Что вы думаете о русских "Сапсанах"? - с самым невинным видом поинтересовалась Мэри.

- Неплохие птички, - задумчиво протянула Кроули. - Прямо скажем, замечательные птички. А на кой они сдались планетарной полиции?

Вместо ответа Мэри подошла к терминалу. Немалым преимуществом ее положения командира корабля было то, что предназначенная ей комната была по высшему разряду оборудована системами связи. Кстати о корабле: что-то ей и ей выделяют для этого контракта? Ладно, там видно будет. Было несколько коммуникационных кодов, которые она помнила наизусть. Один из них Мэри и набирала теперь. Поманив к себе премьер-лейтенанта, капитан схватила ее за ремень, притянула к себе практически вплотную и одновременно с набором последней кодовой группы включила режим конфиденциальной связи. Кроули едва успела удивиться вопиющему расточительству, как на дисплее возникло редкой красоты женское лицо, венчающее собой столь же редкостно соблазнительное тело, упакованное во что-то элегантно-минимальное и очень, прямо-таки запредельно, дорогое.

- Привет, Флора, - небрежно кивнула Мэри, шеф у себя?

Если бы красotka на экране была кошкой, эта самая кошка уж точно выгнула бы спину и зашипела. Представители вида *Homo sapiens* не обладают такими возможностями для выражения эмоций, как отпрыски семейства кошачьих, но секретарь Моргана, надо отдать ей должное, сделала все, что было в ее силах. Она прищурила глаза, вскинула подбородок, развернула плечи так, что ее и без того впечатляющий бюст занял большую часть изображения и холодно пропела:

- Господин полковник очень, очень занят.

Мэри позволила правому уголку губ приподняться в усмешке, в равной степени понимающей и злой. В эти игры она с Флорой играла неоднократно, причем с неизменным результатом, но, видимо, стервозная прелестница не оставляла надежды обставить наглую выскочку. Что ж, придется ее крупно разочаровать. По правде говоря, все эти танцы капитану изрядно надоели еще до академии, а спорить с Флорой было лень. Тем более что никто не мешал ей набрать личный код Моргана и попросить связаться с ней за счет абонента с любого стационарного коммуникатора, находящегося на нейтральной территории. Но отступить? Тем более в присутствии второго пилота, пусть и бывшего?!

Мэри с удовольствием подпустила в голос патоки:

- Флора, деточка, мы обе знаем, что если бы полковник действительно был занят, канал был бы заблокирован. Так что не морочь мне голову, красотуля, если намерена сохранить место. Или ты хочешь сказать, что шеф отменил дерективу "ноль двадцать два-си"? Как интересно... С чего бы вдруг?

Джина Кроули, по непонятной ей самой причине, испытала острое чувство почти физического удовлетворения при виде того, как разъяренная гримаса изуродовала кукольное личико секретарши. Несколько секунд ожидания, и ни дисплее появились двое мужчин. Старший, совершенно седой, несмотря на возраст едва-едва к семидесяти, являл собой бельтайнский вариант мужской красоты - одна нижняя челюсти чего стоила! Вторым, наголо бритый крепыш, был обладателем веселых голубых глаз и почти бесцветных ресниц, что, как ни странно, совершенно его не портило. Оба при виде капитана пришли в полный восторг, который и поспешил выразить седой:

-

Мэри, девочка, как приятно тебя видеть. Наслышан, наслышан... "Великая Стена", с ума сойти можно! Так и надо начинать карьеру, молодец. Мисс София гордится тобой, ну и мы тоже, за компанию. Ты хоть знаешь, что до тебя ни один бельтайнец не удостоивался такой награды?!

- Знаю, Дядюшка. Нас таких теперь пятеро и... - Джина с удивлением обнаружила, что капитан смутилась, да как! Далее уши покраснели.

- Никаких "и"! Их ордена - лишь отблеск твоего, потому что без тебя у них ничего бы не вышло, спорить будешь?

- Без них у меня тоже ничего бы не вышло, - мисс Гамильтон была столь же категорична, как и хозяин внушительной челюсти и полковничьих погон. - Рада тебя видеть, Шон. Ты, я смотрю, уже капитан? А проставиться?

- А ты чаще дома бывай! - рассмеялся крепыш, все это время пялившийся на Джину, и только теперь соизволивший перевести взгляд на Мэри, - А то Келли уже извелся - где Мэри, куда пропала, когда снова картишки скинем?!

Капитан шутливо развела руками. Выражение ее лица Джина не видела, но все построение позы говорило само за себя - Мэри Гамильтон разговаривала сейчас с друзьями, и премьер-лейтенант вдруг почувствовала себя лишней, как будто бы незваной явилась на семейное торжество.

- С Келли я свяжусь, Шон, только попозже, когда с делами разгребусь. Кстати, о делах: полковник, вам нужны хорошие пилоты?

- Мэри, Мэри... - В голосе седого звучала легкая укоризна. - Тебе ли не знать, что хороших пилотов - как и денег - лишних не бывает, бывают только запасные!

- Отлично. - Капитан взяла деловой том и оба ее собеседника мгновенно почуяли и приняли перемену, - В таком случае, полковник позвольте представить вам мисс Джину Кэтлин Кроули, моего второго пилота. Мисс Кроули, полковник Генри Морган, командующий планетарной полицией Бельтайна.

Джина коротко поклонилась, пробормотав "господин полковник" и теряясь под цепкими взглядами двух пар испытующих глаз. Мэри между тем продолжила:

- Собственно, мне следовало бы сказать бывшего второго пилота. Мисс Кроули уходит в отставку и не совсем представляет себе, чем же ей в этой самой отставке следует заниматься. Я подумала, что вы вполне можете найти общий язык.

Взгляды мужчин стали острыми, как клинки. Последовало короткое молчание, затем полковник, переглянувшись с крепышом, негромко, но веско спросил:

- Ты ручаешься за мисс Кроули, Мэри?

- Да, ручаюсь, - От абсолютной уверенности в голосе бывшего командира Джине вдруг стало холодно, и она пообещала себе, что сделает все возможное для того, чтобы эта уверенность оправдалась.

- Хорошо, - кивнул полковник, - твоего слова мне достаточно. Мисс Кроули, я рад буду видеть вас в офисе Департамента. По прибытии на Бельтайн сообщите мне о времени вашего визита. Мою секретаршу можете смело послать к черту. Планетарная полиция действию сильно нуждается в хороших пилотах, и мы будем рады опытному пополнению в вашем лице, большого жалования я вам обещать не могу, но в сочетании с пенсией...

- Дело не в деньгах, господин полковник, - решила, наконец, подать голос Джина, - дело и том, что я смогу летать...

- Сможете, мисс. Еще как сможете. Ваш командир летала у нас четыре года и, если мне память не изменяет, не жаловалась. Верно, девочка?

- Верно, Дядюшка. Думаю, моя протекция не заставит меня краснеть, а вас - сожалеть о том, что вы связались с нами обеими. Удачи вам, сэр, и ждите пополнение! - с этими словами Мэри прервала связь.

Джина пребывала в малоизвестном ей и от этого еще более живительном состоянии некоторого шока. Наблюдательная от природы - а психологи Корпуса не поленились в полной мере развить это качество, - она ясно понимала, что сейчас прикоснулась к запретному. Ее командир (язык не поворачивался даже мысленно сказать "бывший") определенно обладала связями, которые показались бы неподобающими любому армейскому офицеру. Одно упоминание о четырех годах полицейской службы - и хоть бы слово в досье! - чего стоило. И Мэри Гамильтон пошла на это, чтобы устроить судьбу случайно доставшегося ей второго пилота. Можете не сомневаться, господа, Джина Кэтлин Кроули не подведет своего капитана, и пропади пропадом все кастовые предрассудки.

- Джина, - негромко позвала Мэри.

- Да, командир, - отозвалась та.

- Надеюсь, мне не придется пожалеть об этом разговоре?

- Так точно, капитан, мэм! - пришедшая и себя Кроули встала по стойке "смирно" и звонко щелкнула каблуками. - Я сделаю все, от меня зависящее, клянусь...

- Не клянитесь, премьер-лейтенант. Жизнь чертовски сложная штука. Просто делайте, что должно - и пусть будет, что будет.

- Сэр Джон Чандос?

- Возможно. Но в данном случае - я.

Короткое рукопожатие, еще более короткое объятие, сухой клевок в щеку - и Джина Кроули отправилась собирать вещи. Ее ждал Бельтайн, а Мэри Александру Гамильтон - Санта Мария.

Дон Эстебан Родригес повидал за свою долгую жизнь множество женщин. Да и смешно было бы "великому тангеро", как за глаза (а иногда и в глаза) называли его соотечественники, отрицать свой богатый опыт по женской части. Но такой, с позволения сказать, экземпляр попался ему впервые. Все началось того, что дон Эстебан пришел в полуденный час в базилику Сан-Антонио, дабы пригласить давнего друга, отца Гильермо, на чашечку кофе. К удивлению дон Эстебана, отец Гильермо был занят, хотя месса уже давно закончилась. Невысокий и пухленький, священник беседовал с человеком, чей рост превосходил его собственный на добрый фут, а наряд привел вспылчивого дон Эстебана в бешенство. Против кремовой сорочки и темных брюк старый танцор ничего не имел, но берет? В храме Божием? Эти инопланетники вконец обнаглели! Почему он решил, что пред ним именно инопланетник, дон Эстебан сказать не мог. Дело было не только и не столько в росте - он и сам был довольно высок. Скорее, тут играла роль неуловимая чуждость силуэта и манеры двигаться: незнакомец как раз склонился над рукой священника. В следующую секунду он распрямился, повернулся лицом к дверям храма, и опешивший дон Эстебан едва успел набрать в горсть святой воды из стоящей у выхода резной каменной чаши и протянуть ее сеньорите... да, несомненно, именно сеньорите. Сразу становилась понятной непривычная снисходительность отца Гильермо: в отличие от мужчины, женщина не должна была появляться в храме простоволосой, так что правила были соблюдены. Хотя в данном случае о волосах речь не шла. Их попросту не было. Брови были, ресницы - заслуживающие, кстати,

самого пристального внимания, не говоря уж о глазах - тоже, а вот волос не было. Совсем. Да и крест, то ли напыленный, то ли наколотый на правом виске, смущал отнюдь не привыкшего смущаться сеньора Родригеса. Сеньорита приблизилась к нему, окунула кончики пальцев в подставленную горсть, перекрестилась, коротко, по-военному кивнула в знак благодарности и вышла на яркое солнце, оставив дону Эстебана растерянно моргать в полумраке базилики.

Второй раз странная сеньорита встретила дону Эстебану на площади Сан-Себастьян. Был вечер субботы и площадь заполнили танцующие пары. Зазвучала "Деакшзу", и он, с удовольствием глядя на тангерос, почти невольно подпел хриплому баритону:

- Как мне быть?

Смогу ли тебя забыть,
Твою улыбку
И взгляд очей зеленых?

Кровь кипит,
И муки душе сулит,
О как мне быть?

Не могу я забыть:
Твои глаза, как две ярких звезды
Горят во тьме.

Руки твои, словно крылья.
Нет, не верю я,
Что ты неверна,

Пусть говорят, что хотят... [1]

Самому сеньору Родригесу давненько уже не доводилось испытывать ревность, но старинная мелодия до сих пор брала за душу. И именно в тот момент, когда он уже готов был, снисходительно улыбаясь, ответить на призывную улыбку одной из стоящих на краю площади дам, взгляд его наткнулся на знакомое лицо. Равнодушное, слишком равнодушное для черной, звериной тоски, готовой выплеснуться из абсолютно сухих, но тем не менее плачущих глаз. Не должна женщина так смотреть на танцующих, иначе чего стоят окружающие ее мужчины? Дон Эстебан подкрутил седые усы, приосанился и решительно направился к кофейне "Филипп Гонсалеса", резной столбик террасы которою и подпирала в данный момент девушка, умеющая плакать не глазами, но сердцем. Это качество редко встречалось на Рах Мехшапа, где легко плакали и женщины, и мужчины, но именно по причине обыденности такого выражения эмоций за слезами редко стояло чувство. А сердце сеньориты готово было разорваться, уж это-то сеньор Родригес видел совершенно ясно. Торопливо раскланявшись с доброй дюжиной знакомых, которым вот именно сейчас понадобилось перекинуться с ним парой слов, знаменитый танцор приблизился, наконец, к цели. За это время выражение лица упомянутой цели совершенно не изменилось, оставаясь по-прежнему нарочито отрешенным. Сеньор Родригес деликатно откашлялся, привлекая к себе внимание:

- Добрый вечер, сеньорита. Воистину добрый, ведь в этот вечер я встретил вас! Позвольте представиться - дон Эстебан Родригес, к вашим услугам. Могу ли я пригласить вас на танец, сеньорита?...

- Гамильтон. Мэри Гамильтон. Рада знакомству с вами, сеньор Родригес. - Легкий акцент не портил спаник девушки, скорее, добавлял пикантности. - Но вынуждена отказаться от вашего лестного предложения: этот танец мне незнаком. Что это?

- Это?! Помилуйте, сеньорита, это же танго! Разом загоревшийся дон Эстебан возмущенно всплеснул руками. - Неужели вы не видите, что...

- Сеньор Родригес, там, откуда я родом, танго не танцуют, - слабо улыбнулась девушка, - у нас в ходу джига и рил, да и те мне доводилось танцевать только в учебных целях, для тренировки вестибулярного аппарата и чувства ритма...

- Джига? Рил? - Мексиканец задумался. - Джига - это что-то вроде фламенко, нет?

- Не могу вам сказать, сеньор, я ни разу не видела, как танцуют фламенко. - Мэри виновато развела руками, но тоска, к радости сеньора Родригеса, исчезла из глаз, лицо стало подвижнее.

- Про румбу, самбу и сальсу даже и не спрашиваю, - проворчал он, - и что это за новости - учиться танцевать ради какой-то там тренировки?!

- Я - пилот, сеньор, - Эмоциональный собеседник забавлял Мэри и в то же время она (не вполне понимая, почему) испытывала к нему невольное уважение. Хотя что ж тут не понятно, достаточно посмотреть, как он двигается - в его-то возрасте.

- Пилот? Позвольте, вы что же, одна из тех, кого наше правительство нанимает для эскортирования своих кораблей? Бельтайн? - Последнее слово он выговорил не вполне уверенно.

- Совершенно верно, сеньор Родригес. - Девушка уже почти смеялась, глядя на пожилого мужчину, комично откровенно выражавшего обуревавшие его чувства при помощи богатейшей мимики и энергичной жестикуляции.

- Пречистая Дева, теперь мне понятно решительно все! Что ж, донья Мария, раз уж сегодня у нас с вами не получится потанцевать, позвольте хотя бы пригласить вас на чашечку кофе. Вам знаком этот напиток?

- Знаком. Я училась вместе с уроженцами Рах Мехшапа в Академии Свободных Планет на Картане. Странно было бы не познакомиться со вкусом кофе за три-то года! - Мэри слегка поклонилась. - Правда, ваши соотечественники уверяли, что кофе, который подавали в Кафе де лас Сомбрас, не идет ни в какое сравнение с тем, который варят на их родине...

- Ни слова больше, сеньорита, ни единого слова! Мы с вами сию же минуту садимся за ближайший столик, и если старый мошенник Филиппе немедленно не подаст вам лучший кофе в вашей жизни, я его просто убью!

Ах, танго! Есть ли на тверди и меж звезд что-либо, более прекрасное? Если бы этот вопрос задали двадцатидвухлетней Мэри Гамильтон, она ответила бы отрицательно. Впрочем, возможно, все дело было в том, что ей повезло с наставником. Кстати, если хорошенько подумать, с наставниками ей везло всю жизнь. Но такого фанатика, как дон Эстебан, ей раньше не попадалось. Этот человек, похоже, задался целью заставить ее проникнуться философией танца - кто бы мог подумать, у танца, оказывается, имеется своя философия!

- Запомните, сеньорита, танго - танец безнадежной страсти. Именно безнадежной, с самого начала обреченной на разлуку. Заметьте, ни разлуку, а не на забвение. И в одном единственном, трагически коротком танце вы должны уместить все: и встречу, определенную самой Судьбой; и любовь, такую, что кровь превращается в жидкий огонь, сжигающий душу; и обреченность расставания, предначертанную еще до того, как состоялась встреча... Вам известно, что говорили об этом танце в те времена, когда танго только-только перебралось из борделей в светские гостиные? Нет? Ну конечно, откуда... Тогда говорили, что если танго танцевать правильно, то кавалеру и даме полагается пожениться, ведь не только ее, но и его репутация испорчена непоправимо... Испортить мужскую репутацию? О, поверьте, донья Мария, можно, еще и как! Кстати, извольте прислушаться. Это? Это "Закат над Веракрус". Очень, очень старая запись. Поет автор, Рикардо Вернер. Совершенно нехарактерный для танго подбор инструментов, но что поделать - дон Рикардо увлекался рок-музыкой, что бы это ни значило... кстати, он был полукровкой, как и вы. Да-да, его отец был морским офицером с севера, а мать была нашей крови. Должно быть, именно поэтому дон Рикардо не смог устоять перед соблазном написать танго. Кстати, профессиональным музыкантом он не был: в его лице мы имеем тот самый редчайший случай, когда адвокат - представьте себе, адвокат! - оказался способен на что-то дельное. Разумеется, существует немало поздних обработок, выполненных в более традиционной аранжировке, но мне нравится именно этот, придуманный автором вариант. И честное слово, я бы не отказался познакомиться с женщиной, которая стала музой для неистового дон Рикардо...

И вот теперь Мэри стояла на краю площади Сан-Себастьян, возле той самой кофейни, где ей год назад подали чашечку действительно изумительного кофе. При воспоминании о том внимании, с которым новый знакомый и хозяин кофейни наблюдали за тем, как она делает первый глоток, она, не удержавшись, хихикнула. Как пристально они следили за выражением ее лица - дон Эстебан ревниво, дон Филиппе почти со страхом... как одновременно расслабились и с торжествующими улыбками поклонились друг другу... какую розу, красную до черноты, выхваченную как будто из темнеющего неба у нее над головой, преподнес ей дон Филиппе, украдкой вытирающий пот со лба... А потом дон Эстебан решительно заявил, что не намеревался больше брать учеников, но ради такого случая... нет-нет, сеньорита, не вздумайте отказываться! Вы должны танцевать, Господь создал женскую красоту для того, чтобы мужчина мог искушением и соблазном оправдать свою слабость и нежелание идти по пути добродетели! Да, разумеется, сеньорита, а вы как думали? Итак, решено!

Мэри улыбнулась своим мыслям. Научиться танцевать танго оказалось вовсе не таким простым делом, как ей казалось вначале. Дело было не в движениях - основные па она освоила моментально. Да и с выражением лица особых проблем не возникло: мисс Аманде Робинсон было не привыкать изображать все что угодно, от смущения невинной девушки до откровенной похоти, от ледяной холодности до пылкой страсти. Но дон Эстебан приходил в отчаяние от языка тела, того самого языка, упоминание о котором пришлось так исключительно к слову во время маленькой стычки на Картане.

- Ничего не понимаю, Филиппе, - жаловался он старому другу, уютно устроившись за дальним столиком кофейни, - что я ни делаю, она по-прежнему танцует "холодную красавицу". Неужели правы те, кто утверждает, что всем в жизни человека управляют гормоны? Те самые гормоны, которые подавлены у этой девушки проклятой химией? Это ужасно, Филиппе, разве можно так поступать с женщиной? И ради чего? Неужели пилотов-мужчин так мало, что еще и женщины должны учиться маневрам, векторам переходов, межзвездной навигации, подавляя в себе саму радость жизни? Женщина, которой запретили любить... Поверьте, я перепробовал все и не знаю, что еще можно предпринять в этой ситуации!

- Осторожнее, друг мой, - дон Гонсалес предостерегающе качал головой, - осторожнее! Пытаясь научить донью Марию испытывать страсть, - или хотя бы правильно изображать ее - вы рискуете тем, что чувства, которые стараетесь пробудить в ней вопреки всему естественному, отразятся от холодного металла ее рассудка и пронзят ваше собственное сердце...

- Ну что вы такое говорите, Филиппе, какие чувства, в мои-то годы! - Дон Эстебан со смехом махал рукой, а хозяин кофейни только со чувственно вздыхал. "Именно в ваши!" - Хотел бы сказать он, но обижать старого друга? В конце концов, еще год - и девушка покинет Санта Марию. Даст Бог, ничего непоправимого за это время не произойдет...

Мэри не знала об этом разговоре. Она просто делала все возможное для того, чтобы дон Эстебан одобрил наконец ее умение танцевать, и вот великий день настал. Впервые пришла она на площадь Сан-Себастьян не зрительницей, но полноправной участницей и теперь с нетерпением ждала начала фиесты. Роза, которую неизменно вручал ей при каждой встрече дон Филиппе, пламенела, как и ее губы. Парик, легкомысленное платье, туфельки на каблуках, длинные перчатки, макияж... Татуировку на виске она старательно замазала - среди знакомых ее наставника нашелся пожилой актер, подаривший ей крохотную баночку профессионального грима, маскировавшего все, что требовалось замаскировать и легко менявшего оттенок в зависимости от цвета кожи, на которую его накладывали. Мэри загорела, и это ей шло: дон Эстебан категорически заявил, что истинная тангера не может быть такой белокожей, как донья Мария, так что пришлось выбирать между краской для тела и загаром. Девушка выбрали загар и не жалела об этом. Теперь она понимала разницу между искусственной смуглостью и естественным оттенком, который приобрела ее кожа в результате часов, проведенных в саду виллы сеньора Родригеса. Неспешность жизни на

Санта-Марии больше не казалась ей противоестественной, все чаще она вспоминала старую ирландскую поговорку: «Когда Бог создавал время, Он создал его достаточно». За этот год она лишь однажды выбралась в Пространство Лордан, предпочитая отдавать свободные дни и часы своему новому увлечению. Келли откровенно дулся, упирал на то, что следовало бы больше думать о будущем, если уж она хочет получить по завершении карьеры собственную яхту, но она только отмахнулась, пообещав другу взяться за ум, когда контрам на Рах Мехшапа закончится.

Ну когда же наконец музыканты, расположившиеся на помосте в центре площади, настроят инструменты! Сил нет ждать, сколько можно! Внезапно она увидела в толпе знакомое лицо. О, это же сеньор Вальдес... надо же, как ему идет штатское, кто бы мог подумать! Однако в остальном он совсем не изменился: тот же разворот плеч тот же гордый взгляд, остановившийся... не может быть... Мэри уже приготовилась к радости от встречи с одноклассником и вдруг поняла, что дон Хуан, в эту самую минуту приглашающий ее на первый танец, не узнал свою официальную спутницу. Ах так?! Да это же просто подарок судьбы! Благоразумно молча приняв приглашение, - голос-то у нее вряд ли так уж сильно изменился - она вслушалась в первые такты и надменно повела плечом: лучше этой мелодии ничего нельзя даже пожелать! Шаг, еще один, надменный и одновременно покорный взгляд искоса... Мужская ладонь на талии, провести кончиками пальцем по этой гладко выбритой щеке, откинуться на сильную руку, выпрямиться, вскинуть подбородок... Помни, что говорил тебе наставник: ты, именно ты выбрала этого мужчину, что бы он там ни думал; сейчас ты принадлежишь ему, а через минуту уйдешь, не оглядываясь... Последний аккорд, изысканный поклон мужчины, реверанс женщины...

- Благодарю вас за восхитительный танец, сеньорита. Меня зовут Хуан Вальдес. Могу ли я узнать ваше имя?

- Вы вполне уверены, что не знаете его, дон Хуан? - насмешливо прищурилась Мэри, позволяя себе, наконец, торжествующую улыбку при виде того, как все шире открываются глаза партнера.

- Не... не может быть... донья Мария?! Вот это да! Поверьте, я не каждый день ощущаю себя болваном, но...

- Но музыка снова играет, дон Хуан. Вы намерены танцевать, или мне следует поискать другого кабальеро?

- Ни в коем случае, сеньорита! - тряхнул головой Вальдес, и новая мелодия подхватила их и закружила, как листья, попавшие в порыв метра. Еще одно танго, еще, еще одно... наконец Мэри шутливо взмолилась:

- Пощадите, сеньор! Еще один танец, и мои ноги начнут заплетаться, и я опозорю своего наставника!

- Ваше слово - закон для меня, донья Мария. Не угодно ли присесть, - с этими словами Вальдес увлек ее за столик все той же кофейни, к которому тут же подскочил ловкий мальчишка лет двенадцати, путающийся в огромном, не по росту, фартуке. Стульев у столика было с полдюжины, и они немедленно заполнились: подошли еще две пары. Ледяной "Мохито" и обжигающий кофе теснились на щелястой столешнице, свечи в разноцветных бокалах мерцали, а музыка все так же дразнила и звала за собой. Мэри обратила внимание на то, что, представляя ее собравшимся, Вальдес ограничился "доиьей Марией". Судя по проскакивавшим в его глазах знакомым смешливым искоркам, он затевал какую-то каверзу, и капитан Гамильтон даже, пожалуй, догадывалась, какую. Сейчас должен подойти еще кто-то, кого она помнила по Картану, и Хуан, которому явно скучно выглядеть дураком в одиночку, готовится разыграть одноклассника по полной программе. Именно так, по-другому и быть не может. Иначе зачем он, склонившись к ушку, выглядывающему из под выбившегося из прически локона, прошептал:

- Вы сможете хоть на несколько слов изменить голос?

Мэри кивнула, украдкой подмигнув своему спутнику, и тут увидела, кому предстояло стать объектом розыгрыша: к их столику, не потрудившись даже убрать с лица кислое

выражение, приближался Энрике Маркес. Поманив к себе дону Хуана, на губах которого появилась улыбка предвкушения, девушка чуть слышно пробормотала ему на ухо:

- Шутка может оказаться с последствиями, а ни одного канала я тут не вижу. - И Вальдес закашлялся от смеха, подавившись коктейлем. Однако он тут же посерьезнел и, поднявшись на ноги, с достоинством ответил на поклон Маркеса. Мэри рассматривала Энрике без особого удовольствия, лицо ее оставалось приветливо-бесстрастным. Маркес ей категорически не понравился. Судя по всему, он остался таким же желчным типом, но теперь в нем появилась совершенно не шедшая ему лстивая угодливость, и девушка пожалела о затее своего приятеля. Маркес и всегда-то был злопамятен и вспыльчив, но человек, подошедший сейчас к столику, по неясной пока причине ощущался ею как серьезная опасность. Однако отступить было некуда. После обмена приветствиями - Мэри проворковала "добрый вечер" самым шелковым голосом, на который была способна - Энрике всерьез вознамерился поближе познакомиться со спутницей Вальдеса и пригласил ее на танец. Тут и настал ее звездный час.

- Как, сеньор Маркес, - томно улыбнулась Мэри, - неужели ваше мнение обо мне претерпело столь разительную перемену? Помнится, каких-то четыре года назад вы полагали, что на меня неприятно даже смотреть - и вот уже готовы выносить мое общество на протяжении целого танго? Как это мило с вашей стороны... - Следовало признать, что ее небогатая пока копилка абсолютных, "сухих" побед пополнилась в этот момент более чем достойным экспонатом. Потому что бедняга Маркес задушенно охнул, сунулся было вперед, чтобы иметь возможность поближе разглядеть лицо несостоявшейся партнерши, но тут же попятился, задев мебель и чуть не снеся одну из резных стоек террасы. Успех был несомненным. И все же Мэри казалось, что сегодня она совершила фатальную ошибку.

Сообщение, пришедшее на ее коммуникатор, было предельно коротким. Собственно говоря, назвать это сообщением было не вполне правильно: на дисплее возникло голографическое изображение листа плотной кремовой бумаги с черными буквами, выведенными рукой опытного каллиграфа, сообщавшими о состоявшемся бракосочетании Шона Финбара О'Брайена, капитана полиции, и Джинны Кэтлин Кроули, премьер-лейтенанта ВКС (в отставке). Восхищенно чертыхнувшись, Мэри, путаясь от спешки в цифрах, набрала код и с нескрываемым удовольствием уставилась на катастрофически покрасневшее лицо счастливой новобрачной.

- Приветствую, миссис О'Брайен! - весело усмехнулась капитан. - А где же ваш благоверный? Давайте-ка его сюда!

- Здесь я, здесь, не шуми, ноль двадцать два! - подошедший Шон ласково потеснил супругу.

- Не шуми? Как это понимать? После того, как меня не пригласили на свадьбу, я же еще и не шуми? - возмутилась Мэри, еле сдерживая смех. - Нет, ну в самом деле, Шон, - посерьезнела она, - вы что, чуточку подождать не могли? У меня отпуск вот-вот начнется...

- Не могли. Ты уже большая девочка, Мэри, должна соображать: у двух добрых католиков первенцу следует появиться на свет в законном браке. - Улыбающийся до ушей Шон помолчал, переживая бурю восторга собеседницы. Так что сама понимаешь, и со свадьбой мы под твой отпуск не могли подгадывать, и с крестинами вряд ли что-то получится. Извини.

- Да ты-то что извиняешься, Шон! Вот Келли я точно уши оторву при встрече, друг называется - предупредить не мог!

- Ты ему лучше что-нибудь другое оторви, паршивцу, - ехидно посоветовал Шон, - опять у него новая девица, я уже устал имена запоминать.

- Да ладно тебе, а то ты Келли не знаешь! - расхохоталась Мэри. - Они ему сами на руки падают, какой же ирландец устоит!

Стоя в глубине темного переулочка, примыкающего к площади Санп-Себастьян, Мэри посмеивалась, вспоминая разговор с бывшим сослуживцем. Нет, ну в самом деле, Шону ли не знать братца. Если Келли перестанет менять подружек как перчатки, это будет уже не

Келли. Жаль все-таки, что его сейчас здесь нет - фейерверк ему точно пришелся бы по душе, он и сам похож на фейерверк... Однако пора, наверное, возвращаться на площадь - дон Эстебан настоятельно просил ее быть в полночь на том же самом месте, где они познакомились. Неужели прошло два года, завтра она улетает и это ее последняя фиеста на Санта-Марии? Мэри втянула в себя ароматный дым, задумчиво разглядывая кончик длинной сигары, и вдруг насторожилась. Неподалеку от того места, где переулочек вливался в площадь, уже какое-то время происходила некая непонятная возня, завершившаяся безошибочно узнаваемым звуком пощечины. Вскрикнула женщина. Заполоснутый стук ее каблучков приблизился, вслед за ней метнулись какие-то тени, судя по звуку шагов - мужские. И вот это-то - здесь и сейчас - не лезло ни в какие ворота. Нападения на женщин случались, разумеется, святые бывают только на небесах, и не рассчитавшие свои силы кокетки, бывало, платились за собственное легкомыслие, но неписанный закон гласил: во время фиесты согласие может быть только добровольным. Мэри лениво оттолкнулась плечом от стены, попутно проверяя, не повлияли ли три "Мохито" на ее чувство равновесия, а если повлияли - то как именно.

Донья Лусия мчалась со всех ног. Умом она понимала свою ошибку - раз уж оторвалась в суতোлке праздника от сопровождающих и попала в неприятности, бежать следует не в переулочек, а на площадь. Но путь к спасению преграждали трое подвыпивших мужчин, и теперь слепой, нерассуждающий страх гнал ее в темноту, где, как она заметила слишком поздно, горел одинокий огонек сигары. Еще один мужчина?! Господи, помоги! Затормозить она не успела. Что-либо понять - тоже. Просто замеченным ею огонек вдруг описал в воздухе дугу, а крепкая рука в длинной перчатке поймала донью Лусию за локоть и легко, словно котенка, перебросила за спину, перечеркнутую бретельками нарядного платья.

- Вам что-то угодно, кабальеро? - холодно осведомился спокойный женский голос.

- Ого! - пьяно расхохотался один из мужчин. - Да тут еще одна! Парни, нам везет!

- Вам повезет еще больше, если вы немедленно уберетесь отсюда и дадите девушкам без помех присоединиться к танцующим, - столь же холодно посоветовала хозяйка перчаток. Последовавший за этими словами взрыв площадной брани внезапно оборвался, сменившись невнятными стонами. Что сделала неизвестная сеньорита, донья Лусия не поняла. Она лишь ощутила, как хлестнул по разгоряченным бегством щекам разрываемый молниеносными движениями воздух, услышала звуки ударов, и вот уже приставшая к ней троица корчится на земле, а удивительная женщина, нимало не запыхавшись, берет ее под локоть.

- Идемте, сеньорита. Я не стала их убивать, так что задерживаться здесь не стоит, это может оказаться небезопасным. Кроме того, меня ждут.

Донья Лусия со страхом покосилась на своих поверженных преследователей и покорно последовала за по-прежнему спокойной сеньорой туда, где гремела музыка и смеялась праздничная толпа. Когда они выходили из переулка, к ним наперерез кинулся верный старый Хорхе.

- Донья Лусия, как же так... вы... Пречистая Дева, вы невредимы! Эй, все сюда! - Но немного пришедшая в себя девушка глядела только на невозмутимую молодую даму, которая, убедившись в том, что ее подопечная в безопасности, повернулась, чтобы уйти.

- Сеньорита! - срывающимся голосом окликнула она свою спасительницу. - Сеньорита, меня зовут Лусия Мендоса, и если... - Но та, улыбнувшись и кивнув на прощание, уже скрылась в толпе.

Часы на колокольне кафедрального собора начали отбивать полночь и площадь мгновенно очистилась, остались только музыканты на помосте.

- Донья Мария, ну куда же вы пропали, я обо всем договорился, ждут только нас! - возмущению дон Эстебана не было предела.

- Простите, наставник, - покаянно склонила голову Мэри, - так получилось...

- Ну ладно, вы все-таки почти не опоздали, сейчас будет наш танец, - сеньор Родригес подал знак, певец поклонился ему, и старый тангеро вывел свою последнюю ученицу на середину площади, над которой поплыл "Закат над Веракрус":

В заливе гаснет солнца шар,
И мрак сгущается ночной,
В крови горит страстей пожар...
Ах, что ты делаешь со мной!
Твоя улыбка - тайна тайн,
Твой смех - как пряное вино,
Как упоительный дурман,
Как шум прибоя, как туман,
В котором я пропал давно. [2]

Дон Эстебан никогда не разговаривал во время танца. В процессе обучения - да, но сам танец, с его точки зрения, не терпел суесловия. Допускалось разве что одним-двумя жестами подчеркнуть ту или иную фразу. Вот и сейчас: он вскинул руку к черному ночному небу, и в котором сиял Христофор - одна из лун Сайта Марии.

Как сладок вечер этот нам,
Как восхитительна луна,
Как ночь бывает хороша,
Как изумительно нежна.
И томный взгляд любимых глаз,
И легкое касанье рук
В волшебный полуночный час
Смягчают горечь твоих фраз
О неизбежности разлук.

После первого куплета к ним стали присоединяться другие пары и вскоре вся площадь заполнилась танцующими людьми. Дон Эстебан улыбался, и Мэри готова была поклясться, что никогда раньше не видела на его лице улыбки такой мудрой и такой грустной. Что печалит вас, наставник? Ну не завтрашний же отлет ученицы?!

Так близок расставанья срок,
И все труднее мне дышать.
О если б смог я, если б смог
Заставить время не бежать!
Все мягче над причалом зной,
И Марса блеск, словно алмаз,
И ты пока еще со мной,
Но этот вечер под луной -
Один лишь он и есть у нас.

- Благодарю вас, донья Мария. Воистину это было прекрасное танго. Думаю, дону Рикардо понравилось бы, как мы его станцевали, а вы как думаете?

- Я уверена в этом, дон Эстебан! - кокетливо склонила голову к плечу Мэри.

- Что ж... нам с вами пора прощаться, вы ведь улетае на рассвете, не так ли?

- Увы, дон Эстебан. Как не жаль уходить в разгар фиесты...

- Я понимаю. И все же... Донья Мария, не могли бы вы задержаться - о, всего на несколько минут? - сеньор Родригес мягко усадил ее да столик, на который старый дон Филиппе поставил две чашечки кофе и тут же растворился в подсвеченной фейерверком темноте.

- Конечно, сеньор, - Мэри слегка приподняла брови, ожидая продолжения, но ее наставник, как будто чем-то смущенный, не торопился.

Он отпил кофе, вернул чашечку на столик, еще немного помолчал и наконец решился:

- Возможно, моя просьба покажется вам странной, донья Мария, но... Простите старика, мне хотелось бы сохранить что-то на память о пилоте, которому я открыл мир танго. Быть может, вы согласитесь подарить мне одну из ваших перчаток?

Мэри растерянно улыбнулась, стянула перчатку с правой руки и протянула ее наставнику. В самом деле, странная просьба... но она стольким обязана дону Эстебану, а

перчатка всего лишь перчатка... Сеньор Родригес почтительно принял дар и спрятал его под белоснежной сорочкой.

Наутро капитан Гамильтон улетела с Санта Марии, как ей тогда казалось - навсегда.

Год спустя дон Эстебан Родригес умер во сне. Средства массовой информации Рах Мехшапа наперебой цитировали последнюю запись в его дневнике: "Если сердце женщины отдано космосу, для мужчины в нем места нет". И долго еще в кофейнях, окружающих площадь Сан-Себастьян, шептались о том, что дон Эстебан завещал положить в его гроб черную женскую перчатку, которую он носил на шее в бархатном мешочке до самой своей смерти. Завсегдатаи уверяли друг друга, что сердце "великого тангеро" не выдержало разлуки с той, которой принадлежала эта перчатка. Но кто же вслушивается в послеполуденную болтовню сентиментальных кабальерос?

Глава XI

Зуммер ввинтился в мозг, как буравчик. Мэри попыталась, не открывая глаз, тряхнуть головой, поняла, что не может это сделать и окончательно пришла в себя. Вгляделась в дисплей шлема, зло ощерилась и потянулась к подчиненным корветам: ага, порядок, все проснулись. Так, ну что тут у нас? Четыре красавчика, фрегаты. Возможное вооружение... М-да, ничего хорошего, особенно один. Ладно, этот оставим себе. А ходко идут, чтоб им... Сколько еще до системы Тэта? А ведь есть шансы, есть. Не повышать скорость, эпсилон, держать строй, подготовиться к перестроению. Ничего, времени еще валом, чем дольше будем просто уходить, тем меньше "Сент-Патрику" придется идти до перехода. Давайте, милые, раз корветы убегают - значит, они слабые, их можно захватить не особенно напрягаясь, верно? Не торопитесь, зачем вам торопиться, мы же еле тащимся... Передают предварительную маркировку целей. Что? Мэтью, не отвечай, обойдутся. Ишь ты, лечь в дрейф, сейчас-сейчас, вот только броню позолочу - и тут же лягу. Какова наглость, ну надо же! А вот это уже серьезно. Ну ладно, мы вас не звали, вы сами пришли. Перестроение! Коктейли! Ванора, жми!

"Сент-Патрик" отключил маскирующее поле и резко увеличил скорость. Вслед за ним устремились и корветы сопровождения, уже перестроившиеся в "Соломона". "Дестини" держался четко за транспортом, остальные образовывали вершины лучей шестиконечной звезды. Но и преследователи прибавили ходу, и до начала схватки были считанные минуты, а потом и ничего не осталось.

Бой в пространстве - это красиво. Очень. В том случае, если ты сидишь (или лежишь) на мягком диване, и в одной руке у тебя емкость с пивом, а другая обнимает подружку. Голографическая установка окружает тебя чернотой космоса и яркими иглами звезд, вспышки диковинного оружия прекрасны, как орхидеи, динамики сотрясают стены дома грохотом разрывов и воплями атакующих и защищающихся. В самый ответственный момент можно отхлебнуть пивка, чтобы промочить пересохшее горло, а когда лежащая рядом девчонка начнет томно вздыхать при виде мужественной красоты главного героя - никто не помешает тебе переключить ее внимание на себя... Мэри Гамильтон терпеть не могла голопостановки. Именно потому, что слишком хорошо знала, как на самом деле происходит бой между космическими кораблями. И не видела в нем решительно ничего общего с процессом просмотра голофильмов, снятых дилетантами для невежд.

Не то чтобы она считала ложемент первого пилота неудобным. Вовсе нет! Покажите еще мне такой диван, на котором можно было бы расположиться с таким удобством! Не можете? То-то. Не говоря уж о том, что никакое пиво - или что там еще принято пить во время просмотра? - не идет ни в какое сравнение с тем действием, которое оказывает на тренированный организм боевой коктейль серии Д. Но представление о бое как о чем-то красивом, изрядно смазывалось еще до поступления в Корпус, и окончательно терялось курсу к шестому. Хотя, объективности ради, если бы кто-то вел сейчас съемку происходящего, впоследствии эти кадры стали бы гвоздем постановки и принесли бы ее

создателям недурные денежки. Но Мэри было не до гипотетической красоты, хотя она и допускала, что при ускоренном показе "Соломон" похож на великолепный цветок с шестью пульсирующими лепестками. У нее на руках была сцепка - пусть даже одна из самых простых. Транспорт, который необходимо было не просто доставить в зону перехода, а обеспечить ему соответствующие направление, время и пространство для разгона перед прыжком. И четыре фрегата преследования. Впрочем, эти сами наварались и никто им не виноват.

Внимание альфа, угол тридцать, цель два, цели в развороте на восемь-тринадцать-раз. Дельта, падай на третий горизонт, держи альфу. Цель три, залп на десять-четыре два-сем-двадцать, проход. Бета, ждешь до четыре-восемь, гамма на тебе. Эпсилон, дзета, угол семьдесят, цель один, залп на пятнадцать-шесть-шесть, - И по внутренней связи: - Наш четвертый, восемь-два ноль-пять-три, залп.

Второй цели не повезло сразу же. Дина, умница, раскрутила корвет так, что торпеды филигранной точностью достали рубку и один из маршевых двигателей, а встречный залп прошел в стороне. Лишенный управления и частично хода, фрегат больше не представлял никакой опасности, а разобраться с abordажниками, запертыми в оставшемся без автоматики корабле, можно будет и потом. Дела у гаммы и беты были похуже, бете зацепило левый оружейный отсек (хорошо хоть обошлось без взрыва), но в целом ничего страшного не произошло. Четвертый, как Мэри и предполагала, оказался наиболее сильным противником, и потому она не удивилась, что попасть в него ее мальчикам не удалось. Но и сам "Дестини" не пострадал, так что все статно. А вот маневр, совершенный эпсилоном, Мэри просто не поняла. Как не поняла и того, почему она его почти ни чувствует, почему вдруг ослаб "поводок". Если только не допустить, что... Ах ты, сволочь!

- Эпсилон - центру!

- Здесь центр.

- Капитан Макгрегор застрелена при попытке перейти на сторону противника. На управлении премьер-лейтенант Лоренс.

- Вас понял, эпсилон, прикрывайте дзету.

- Есть.

- Альфа, помоги гамме, дельта, давай ко мне...

И снова закрутилась сумасшедшая карусель. Мэри сыпала цифрами и направлениями, дополняя вербальные команды импульсами, посылаемыми по "поводкам". Первая цель получила-таки свое в результате удачного попадания, вот только лишенный капитана эпсилон не успел увернуться от последнего залпа. Корабли вспыхнули одновременно, и Мэри только охнула от боли, окончательно теряя связь с погибшим корветом. Тем не менее ситуация складывалась не так уж плохо: один корвет погиб, один поврежден, но противников осталось только двое, хоть и более сильных, чем уже нейтрализованные. Они, конечно, еще дадут жару, и расслабляться ни в коем случае нельзя, но "Сент-Патрик" уже начал разгон, и в любом случае эта парочка его не достанет. А кто кого на атомы разнесет, еще поглядим... И вот тут-то "Сент-Патрик", которому полагалось уже приближаться к зоне перехода, позвал на помощь, и Мэри, отдавая команду идти к нему на максимальной скорости, костерила себя последними словами. Как она могла не предусмотреть, что противники разделятся и возле Зоны Тэта в засаде притаились еще два фрегата?!

- Ордер к черту, девочки и мальчики, идем к "Сент-Патрику" на полной, бета, не отставай, тебе не движки повредили, а орудия! - Плохо. Очень плохо. Они, конечно, еще попрыгают, но теперь, когда против четырех с половиной корветов четыре фрегата, причем ни один не задет, и ведь придется прикрывать транспорт с детьми в ближнем бою...

Они успели. Пусть в самый последний момент, но какое это имеет значение? "Сент-Патрик", которому нападавшие повредили маршевые двигатели - где ж вы таких канониров взяли, неужто наши? - беспомощно плыл в пустоте.

Зона перехода была совсем рядом, но с таким же успехом могла находиться на другом конце Галактики. Ванора, умница, не пыталась маневрировать неповоротливой посудиною,

что еще сильнее осложнило бы и без того непростую ситуацию и здорово спутало бы векторы стрельбы, но расклад не радовал. И дело отнюдь не ограничивалось тем, что, уворачиваясь от одного противника, гамма подставила борт второму, и их осталось пятеро, причем бету можно было практически не считать. Главная проблема состояла в том, что два фрегата, подкараулившие транспорт у зоны перехода, сбросили абордажные капсулы.

Мэри почувствовала, как вскипела при виде этого зрелища кровь, и без того разогнанная коктейлем. Ярость - недопустимая эмоция для пилота, тем более для пилота, держащего сцепку, но управлять собой капитан уже не могла. Автоматически продолжая руководить боем, ага, вот вас уже и трое, что съели? - она рывкнула Рори:

- Форсаж! - И рванула к "Сент-Патрику". Одновременная поддержка подчиненных и собственный пилотаж вне ордера задействовало все без исключения ресурсы мозга. На что-то еще восприятия просто не хватало, поэтому Мэри, пронесшаяся почти вплотную к транспорту и сбившая выхлопом маршевых все абордажные капсулы, не сразу поняла: почему медлит Ванора. Почему не уходит в подпространство хотя бы на том минимуме, который могут дать маневровые? Они в максимальном разгоне уж никак не медленнее движков того, первого, "Гринленда", это ж хоть какой-то шанс для ребятишек... Да и стрельба почему-то стихла...

- Фицсиммонс, в чем дело, чего ты ушами хлопаешь, убирайся отсюда! - заорала Мэри, и только получив в ответ напряженно-растерянное:

- Не могу, зона перекрыта! - вызвала на дисплей полный обзор. Зрелище было еще то. Зона перехода действительно была перекрыта тремя силуэтами, крупными даже здесь, в пространстве.

- Ну и дуры... - ахнул в ушах потрясенный голос Рори. В ответ капитан, чувствуя, как тяжело дышит за левым плечом подступающее безумие, расхохоталась и еле выдавила сквозь смех:

- Это не дуры, Рори, это русские!

Просьба о помощи, отправленная с планеты Бельтайн, была получена одной из эскадр экспедиционного флота Российской империи в тот момент, когда снявшееся с боевого дежурства соединение кораблей направлялось па отдых. Поскольку три крейсера под командованием молодого контр-адмирала Корсакова находились ближе всех к атакованной пиратами планете, решение было принято мгновенно. Собственно, решать было нечего - по вопросу предоставления помощи дружественным и нейтральным мирам Устав не предусматривал двоякого толкования. Корсаков надлежащим порядком уведомил адмиралтейство, получил "добро", и три крейсера ушли в подпространство, наметив точкой выхода из него Зону Тэта.

За десять минут до перехода в реальное пространство он пришел на мостик, вежливо отверг формальное предложение каперанга Дубинина принять командование кораблем и занять так называемый адмиральский пост. Каперам доложил о полной готовности к любым боевым действиям, включая возможную высадку десанта на планету, абордаж и атаку, как орудиями крейсера, так и штурмовыми катерами. Оставалось только ждать. Наконец экраны, транслирующие данные с внешних датчиков и потому абсолютно пустые в подпространстве, заторелись, и подавшийся вперед Корсаков увидел бой, кипящий в непосредственной близости от зоны перехода. Судя по всему, четыре - нет, уже три - фрегата атаковали пять юрких корветов и один транспортный корабль, чьи маршевые двигатели, по показаниям корабельного компьютера, были разнесены вдребезги. На глазах Корсакова абордажные капсулы, сброшенные фрегатами, достигли левого борта транспорта, и тут же один из корветов, развив почти запредельную скорость, ринулся туда же. Ого! Вот это да... Несмотря на молодость - ему недавно исполнилось сорок пять - контр-адмирал обладал весьма богатым и разнообразным опытом, но такого прохода над самой обшивкой ему видеть еще не приходилось. Абордажные капсулы сгорели в выхлопе маршевых двигателей мгновенно, а транспорт, похоже, не пострадал вообще, и Никита Корсаков с удовольствием присоединился к скупым аплодисментам в рубке крейсера.

- Определелись?
- Так точно. Это "Дестини", корвет бельтайнских ВКС, остальные корветы приписаны к базе "Гринленд", транспорт тоже оттуда.

- Связь?
- Запрос отправлен, ждем ответа.
- Капитан! Капитан! - А, это Мэтью, умница Мэтью, красавчик Мэтью...
- Я капитан, и что? - Мэри все еще хихикала, не в силах остановиться или даже объяснить самой себе, что же ее так насмешило.

- Капитан, запрос с русского флагмана!
Она разом пришла в себя, истерика испарилась, оставив на языке легкий привкус горечи.

- Давай.
- Здесь флот Российской империи, крейсер "Святой благоверный князь Александр Невский". Нами был получен сигнал бедствия из системы Тариссы. Вы нуждаетесь в помощи?

- Здесь ВКС Бельтайна, корвет "Дестини". Прошу взять под защиту транспорт "Сент-Патрик", повторяю, защитите транспорт.

- "Дестини", уточните характер груза на транспорте.
- Транспортный корабль "Сент-Патрик" осуществляет эвакуацию личного состава Звездно Ю Корпуса. Груз - дети, три тысячи детей от пяти до четырнадцати лет! - Мэри почувствовала, что голос изменяет ей, но невидимый собеседник услышал ее и понял, потому что не успела она договорить, как из крейсера веером вылетели тяжелые штурмовики.

Три уцелевших фрегата почти одновременно легли в дрейф, транспорт под прикрытием штурмовиков отходил к дальнему крейсеру. Мэри приняла предложение перевести пассажиров на более защищенный корабль, тем более что на маневровых далеко не уйдешь. Можно было успокоиться, бой закончился, только... а, черт!

- Твою мать! - Корсаков вскочил на ноги и прикипел глазами к экрану. Ближайший к "Дестини" фрегат, буквально несколько минут назад приславший сообщение о сдаче, выстрелил и ладно бы только выстрелил - он же, гад, попал. Да и смешно было бы не попасть с такого расстояния - ловко же он выбрал вектор дрейфа, подлец. О, конечно, канониры "Александра" не зевали, и несколько секунд спустя от фрегата остались лишь разлетающиеся в разные стороны обломки, но "Дестини"...

- Доложить характер повреждений! - рявкнул Корсаков.
- Навигация, связь, управление двигателями, вероятно - жизнеобеспечение, - Дубинин был нарочито бесстрастен, его выдавали только сжатые в кулаки руки.

- Мы можем их вытащить? - контр-адмирал понимал всю бессмысленность вопроса, но удержаться все-таки не смог. Надежда - она такая. Все сдохнут, а она останется.

- Слишком далеко, господин контр-адмирал, - скривился Дубинин. - Если повреждена система жизнеобеспечения, мы просто не успеем, бельтайнцы не используют на корветах скафандры. Мне очень жаль... что они делают?!

Последний возглас относился к "Дестини", который внезапно выпустил пару торпед и подорвал их в опасной близости от корабля. Энергией взрыва корвет отбросило... к крейсеру. Еще одна пара торпед. Еще один взрыв.

- Я вижу, что они делают, но как - не спрашивайте! Кто у них там за пилота, Господь Бог?! Шестая палуба!

- Здесь шестая палуба! - отозвался старик Михеев, из года в год отказывающийся от пенсии и утверждающий, что отдохнет, когда вместе с "Александром" пойдет на переплавку.

- Фаддеич, ты корвет видишь?
- А то! - проворчал Михеев, который не терпел субординации по отношению к себе и сам давненько уже не обращавшийся к кому-либо по уставу. Разве что к императору, но тут случай особый. - Зацепить бы надо, Никита Борисыч, молодцы они - слов нет. - Ну конечно,

раз он видит корвет, значит, и маневры его видит тоже, а опыт есть опыт, он не погонями измеряется...

- Давай, Фаддеич, давай, родной!

Автоматика сообщила об открытии внешнего шлюза шестой палубы. Рассчитанный на одномоментный вылет пяти штурмовиков, шлюз вполне годился для того, чтобы пропустить через себя корвет. Гравизахватами управлял, судя по метке, сам Михеев, так что можно было не сомневаться: если "Дестини" вообще можно зацепить, его зацепят. Между тем ослепший и оглохший корвет произвел еще одну детонацию, на этот раз на большем расстоянии. Корсаков дал себе слово, что если пилот жив, он за рюмкой чая вытрясет из него, как тот ухитрится ориентироваться при полном отсутствии показателей внешних датчиков, рассчитывать скорость и вектор движения и управлять кораблем в таком состоянии.

- Есть захват! - Это Захаров, совсем молоденький лейтенант, не научился пока не лезть поперед бабки с ложкой. Ничего, пообтешется, Корсаков и сам готов был орать и прыгать, но не пристало... он же контр-адмирал... и вообще.

- Лазарет!

- Здесь лазарет!

- Подготовьте... сколько там может быть людей? - повернулся Корсаков к старпому. Петр Иванович Савельев, по определению, знал все.

- Пять. Стандартный экипаж такого корвета - пять человек.

- Лазарет, имеем в перспективе пять раненых. Контузия, шок, гипоксия, переохлаждение, декомпрессия. Приготовиться к приему и транспортировке с шестой палубы.

- Есть!

- Ваше превосходительство, - вклинился Дубинин, - надо бы послать туда полроты десанта. Мало ли что, береженого Бог бережет.

- Вы правы, Капитон Анатольевич, распорядитесь, - Корсаков внезапно обнаружил, что фуражки на нем нет. Куда дел, а главное - когда? Поискал глазами, увидел шагах в десяти, под пультами, поднял и привычным движением выровнял положение козырька. - Я вниз, Капитон Анатольевич. Наблюдайте.

- Есть! - Дубинину тоже хотелось вниз, но что поделаешь - оставить мостик он не мог.

- Давление выровнено, ваше превосходительство! - доложил дежурный у шлюза. Десантники подобрались, медики, приволокшие с собой кучу оборудования, застыли, как гончие на сворке. Вот сейчас, еще немного, их спустят и тогда... Никита с удовлетворением заметил в небольшой толпе доктора Тищенко, лучшего - и не только с точки зрения Корсакова - военного врача во всем Экспедиционном флоте. Десяток хмурых техников стояли между десантниками и медиками. Все правильно, сначала пойдут бойцы, потом те, кто сможет вскрыть поврежденный корабль, а уж потом - медицина.

- Отлично. Открывайте. - Никита хотел и боялся увидеть своими глазами, во что превратился красавец-корвет. Картинка на мониторе все-таки остается только картинкой, это быстро усваивают все флотские. Ох, матушка-заступница, да там же не может быть живых, это просто невоз... Как будто в ответ на мысли молодого контр-адмирала аварийный люк начал открываться. В какой-то момент его заело, но в довольно широкой уже щели появились две огромные лапищи, надавили, сдвинули и дали место вполне соответствующему рукам плечу. Корсаков мельком подумал, что этого мужика вполне можно вставить в любую русскую сказку, а еще лучше - в былинку. Здоров, чертяка! Аварийный люк плечом отжать мало кому под силу. За спиной Корсакова произошло некоторое движение, сержант вполголоса скомандовал готовность рассредоточившимся у стен десантникам, тихонько засуетились медики, приунывшие было при виде корабля, техники порхнули в стороны, чтобы не путаться под ногами. Между тем люк открылся почти до конца. Трап толи не предусматривался, то ли был безнадежно сломан, потому что конопатый громила, которого Корсаков про себя окрестил Микулой Селяниновичем, попросту спрыгнул на бронеовые плиты шестой палубы. На поясе его комбинезона, выдавая

бортинженера, висело несметное количество самого разнообразного инструмента, но кобуры с личным оружием не наблюдалось, эта часть ремня была вызывающе пуста. Никита одобрительно кивнул: свободная планета или не свободная, наемники они там или нет, а военный этикет знают, молодцы. Тем временем добрый молодец в гравикомпенсаторной броне повернулся к люку, протянул руки внутрь и аккуратно поставил рядом с собой невысокую изящную молодую женщину, чью принадлежность к прекрасному полу не могла скрыть даже броня. Потом сердито буркнул что-то вглубь искореженного корабля и наружу выскользнули два парня, явные близнецы. Они даже пошатывались совершенно одинаково, но тут же ступили в сторону, давая возможность спуститься последнему члену экипажа. Крепко сбита женщина трудноопределимого возраста, бледная до синевы, с заострившимися чертами лица и ввалившимися глазами неразличимого цвета, спрыгнула на палубу, отмахнувшись от предложенной помощи и лишь слегка опершись рукой о край люка. Огляделась, задержалась взглядом на Никите, безошибочно выделив среди встречающих главного. Приладила на бритую, покрытую металлически-блестящими татуировками голову угольно-серый берет, щегольским жестом смахнула несуществующую пылинку с несуществующего аксельбанта и строевым шагом направилась к Корсакову. Выдержав трехшаговый интервал, вслед за ней двинулись остальные.

Она остановилась в метре от Корсакова, скользнула глазами по погонам, вскинула правую руку к кромке берета, так, что пальцы уперлись в изображение креста на виске, и затворила на унике:

- Господин контр-адмирал! Разрешите представиться! Капитан Мэри Александра Гамильтон, военно-космические силы планеты Бельтайн, командир корвета "Дестини". Благодарю вас за оказанную помощь.

- Никита Борисович Корсаков. Без чинов.

- Есть без чинов.

- Господин Корсаков, позвольте еще раз поблагодарить...

Она покачнулась и взмахнула, ловя равновесие, отнятой от виска правой рукой. Корсаков шагнул вперед и ловко подхватил ее под локоть. Капитан криво усмехнулась:

- Извините, господин Корсаков. В определенные дни женщинам лучше не летать...

Никита начал было понимающе улыбаться в ответ, но его остановил ужас на лице маленькой женщины. Та подалась вперед и что-то быстро спросила на языке, незнакомом контр-адмиралу, он улавливал только некоторые корни слов. Ах ну да, конечно, на Бельтайне в ходу кельтик... Капитан повернула голову, явно с трудом сфокусировала взгляд на подчиненной и ответила короткой фразой на том же языке (Корсаков разобрал "Бельтайн" и просьбу что-то сделать), с каждым произнесенным словом все сильнее опираясь на поддерживающую ее руку. Потом снова посмотрела на Никиту, попыталась выпрямиться:

- Господин Корса... - И начала оседать.

Корсаков, справедливо гордившийся своей реакцией, перебросил левую руку с локтя бельтайнки на плечи, правой подсек под колени, тут же перед ним словно из пустоты материализовался походный операционный стол, на который он бережно положил свою ношу, и время рвануло скачками.

Доктор Тищенко пытается добраться до запястья безжизненно свесившейся руки и не может: слишком плотно прилегает гравикомпенсаторная броня. Крохотуля срывается с места, подскакивает к столу и с размаху бьет себя ладонью правой руки по сгибу локтя левой. Жест крайне неприличен, но никто не успевает отреагировать, потому что из открывшегося клапана в подставленную ладонь выпадает маленькая пустая ампула, которую она протягивает Тищенко с лаконичным комментарием:

- Боевой коктейль. При месячных нельзя. Капитан истекает кровью.

Доктор хватается ампулу, бросает в анализатор, несколько секунд морщась, как от зубной боли, разглядывает данные, выведенные на развернутый кем-то из медтехников виртуальный дисплей и выдает словесную конструкцию, которая при всей своей краткости заставляет стоящих у стен десантников разинуть рты в завистливом восхищении.

- Как снимается эта штука?! - рычит он в пространство на уника и тут же его сносит смерч, здоровенный, бешеный, конопатый смерч. Огромные руки рвут с пояса непонятного назначения железяки, пляшут над телом, находя невидимые сочленения, и броня начинает отваливаться кусками. Руки, шея, плечи, торс...

- Аааааааах... - вырывается одновременно у всех присутствующих на палубе, потому что нателный комбинезон, когда-то белый, от подмышек вниз красный, зловеще красный и влажный. Всплеск металла у горловины, рывок, другой...

- Она ваша, док! - роняет детина, зло пинает попавшийся ему под ноги наплечник, отходит от стола и окровавленной рукой обнимает за плечи кусающую губы девушку. Щупальца экспресс-диагноста обвивают запястья, прижимают к шее, медтехник монотонно бубнит:

- Дыхание - ноль. Давление - ноль. Сердечная деятельность - ноль.

Но это совершенно излишне, ведь казенная прямизна параллельных линий на дисплее говорит сама за себя. Тищенко что-то командует своим подчиненным, они оставляют тщетные попытки нащупать вены на руках и шее и теперь, судя по всему, пытаются войти в паховую артерию, прилаживают капельницу с полудюжиной флаконов и хитрой системой трубок подключения. На лицо с посиневшими губами и желтыми пятнами у висков опускается кислородная маска, а на руках врача появляются перчатки электрошокера.

Удар. Резкий запах озона. Тело на столе изгибается дугой и падает обратно, но картина на дисплее остается неизменной, и Тищенко самому себе резко командует по-русски:

- А ну еще!

Удар. Голова запрокидывается, обнаженные груди дразнят потолок заострившимися от холода сосками, но в этом нет ничего эротического, потому что проклятые линии по-прежнему безнадежно прямые, как лучи лазера...

- Врешь, безносая, не отдам, - сипит Тищенко, - еще!

Удар. Слабый всплеск на мониторе, несмелый, робкий... Следующий уже увереннее, потом еще один...

- Ну давай же, девочка... давай, капитан... держись, голубушка... ты сильная, ты справишься... бормотание врача как будто плетет защитную сетку, которой его мелькающие руки опутывают лежащее на столе тело. Уколоть, подключить, нажать... Лица техников застыли, как маски, слаженным быстрым движениям позавидовал бы самый навороченный автомат. - Давление... дерьмо, а не давление... ладно, пока и так сойдет, плохой ритм, рваный... ничего... сейчас доберемся... ты только держись... стабилизация минимальная... хрен с ним, нам хватит... погнали, погнали! - И, уже в створе шлюза, в коммуникатор, во весь голос: - Губанов, капсулу в режим критической кровопотери, готовь весь заменитель крови, какой есть и кардиоводитель, мы на подходе!

Экипаж "Дестини" глядит вслед умчавшимся медикам, стоя по стойке "смирно" и отдавая честь, и у Корсакова мелькает мысль, что, не смотря ни на что, увидеть своего капитана живой они уже не рассчитывают.

Контр- адмирал, провожающий взглядом испарившихся в направлении лазарета врачей -Тищенко, не доверяя никому и ничему, вскочил на один из нижних выступов стола и так и поехал, на ходу продолжая свои малопонятные непосвященному манипуляции, - обернулся к команде "Дестини". Осиротевшей команде - чтобы это понять, не надо было быть психологом. Хороший у них командир, правильный. Малышка - метр пятьдесят? точно не больше - решительно шагнула вперед.

- Господин Корсаков! В отсутствие капитана Гамильтон обязанности командира корабля выполняет второй пилот, навигатор Элис Вирджиния Донахью, Линия Донахью, премьер-лей-генант ВКС Бельтайна. Позвольте представить нам экипаж.

Корсаков кивнул.

- Премьер-лейтенант Рори Найджел О'Нил, Линия О'Нил, бортинженер, двигателест.

Конопатый громила лихо козырнул.

- Премьер-лейтенант Джон Марк Рафферти, Линия Рафферти, канонир левого борта,

медик.

Это один из близнецов, тот, что чуть заметно пошире в плечах.

Премьер- лейтенант Мэтью Лукас Рафферри, Линия Рафферти, канонир правого борта, связист.

Отличить от брата можно только по перебитому носу, в остальном - как горошины из одного стручка.

- Господин Корсаков, разрешите поинтересоваться вашими намерениями в отношении экипажа? - девчушка нервничает, но фасон держит изо всех сил. Последних, надо полагать.

- Мисс Донахью, господа, я прошу вас быть почетными гостями на "Александре". Боцман!

- Здесь боцман! - И когда только успел? Впрочем, иного Корсаков и не ожидал.

- Проводите экипаж корвета "Дестини" и гостевые апартаменты. - И по-русски: - Степан Степаныч, ты уж расстарайся, чтобы все было по высшему разряду. Люди только что из боя, да еще и командир в лазарете... сам понимаешь... переодеться там, поесть, медиков пригони прямо туда - вон как их шатает...

- Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, сделаем в лучшем виде, - боцман перешел на уник, несколько корявый, ну да знание языков при его службе не главное.

- Прошу за мной, господа. Не угодно ли воспользоваться транспортом - корабль у нас большой, путь неблизкий...

Экипаж "Дестини", явно еще не пришедший в себя, расселся в неизвестно откуда взявшейся машине. Боцман лично занял место водителя честь, которую, на памяти Корсакова, не оказывал никому и никогда. Впрочем, слухи по кораблю разносятся быстрее поросычьего визга, да и интонация адмирала была вполне однозначной.

Ну что ж. Капитан "Дестини" в лазарете, и если ее вообще можно вытащить с того света Тищенко вытащит. Экипаж тоже пристроен, уж боцман позаботится, чтоб как сыр в масле. Пора подумать и о делах.

Два часа спустя Корсаков уже представлял себе картину целиком. Уцелевшие корветы сгруппировались возле "Сент-Патрика" и через одного из капитанов сообщили о готовности подчиняться указаниям неожиданных союзников. Дети с транспортника были переведены на два крейсера и размещены со всеми возможными удобствами - экипажи и десантники охотно потеснились. На сдавшиеся фрегаты были высажены призовые партии, экипажи перегнали на "Сент-Патрик" и накрепко заперли в трюме. Призовые команды также перешли на транспорт в ожидании того момента, когда можно будет разобраться с экипажем третьего подбитого фрегата, и теперь транспорт медленно шел к Бельтайну под прикрытием штурмовиков и уцелевших корветов. Фрегаты оставили в состоянии свободного полета до той поры, когда будет время ими заняться. Корсаков предложил после призового аукциона полученную сумму разделить поровну между русскими и бельтайнцами, чего последние, судя по радостному изумлению, не ожидали. Эскадра, оставив позади транспорт, полным курсом шла к Бельтайну. Контр-адмиралу переслали запись с "Бориса" и Корсаков, не без оснований полагавший себя стреляным воробьем, почувствовал, как перехватило горло. Они проходили через шлюз в мелком строю - мальчики и девочки с абсолютно бесстрастными лицами. Некоторые старшие несли малышей. На левой руке - правая отдавала честь. И детишки тоже отдавали честь, рискуя свалиться, цепляясь левыми ручонками за рукава комбинезонов старших. Солдаты. Все.

Да что же это за мир такой - Бельтайн? Он, конечно, помнил кое-что из начитанных в Академии курсов, но помнить - это одно, а увидеть пятилетних (не более!) детей в форме... Нет, без старпома тут не разобраться. А вот и он, легок на помине. По первости Корсаков удивлялся вездесущести Савельева и его способности при любых обстоятельствах оказываться в нужное время в нужном месте, потом привык. Люди князя Цинцадзе, вот уже на протяжении добрых тридцати лет возглавлявшего службу безо пасности империи, обладали данным свойством в полной мере, и Корсаков научился это ценить, перешагнув

через свойственную многим военным кастовую неприязнь к голубым мундирам.

- Присаживайся, Петр Иванович. Что скажешь?

- Зависит от того, что именно вас интересует, Никита Борисович.

- Прежде всего, персоналии. Конкретно командир "Дестини". Я не ошибаюсь, далеко не всякий бельтайнский корвет имеет собственное имя?

- Вы не ошибаетесь, Никита Борисович. Этот самый командир - или будет правильнее сказать "эта самая"? - действительно крайне любопытная личность и то, что корабль имеет не только номер, целиком и полностью ее заслуга. Извольте взглянуть, - с ловкостью фокусника Савельев извлек неизвестно откуда кристалл с информацией и вызвал на экран изображение. Женщину на голографическом снимке Корсаков узнал с большим трудом - слишком велик был контраст между измученным, умирающим человеком, которого он увидел на шестой палубе, и этим иронично-спокойным лицом, венчающим собой парадный китель, на котором было тесно орденам.

- Можете полюбоваться, какова. Итак, Мэри Александра Гамильтон. Первая странность: в досье нет упоминания о Линии, к которой принадлежит госпожа Гамильтон. Да вы и сами, нанерное, заметили во время представления - единственная из всех, капитан Гамильтон не назвала свою Линию. Линия Гамильтон существует, но... Объяснение простое - в родословной указана только мать, Алтея Элизабет Гамильтон, отец неизвестен, и если учесть, как относятся к своей работе бельтайнские генетики, можно предположить, что...

- Пойдите. - Корсаков надавил указательным пальцем левой руки на висок. - Алтея Гамильтон? Та самая?

- Именно. - Савельев серьезно кивнул. - По крайней мере, по материнской линии наследственность безукоризненная, но кто отец? Ладно, я не вижу смысла копаться в белье давно погибшей женщины. Хватит и того, что ее дочь осиротела, будучи полугодовалым младенцем. Кого бы ни избрала капитан Алтея Гамильтон в отцы своему ребенку, выбор она, судя по результату, сделала неплохой. Далее. До определенного момента биография стандартная - учебный центр, Звездный Корпус... Кстати, вы в курсе, что на Бельтайне ребятишки, отправляющиеся на обучение в этот самый Корпус, пяти лет от роду принимают присягу? Госпожа Гамильтон на данный момент в неполные тридцать три имеет почти двадцать восемь лет чистой выслуги, и это если не считать боевых. Окончила Корпус за девять лет, притом что стандартным сроком обучения - двенадцать. Лучшая по результатам за четырнадцать предыдущих лет. Следующие четыре года провела в монастыре Святой Екатерины Тариссийской в ранге послушницы. Обычная бельтайнская практика: тарисситовые шахты расположены в поясе астероидов, зоне, крайне сложной для полетов, поэтому лучших выпускниц Корпуса по классу пилотов отправляют туда с целью поддержания планетарной экономики. Восемнадцати лет поступила сразу на третью ступень Академии Свободных Планет на Картане. Военный факультет, кафедра командования. Отзывы преподавателей самые благоприятные в том, что касается учебы. Отмечена некоторая неуравновешенность характера и склонность сначала бить, потом разговаривать. Закончила четыре оставшиеся ступени за три года. С отличием. По окончании курса обучения присвоено звание капитана. Первый контракт - Небесная империя. Именно госпожа Гамильтон управляла яхтой, которая прошла насквозь систему Хэинань и вернулась обратно, неся на борту нового императора. Результат - орден "Великая Стена" и титул "Госпожи, сохраняющей преемственность". Уникум, как ни крути, в Галактике она такая одна. Затем были два года на Рах Мехшапа. Орден Святого Христофора - это так, побрякушка, но все-таки. Потом ее нанял Бург, и за четыре года капитан Гамильтон стала командором ордена "Солнечного ветра". Командором. Вам нравится?

- Я в восторге, - пробормотал Корсаков. И орденах он разбирался и прекрасно видел по снимку, с кем ему пришлось иметь дело, но сухой комментарий Савельева придавал обыденному знанию совершенно особый колорит.

- Затем были разного рода мелочи, вроде "Звездного паруса" от Венецианской Республики, двух крестов Вашингтона от американцев и "Цветущей ветви" от Сегуната.

Последний контракт был заключен со скандинавами и принес ей полный "Драккар". Не видел бы своими глазами - не поверил бы.

- Гм. А почему в таком случае она до сих пор только капитан? Сколько она летает - двенадцать лет? И?

Савельев пожал плечами:

- Бельтайнская традиция. Экипажи корветов в званиях не растут. Первые пилоты - капитаны, остальные члены экипажа - премьер-лейтенанты, с самого начала и до отставки.

- Интересная система. Впрочем, в чужой монастырь... А кстати, вы сказали - кафедра командования. Допустим. А почему в таком случае корвет? Они что, не летают на крупных кораблях? - Корсаков потянулся за сигарой, взглядом предложил собеседнику, но тот покачал головой.

- Не летают. Для перевозки десанта используются транспортные корабли, доставку десантников к месту боевых действий обеспечивает наниматель.

- У них еще и десантники есть? - восхитился Никита.

- Есть, как не быть. Причем это тоже Линии, и подготовку они проходят также с пяти лет. Что же касается госпожи Гамильтон, то командование в ее случае заключается в способности держать так называемую сцепку, управлять в бою не только своим кораблем, но и теми, к которым тянутся "поводки". Наша гостья способна держать на сцепке ордер "Хеопс", а это сорок кораблей не считая ее собственного. Правда, проверить эту способность на практике ей довелось только полдюжины раз, но результаты впечатляют.

- М-да... И при этом - капитан. Любопытно, как же они при таком подходе организуют конкуренцию и стремление личного состава к росту. - Корсаков действительно не мог представить себе успешно работающую систему замороженных званий. Старпом откинулся на спинку кресла и снисходительно улыбнулся. Эту его улыбочку всезнайки контр-адмирал терпеть не мог, но мирился, считая неизбежной и, в общем, приемлемой ложкой дегтя в действительно огромной бочке меда, состоящей из знаний обо всем и обо всех.

- А вот тут, Никита Борисович, мы и подходим к корветам, имеющим собственные имена. Право дать кораблю имя надо заслужить. Именные корветы, в отличие от номерных, делаются на заказ с учетом всех особенностей каждого члена экипажа. Индивидуальные ложементы. Индивидуальные панели управления. Индивидуальная компоновка приборов и систем. За возможность пригласить на службу экипаж именного корвета наниматели только что не дерутся, суммы собственно контрактов, страховых и премиальных выплат взлетают до небес. Это выгодно Бельтайну и это выгодно самому экипажу. Осмелюсь предположить, что госпожа Гамильтон женщина отнюдь не бедная. И потом - престиж. Их ведь на сегодняшний день всего полтора десятка, именных кораблей.

- Лихо... Какие из бельтайнцев пилоты, мы с вами имели удовольствие наблюдать, а вы, как я погляжу, аккуратно подводите меня к мысли, что на борту "Александра" сейчас находится лучший из них.

Савельев сдержанно кивнул, соглашаясь с выводами контр-адмирала. В этот момент пришел вызов из лазарета. На экране возник мрачный Тищенко.

- Новости, Станислав Сергеевич? Не томите! - подался вперед Корсаков.

- Новости, да. Во-первых, я не понимаю, почему бельтайнцы именуют это свое варево боевым коктейлем; адский компот - более подходящее название. Слышать я о нем слышал, но вот в руках подержать довелось впервые. Это надо ж было додуматься: замешать совершенно безумную концентрацию нейро- и физиостимуляторов с самым мощным антикоагулянтом из всех, существующих на данный момент... Если эту дрянь ввести мне или вам, смерть будет очень быстрой и крайне неприятной. Моя пациентка потеряла столько крови, что вообще непонятно, как она ухитрилась вести бой и своими ногами выйти на палубу. Любой нормальный человек при такой кровопотере умер бы еще примерно за час до того, как она потеряла сознание в момент доклада вам. Фантастический организм, я с таким не сталкивался. Совершенно невозможная скорость кроветворения, заменитель крови отторгается, но только в тех объемах, в которых ему на смену приходит собственная кровь.

При этом, прошу заметить, на выходе имеем только заменитель, к которому этот чертов коктейль цепляется, как репей к собачьему хвосту, а вся кровь остается в организме. Думаю, примерно через полчаса можно будет попробовать ее разбудить и посмотреть, в каком состоянии мозг. Собственно, именно поэтому я с вами и связался. Клиническая смерть вообще, а в результате кровопотери в особенности, может повлиять на мыслительные процессы самым непредсказуемым образом, от истерического припадка до амнезии. Поэтому было бы нелишним пригласить в лазарет экипаж корвета, чтобы в тот момент, когда госпожа Гамильтон откроет глаза, ее окружали знакомые лица.

- Ну, это не проблема, Станислав Сергеевич.- Корсаков поднялся на ноги и слегка потянулся. - Я извещу их лично, прямо сейчас. Подождите будить пациентку до нашего прихода.

- Разумеется, - кивнул врач и отключил связь.

Глава XII

Гостевые апартаменты находились неподалеку, и Корсаков решил пройти пешком. Подойдя к дверям, он коснулся клавиши звонка, и несколько секунд спустя створка отъехала в сторону. Все четверо сидели за столом небольшой кают-компания и настороженно смотрели на дверь. При виде командующего эскадрой они разом вскочили и, за неимением головных уборов, вытянули руки по швам. Никита с удовольствием отметил, что боцман выполнил распоряжение на "отлично": в русской форме без знаков различия, но с ремнями (правильно, они не пленники, а гости), порозовевшие, бельтайнцы выглядели куда лучше, чем пару часов назад.

- Вольно, мисс, господа. Прошу садиться.

Когда все расселись, девушка обратилась к Корсакову:

- Разрешите вопрос? - Тот кивнул. - Почему вы позвонили в дверь? Ведь это ваш корабль?

- Верно, корабль мой, - улыбнулся Никита, но данные апартаменты выделены вам и вы в них хозяйева, а я гость.

- Спасибо за разъяснение. Кстати, позвольте маленькое уточнение. Если вам это интересно, в бельтайнских ВКС при общении с одним экипажем корвета принято использовать обращение "господа" вне зависимости от того, сколько женщин входит в его состав, - к удовольствию Корсакова, второй пилот приняла предложенный тон и решила вести разговор на равных. Остальные по-прежнему молчали, испытующе глядя на русского.

- Благодарю вас, мисс Донахью, я это учту. А что, в экипаже может быть больше двух женщин? Я знаю, что первый и второй пилоты...

- Возможно также, что один или оба канонира - женщины. Только двигателист всегда мужчина.

- Понимаю. Спасибо за разъяснение. Теперь о том, зачем я пришел. Доктор Тищенко связался со мной и сообщил, что примерно через двадцать минут будет готов разбудить вашего капитана. Он считает необходимым, чтобы в этот момент вы находились рядом, поскольку возможны разного рода сложности вплоть до амнезии. - Корсаков увидел, как разом помрачнели и без того не слишком радостные лица бельтайнцев и поспешил добавить: - Не волнуйтесь, господин Тищенко - лучший врач Экспедиционного флота, и раз уж он не позволил мисс Гамильтон умереть, работу мозга он тоже наладит, просто с вашей помощью он сможет сделать это быстрее и легче.

К удивлению Никиты, его последнее высказывание не возымело никакого положительного действия. Более того, гости нахмурились еще сильнее, хотя секунду назад казалось, что сильнее некуда. Все четверо ссутулились и теперь переглядывались с почти физически ощутимой тоской. Задавать прямой вопрос он не стал, решив, что если будет молчать достаточно долго, кто-нибудь не выдержит и скажет ему, в чем, собственно, дело. Так и получилось. Экипаж "Дестини" еще раз переглянулся, взгляды мужчин устремились на

мисс Донахью (правильно, она же старшая; если не по возрасту и званию, то по положению в экипаже), девушка повернулась к Корсакову и медленно, словно ей приходилось силой выталкивать из себя слова, заговорила:

- Видите ли, сэр... не считите нас неблагодарными ублюдками или засранцами, ни во что не ставящими жизнь командира, но... Поймите, Мэри Гамильтон, как и всем нам, совершенно не свойствен страх перед смертью, но одно дело умереть в бою и совсем другое - быть расстрелянной на плацу по приговору военного трибунала, а именно таков наиболее вероятный исход.

- Расстрелянной?! - взвился Никита. - Что вы такое говорите, мисс Донахью? Нет, конечно, я понимаю, что под каждой крышей - свои мыши, но принятие посторонней помощи в той ситуации, в которой оказались корнеты бельтайнских ВКС и транспорт с детьми на борту...

- При чем тут принятие помощи, господин Корсаков? - криво усмехнулась второй пилот. - Дело совершенно не в этом.

- А в чем? - Молчи, мужик. Задал вопрос - и молчи, сейчас тебе все подробно объяснят, вон как у девочки голос дрожит.

- Устав ВКС Бельтайна категорически запрещает пилотам боевые вылеты во время месячных. Вы же сами видели, чем может закончиться такая выходка. Мэри повезло, если это можно назвать везением, она выжила, хотя это и считается практически невозможным. Мы дорогой товар, сэр, подготовка пилотов обходится весьма недешево, и если мы будем умирать по собственной дурости, никаких средств не хватит на восполнение естественной убыли. Поэтому Устав предусматривает расстрел в качестве наказания для выжившей идиотки. Чтобы другим неповадно было. Я до сих пор не могу взять в толк, как капитан ухитрилась проскочить медкомиссию на планете, и почему Джонни вовремя не заметил, что творится неладное...

- Почему, почему... - Медик вызывающе скрестил руки на груди. - Не поверишь, Элис, но кибердок утверждал, что капитан в отличной форме. Должно быть, она загрузила в систему фальшивку, с нее станется. Проверить, правда, уже не удастся, сама знаешь, в каком состоянии компьютеры "Дестини", но другого варианта просто нет. А на планете она, я думаю, со свойственным ей шиком послала врачей так, что они до сих пор адрес ищут.

Бельтайнцы дружно, хотя и совсем не радостно, рассмеялись. Дождавшись, когда мрачное веселье за столом утихнет, Никита задал еще один вопрос:

- Как я понимаю, капитан Гамильтон знала, не могла не знать, и о состоянии своего организма, и о том, чем ей это самое состояние грозит. Почему же в таком случае она?...

- ...ушла в боевой вылет? - закончила за него Элис. Корсаков кивнул. - Дело в том, сэр, что на тот момент, когда с внешних рубежей системы пришло сообщение о нападении, на всем Бельтайне был только один действующий первый пилот. Один, понимаете? Единственный действующий первый пилот, причем пилот с огромным опытом боевых операций, в том числе групповых, к тому же командующий единственным боевым корветом. Остальные - всего лишь учебные корабли Звездного Корпуса, спешно переоборудованные для реального боя и принявшие на борт экипажи, набранные из резервистов. Кстати, это нам вышло боком уже в первой фазе боя: один из корветов мы потеряли из-за предательства его командира. А капитан... Капитан видела свой долг в том, чтобы попытаться спасти хотя бы кадетов Звездного Корпуса - ни на что большее не хватало имевшихся на планете транспортных средств. И кстати, в том, что она их все-таки спасла, я вижу некоторую надежду. Может быть, смертного приговора не будет. Погоны, конечно, сорвут, и в позорную отставку без пенсии вышвырнут, но это все-таки не расстрел...

- Зря надеешься, - буркнул О'Нил. - Наш любезный принципал Совета только и ждет, когда Мэри оступится. Давно ждет, с ее рождения, если не раньше. И вот дождался, всего-то за пару недель до отставки, которая любое ее поведение сделала бы не его собачьим делом. Он, небось, уже всякую надежду потерял, а тут такой подарок! Думаешь, он позволит трибуналу принять какое-то решение, помимо смертной казни?

Экипаж заспорил, не обращая внимания на Корсакова. Ему это было только на руку, следовало серьезно подумать. Одно он знал точно - пилота, способного ТАК летать, он под расстрел не отдаст. Не отдаст, и все. Устав Уставом, но должен же быть хоть какой-то выход! Об этом он и спросил замолчавшую Элис.

- Выход... не знаю. Поймите, как только мы прилетим, нас тут же отдадут медикам. Так положено, это обычная практика, и попытка капитана еще раз уклониться от медосмотра будет тут же замечена и пресечена.

- Но доктор Тищенко утверждает, что у мисс Гамильтон совершенно немыслимая скорость кроветворения. Пока мы дойдем. Пока разберемся с пиратами. Пока вы высадитесь. Да и не известно еще, насколько пострадала планета, и как долго будут искать врачей. Я почти уверен, что к тому моменту, как вы увидите с медиками, кровопотеря будет компенсирована и...

Элис устало повернулась к медику:

- Джонни, объясни как врач.

- Дело в том, сэр, - начал тот, - что даже если к моменту медосмотра у капитана полностью восстановится кровь, это не панацея. Период полного распада коктейля занимает до двух бельтайнских суток, это все очень индивидуально, зависит от конкретного организма. До истечения этого срока коктейль, пусть даже в еле различимых количествах, обнаруживается в крови простейшим тестом. Быть опасным с точки зрения кровотечения он перестает довольно быстро, но следы все равно остаются. А при том, что у Мэри заменяется сейчас чуть ли не вся кровь, а та, что не заменяется - чистится, никаких следов не будет и сразу же возникнет вопрос - почему? Провести такой бой без коктейля нельзя, это невозможно ни с какой точки зрения. Значит, коктейль был и куда-то делся. Куда? Организм был почищен? А почему?... В общем, понятно. Военных медиков еще, может быть, и удалось бы уговорить помалкивать, и то зависит от конкретного человека и его отношения к выскочке-полукровке... но кто знает, не попадем ли мы к гражданским. Вы все правильно сказали насчет врачей и бардака на планете после налета. А срока вывода коктейля из организма Мэри не знаю даже я. Это секретная информация, именно потому, что требуется исключить возможность сговора экипажа, понимаете?

Корсаков задумался, потом, ухватив за кончик хвоста мелькнувшую в голове мысль, резко поднял голову.

- Значит, суть вопроса состоит в том, чтобы не допустить встречи капитана Гамильтон с бельтайнскими медиками до того момента, как выйдут все сроки обнаружения коктейля?

- Вы совершенно правы, сэр, но как этого добиться - я не знаю, - хмуро кивнул Джон Рафферти.

За столом снова поднялся гвалт, варианты предлагались и один за другим отвергались на том основании, что либо причина не серьезная, либо почуют обман. Наконец Элис Донахью, которая молчала уже несколько минут, вдруг оскалилась, стукнула по столу маленьким кулачком и выдохнула: "Есть!". Тут же установилась полная тишина, все смотрели только на пилота.

- Сэр, - повернулась она к Корсакову, - вы женаты?

- Вы предлагаете мне жениться на мисс Гамильтон?! - так Никита не удивлялся уже очень давно, но маленькая женщина только пренебрежительно махнула рукой:

- Жениться? Еще не хватало! Этого-то как раз и не требуется, но все-таки: вы женаты?

- Нет.

- Отлично! - бельтайнка как будто засветилась изнутри, сразу став похожей на шаловливого эльфа. Даже маленькие ушки как будто заострились. - Тогда так. Вы объявляете Мэри гостьей адмиральской каюты. Это такой эвфемизм, обозначающий любовницу, если вы не и курсе.

- Я в курсе, - сдерживая ошарашенную улыбку, пробормотал Корсаков. - И что нам это даст?

- Очень просто, сэр. Все мы солдаты, и любого пилота могут по приказу принцепала

Совета вытащить откуда угодно: хоть из госпиталя, хоть с родильного кресла, хоть со смертного одра. Но из постели командующего союзной армией - вряд ли. Руки короткие.

- Элис, ты свихнулась? - громыхнул, вскакивая, бортинженер. - Ты хочешь выставить командира шлюхой? - Но малышка ничуть не испугалась праведного гнева нависающего над ней здоровяка.

- А ты что же, предпочитаешь выставить ее перед расстрельной командой? - холодно поинтересовалась она, и Рори разжал кулаки и молча опустил на место. - Так вы согласны, сэр? - повернулась она к Корсакову, с любопытством наблюдавшему за разыгравшейся сценкой.

- Согласен. Идемте, господа, нас ждут в лазарете. - Никита решительно направился к выходу, не оглянувшись, чтобы увидеть, кто именно вздохнул за его спиной: "Да вы-то согласны, а вот что скажет капитан..."

По прибытии в лазарет все пятеро облачились в стерильные робы. Лично Корсаков большого смысла в этом не видел, - уж если бельтайнскому капитану не повредило пребывание на шестой палубе, вряд ли ее возьмет какая-то зараза - но слишком хорошо знал, чем заканчиваются споры с Тищенко. Еще минута - и их впустили в отсек, в центре которого стояла закрытая реанимационная капсула, над которой колдовали два медтехника. От многочисленных приборов, металлических емкостей и прозрачных флаконов к капсуле тянулись провода и трубки, исчезая в прорезях боковых стенок. Третий медтехник стоял, покачиваясь с носков на пятки и обратно, и не отрываясь смотрел на огромный дисплей. На вновь прибывших он не обратил никакого внимания. Тищенко, вошедший первым, знаком предложил Корсакову и бельтайнцам подождать в сторонке, у стены, мельком глянул на дисплей, удовлетворенно кивнул и подошел к капсуле. Быстро переключив несколько тумблеров, он еще раз сверился с дисплеем, и скомандовал:

- Открывайте.

Мягкая крышка капсулы поползла к изголовью, сматываясь в рулон, который тут же опустился, и взглядам вытянувшего шеи экипажа предстала их капитан. На труп она уже не походила. Лицо и руки - больше ничего не было видно из-за прикрывающей тело тонкой ткани были бледными, но без той нездоровой синевы, которая так не понравилась Корсакову несколько часов назад.

- Искусственную вентиляцию легких мы отключили за ненадобностью, - пояснил Тищенко, - пациентка дышит самостоятельно. Сердце работает прекрасно, кровь чистая и ее уже довольно много. Что же касается мозга... посмотрим, - с этими словами он еще что-то переключил на стоящем слева от капсулы пульте и поманил рукой экипаж "Дестини". Корсаков благоразумно остался у стены, врач тоже вышел из зоны видимости лежащей женщины.

Команда сгрудилась возле капсулы. Темные ресницы дрогнули раз, другой, и наконец открылись глаза. Мэри моргнула, взгляд сфокусировался на втором пилоте, стал осмысленным.

- С возвращением, капитан! - с улыбкой произнесла на кельтике Элис, наклоняясь так, чтобы командиру не пришлось вертеть головой. Корсаков мысленно поморщился - привыкший владеть ситуацией, он опять почти ничего не понял из сказанного, но тут в коммуникаторе зазвучал бесстрастный голос Савельева:

- Привет, Элис... я что, в лазарете?... а где?... и как я сюда попала?... что вы последнее помните, капитан?... мы прилетели в отпуск... я пошла на кладбище... меня вызвал Фортеस्कью... потому что на систему Тариссы напал... "Септ-Патрик"! Элис, что с транспортом, где дети?!

Капитан вскинулась, пытаясь приподняться, со всех сторон запищали тревожные сигналы и смазанной от скорости тенью к капсуле метнулся Тищенко.

- Извольте лежать спокойно, мисс Гамильтон, - резко бросил он на унике, надавливая на ее плечи тяжелыми ладонями. - Все в порядке, дети в безопасности.

Корсаков только тут сообразил, что врач вывел на свой коммуникатор программу

синхронного перевода, наверняка имеющуюся в корабельном компьютере, и еще раз поморщился: сам он до такого не додумался, хотя, по идее, должен был. Впрочем, острой необходимости в этом уже не было, потому что Мэри, услышав врача, тут же перешла на уник:

- Так где мы находимся?

- Попробуйте вспомнить сами, мисс, это очень важно, - Тищенко говорил мягко, но настойчиво, и капитан сдвинула брови и полузакрyla глаза.

- Так. Мы вылетели с "Гринленда". За нами погнались, верно?

Элис кивнула.

- Бой... Почти не помню. Кажется, они сбросили абордажников? - еще один кивок второго пилота. - Абордажников я снесла выхлопом... кажется... да, верно. Потом... потом в нас попали. А какого черта мы подставились? Ах да, русские... русские напугали этих кретинов, и я тоже кретинка - расслабилась и решила, что на этом и все. Так мы у русских?

- Совершенно верно, мисс. Я - доктор Тищенко.

- Очень приятно, доктор. - Мэри слабо улыбнулась. - Но как я все-таки оказалась в лазарете? По идее, всем должно было достаться одинаково, но остальные на ногах, а я, судя по всему, не совсем в порядке... - Попытка пошутить была жалкой, но Корсаков оценил мужество бельтайнки. И тут, должно быть, мисс Донахью надоело ходить вокруг да около:

- Капитан, а вы помните, какой у вас день цикла? - ядовито поинтересовалась Элис.

- Цикла? Какого цикла? Ох... - Следующую тираду, длинную и эмоциональную, программа переводчик, видимо, не смогла обработать, а Савельев только хмыкнул. Впрочем, все было понятно и без перевода.

- Вот именно, - вздохнула второй пилот. На лице Мэри появилось выражение усталой обреченности:

- Элис, дорогая, а у тебя что - не хватило сообразительности сказать, чтобы меня не вытаскивали? Не то чтобы я уж очень дорожила своей жизнью, но быть казненной за нарушение устава... Честно тебе скажу, эта идея мне как-то не слишком по вкусу. После стольких лет беспорочной службы...

- Капитан, эта идея всем нам по вкусу не больше, чем вам. Кроме того, что важнее, русскому командующему она не нравится тоже. Поэтому мы кое-что придумали. У вас хватит сил нас выслушать?

- Думаю, да. Вопрос только в том, хватит ли у меня сил согласиться с вашей выдумкой? Еще одна кривая улыбка.

- Господин Корсаков... - начала Элис. В эту минуту Никита счел необходимым подойти.

- Господин Корсаков - это я. Вы меня узнаете?

Мэри попыталась было лечь по стойке "смирно", но быстро оставила эту затею - мешали опутывающие руки трубки.

- Узнаю, господин контр-адмирал... ах да... без чинов... извините...

- Так вот, - продолжила Элис, терпеливо дождавшаяся окончания обмена любезностями, - господин Корсаков формально объявит вас гостьей адмиральской каюты и...

- Ты рехнулась, Донахью, - резко бросила Мэри, - и мало того, ты втянула в этот бред господина Корсакова.

- Прошу прощения, мисс Гамильтон, - вклинился Никита, - а чем вам не нравится это предложение?

- Господин Корсаков, вы не можете не понимать, какую репутацию это вам создаст! По скорости распространения сплетен флот занимает третью позицию после монастыря и борделя. Не пройдет и недели, как вам придется столкнуться с таким количеством домыслов и подначек, что...

- Сударыня, попробуйте взглянуть на это дело вот с какой точки зрения: что будет с моей репутацией, той самой репутацией, о которой вы так печетесь, если станет известно,

что я мог оградить от вздорного обвинения блестящего боевого офицера и не сделал этого?

- Так-то ж от вздорного, - невесело усмехнулась Мэри и тут нервы Элис сдали окончательно:

- Вот что, мужики, ну-ка, очистите помещение. Господини Корсаков, я вас прошу - мне надо буквально три минуты поговорить с капитаном наедине. Господин Тищенко, вы можете выйти? Пожалуйста!

Врач пожал плечами, еще раз взглянул на дисплей, что-то переключил, строго посмотрел на второго пилота:

- Три минуты, мисс Донахью. Не больше. Через три минуты я вернусь. - И вышел, знаком велел техникам следовать за ним. Корсаков пожал плечами и тоже скрылся за дверью вслед за экипажем "Дестини". Ему было до смерти интересно, какой же аргумент припасла напоследок девчушка. Оставалось надеяться, что Савельев начеку. Надежда блестяще оправдалась спустя десять секунд после того, как дверь в реанимационный блок закрылась за его спиной

- Вот что, капитан, если ты немедленно не прекратишь валять дурака, если ты спустишься на планету, попадешь в руки принципиаловых прихвостней и будешь арестована, если тебе предъявят обвинение... ну, и что? слишком много если, Элис, тебе так не кажется?.., если это произойдет, экипаж "Дестини" объявит о неповиновении Совету... мятеж? да как ты... смею, капитан... тебе не терпится стоять на плацу рядом со мной?... а хоть бы и так, вместе летали, вместе и сдохнем... черт бы тебя побрал... со временем - обязательно, так что мне сказать русскому?... я согласна... давно бы так...

Дверь открылась, стоящая в проеме Элис мило улыбнулась Корсакову:

- Капитан согласилась.

Десять часов спустя Корсаков, испросив предварительно разрешения каперанга Дубинина, сопровождал экипаж "Дестини" в рубку. Эскадра подходила к Бельтайну. Мэри, несмотря на ее протесты, привезли в гравикресле. Корсаков не без удовольствия отметил, что спорить с доктором Тищенко не получается не только у него. Капитан Гамильтон по-прежнему не отличалась здоровым румянцем, но выглядела собранной и спокойной, только уголок левого глаза время от времени предательски вздрагивал. Зрелище, которое с максимальным приближением вывели на экраны внешние датчики, заставило бельтайнцев совершенно синхронно сжать кулаки. Бортинженер глухо выругался сквозь стиснутые зубы, второй пилот побелела так, что стоящий за спинкой гравикресла медтехник насторожился и сделал полшага в ее сторону. Один из близнецов перекрестился, второй прикусил нижнюю губу. Багровая капля сорвалась и расплылась на полу крохотной тревожной кляксой. Лицо капитана напоминало застывшую маску, даже веко перестало дрожать. Мэри на секунду прикрыла глаза и снова уставилась на экран. Абсолютное отсутствие эмоций в голосе било по нервам:

- Так. Центрального космопорта нет. Совсем нет. Храма, надо полагать, тоже. Нью-Дублин... в целом терпимо, если не считать районов, прилегающих к космопорту. Кстати, неплохо повоевали... раз... два... угу... четыре... нет, хорошие у нас все-таки канониры. А "Гринлснд"-то еще отстреливается, молодцы... Хотя кто бы мне сказал, что там еще способно стрелять... Фаррапфор... плохо. Абердин... цел. Кармартен... тоже. Таллоу... ничего хорошего. Впрочем... Инвернес... почти не пострадал, судя по всему. Западный архипелаг... не вижу... Ха! Они уходят! Сюда бы хоть пару дюжин корветов...

- А три крейсера вас не устроят, капитан? - Корсаков почувствовал себя задетым. Мэри оторвалась наконец от экрана, повернулась к нему, и контр-адмиралу вдруг стало холодно - такая сумасшедшая надежда горела в ее глазах:

- Вы... вы собираетесь их преследовать?!

- Конечно, пожал плечами Никита, - не отпускать же мерзавцев с миром!

- А... дети?

- Дети... да, дети... Ну, допустим, "Глеба" можно, да и нужно, оставить на орбите. Так, на всякий случай. Но "Александр" не стоит идти в одиночку, а "Борис" тоже принял на борт

пассажиров "Сент-Патрика", тут вы правы... Господин капитан первого ранга!

- Слушаю вас, господин контр-адмирал! - отозвался на официальное обращение Дубинин.

- Ваше мнение, насколько преследование пиратов безопасно для пассажиров "Бориса"?

Дубинин, все это время просматривавший выводимую на дисплей информацию, усмехнулся уголком рта:

- Если наши... гм... подопечные повредят "Александр" или "Борису" хотя бы надстройки, значит, нам с Чабановым пора в отставку. Кроме того, никто не мешает поменять местами пассажиров "Бориса" и десантников "Глеба", много времени это не займет.

- Решено, Капитан Анатолевич, распорядитесь. Вы удовлетворены, мисс Гамильтон? - приподнял бровь Корсаков.

- Более чем. Если господин капитан первого ранга позволит, я хотела бы предложить свою помощь вашим навигаторам, - предвидя возражения, уже готовые вырваться у Никиты, Мэри примирительно подняла ладонь: - Саммерс уходит к Зоне Сигма, это не самое комфортное место для полетов на крупных кораблях, уж поверьте аборигенам. - Ее экипаж заухмылялся, соглашаясь. - А если учесть тот факт, что монастырь Святой Екатерины активировал минные заграждения... Кстати, о минных заграждениях. Вы можете обеспечить закрытую связь на заданной частоте?

Дубинин демонстративно возвел очи горе, повелительно качнул головой и сообразительный техник подвел кресло, в котором сидела Мэри, к одному из пультов связи. Однако передать связистам частоту канала она не успела.

- Господин капитан первого ранга! Запрос с базы "Гринленд"!

Дубинин и Корсаков встали перед центральным экраном, и на нем возник высокий жилистый мужчина с рукой на перевязи. Одежда его, как и лицо, была изрядно закопчена, глаза горели, как угли.

- Полковник Марк Фортескью, Линия Фортескью, командующий планетарной обороной Бельтайна! С кем имею честь?

- Экспедиционный флот Российской империи, четвертое крыло. Контр-адмирал Никита Корсаков, командующий эскадрой. Капитан первого ранга Дубинин, командир крейсера "Святой благоверный князь Александр Невский". Прибыли по получении сигнала бедствия.

- Благодарю вас за оказанную помощь, сэр! - полковник повернул голову вправо и с кривой усмешкой произнес на кельтике: - Вот ведь чертова девка, опять она права оказалась! - но даже не успел вернуться взглядом к русским, как Мэри со всем ехидством, на какое была способна, прокомментировала:

- Я все слышу, полковник! - И Марк Фортескью только что не влез в экран коммуникатора.

- Прошу прощения, господа... Мне показалось, или у вас на борту находится капитан Мэри Гамильтон?

Дубинин посторонился и техник ввел гравикресло в обзорную зону.

- В чем дело, капитан? Как вы попали к русским? Что с "Сент-Патриком"? - полковник пытался замаскировать тревогу казенной резкостью фраз, но получалось плохо. Совсем не получалось.

- Дети переведены на корабли эскадры. "Сент-Патрику" разнесли маршевые, он ползет к Бельтайну на маневровых под прикрытием русских штурмовиков и наших корветов. На него перегнали команды двух сдавшихся фрегатов...

- А сколько их было? - оживился Фортескью.

- Шесть. Трех мы приглубили, еще один союзники разнесли. Правда, "Дестини" отлетелся, но это не главное... - она бодрилась изо всех сил.

- Понятно. Контузия? - кивнул десантник на кресло, в котором сидела Мэри.

- Она самая, - уточнять капитан благоразумно не стала, - да это пустяки, Марк, вот два корвета мы потеряли совсем, вместе с командами.

Полковник склонил голову, его примеру последовал экипаж "Дестини" и несколько секунд в рубке царила скорбная тишина. Потом Мэри встряхнулась:

- Один из крейсеров остается на орбите, два остальных сейчас отправятся в погоню. Вы сможете переправить вниз моих людей, если наши союзники доставят их на "Гринленд"? Им надо отдохнуть, подраться пришлось изрядно.

- Не прямо сейчас, но - да, сможем, - нахмурился Фортескью. - А вы?

- Саммерс уходит к Зоне Сигма. Чтобы его догнать, крейсерам придется пройти по кромке астероидного пояса. Сами понимаете, там без лоцмана не обойтись. Были б это эсминцы... - Мэри слегка развела руками.

Командующий планетарной обороной несколько секунд подумал и решительно кивнул:

- Не смею препятствовать, капитан. Какой из кораблей остается?

- Крейсер "Святой благоверный князь Глеб", - иступил в разговор Корсаков. - В данный момент на него переходят дети, размещенные на "Борисе". На орбите с ними ничего не случится, а вот в бой их тащить не стоит, сами знаете - неизбежные на войне случайности и так далее... Сделаем так, полковник: экипаж "Дестини" мы сейчас также переведем на "Глеба", потом, когда у вас будет время, вы их оттуда заберете. Сейчас я вас переключу на командира корабля, капитана первого ранга Владимира Якубовича, обговорите с ним детали взаимодействия. Вас это устраивает?

- Так точно, сэр! - вытянулся Фортескью. - Удачи вам, сэр, и еще раз спасибо!

Дубинин, успевший уже связаться с "Глебом", повелительно кивнул стоявшему неподалеку связисту, и экран погас. Мэри повернулась к своей команде:

- Давайте, ребята, время дорого. Марш собираться, я пока начну считать курс. И вот что, Джонни, не мог бы ты...

- Даже не мечтайте, капитан! - рявкнул экипаж "Дестини" в один голос и Мэри обиженно скривилась:

- Ну и подчиненные у меня... Совсем я вас распустила. Как вы с другим-то командиром летать станете?

- Там видно будет, - спокойно ответила Элис. - Желаю успеха! - Четыре пары каблучков щелкнули одновременно - сначала перед капитаном, потом перед Корсаковым и Дубининым - и бельтайнцы покинули рубку.

- Вы что-то говорили о закрытой связи, мисс Гамильтон? Можете указать частоту? - над креслом Мэри слегка склонился старший смены связистов. Капитан поджала губы, щелкнула пальцами, и понятливый лейтенант протянул ей небольшой планшет и световое перо, которым она размашисто набросала несколько кодовых групп. Связист кивнул, сунул планшет кому-то из подчиненных, и пару минут спустя на Мэри уже смотрела мать Агнесса.

Такой монахини Корсакову видеть еще не доводилось. Даже если оставить в стороне более чем странное сочетание апостольника с летным комбинезоном. Слишком живым и - слова-то другого не подберешь! - страстным при всей невозмутимости было резко очерченное, какой-то мрачной красотой красивое лицо. Ни следа благостного смирения не было ни в посадке головы, ни в едва заметном прищуре, ни в остром, внимательном взгляде.

- Мэри? Что с тобой, девочка, кто эти люди?! - монахиня говорила на кельтике, но к этому моменту Никита уже успел настроить коммуникатор.

- Это русский Экспедиционный флот, матушка, - на унике ответила Мэри. - Позвольте вам представить: командующий эскадрой контр-адмирал Корсаков. Господин Корсаков - мать Агнесса, настоятельница монастыря Святой Екатерины Тариссийской.

Никита сдержанно поклонился и удостоился ответного кивка. Между тем Мэри продолжала:

- Остатки эскадры Саммерса уходят к Зоне Сигма. Наши русские союзники намерены преследовать их, поэтому мне требуется ваша помощь.

- Схема минных заграждений? - прищурилась аббатиса, также переходя на уник. И, разумеется, данные о текущем состоянии внешней границы пояса? Ты подрядилась лоцманом?

- Ваша проницательность, матушка...

- Мэри, Мэри... Доживи до моих лет, - мать Агнесса сдержанно улыбнулась, - и никакая проницательность тебе не потребуется, достаточно будет жизненного опыта.

- Чем закончился наш рывок к Зоне Тэта, вы тоже знаете? - вскинула подбородок Мэри. Настоятельница слегка пожала плечами:

- Ну, если учесть, что ты на борту русского корабля, раненая, но совершенно спокойная... Либо ты успела пропихнуть транспорт через зону перехода, либо вам удалось отбиться. В любом случае в данную минуту никакая опасность детям не угрожает. Так я отправляю информационный пакет?

Капитан покосилась на старшего связиста, тот утвердительно кивнул.

- Отправляйте. И, матушка... я не знаю, хватит ли у Саммерса наглости попытаться напоследок навредить, но...

- Не волнуйся, дитя. На все Божья воля, и с Его помощью мы сумеем справиться - особенно если я не буду и дальше отвлекать тебя от работы разговорами.

Мягкая улыбка, благословляющий жест - и связь прервалась.

- Я помню ее простой монахиней, - задумчиво произнесла Мэри, уставившись в пространство. - В сущности, если кто-то и может претендовать на звание моей матери, так это сестра Агнесса Макинтош. - Она помолчала и решительно повернулась туда, где, по ее представлениям, находились посты навигаторов: - Вы готовы к работе, господа?

Несколько минут спустя она уже сидела перед пультом старшего навигатора, просматривала данные о габаритах и массе крейсера и строила модели на основе переданных ей характеристик ходовой части. От предложенной помощи по части обращения с незнакомыми панелями приборов она отмахнулась, пояснив, что четыре года летала на "Сапсане", и здесь все то же самое, только масштаб другой.

- И когда же, позвольте полюбопытствовать, вы летали на "Сапсане", капитан? - Савельев терпеть не мог чего-то не знать на подотчетном корабле.

- Четыре года между Корпусом и Академией, - не оборачиваясь, бросила Мэри.

- В монастыре? - старпом, судя по всему, решил, что над ним издеваются.

- В полиции, - коротко ответила капитан, косясь на выведенную на дополнительный экран схему минных заграждений. - Полиция Бельтайна летает на "Сапсанах", полученных при посредстве господина Авдеева, русского консула на Новом Амстердаме. Я отвечу на все ваши вопросы, сэр, но, пожалуйста, не сейчас. Я не знаю, как долго буду в работоспособном состоянии, а сделать предстоит много, крейсер - не истребитель и даже не корвет. - Пальцы порхали по клавиатуре, правили курс с помощью светового пера, обозначали координаты контрольных точек. За ее спиной столпились старший навигатор с помощником и оба штурмана, оттеснившие медтехника и общающиеся между собой в основном знаками. Под их быстрыми, злыми взглядами Савельев неожиданно для себя самого стушевался и решил, что подробные расспросы действительно подождут: побьют ведь, как пить дать побьют, даже на разницу в званиях не посмотрят! Время от времени выражение сосредоточенности на лице того или иного офицера сменялось веселым изумлением или азартом. Чем дальше прокладывала курс бельтайнка, тем чаще уважительно качали головами зрители. Подошел и Дубинин, ему, сгрудившись плотнее, освободили место.

- Ну вот примерно так, господа, - Мэри откинулась на спинку кресла и потерла виски. - Если я правильно представляю себе цель кораблей Саммерса, мы должны перехватить эту, с позволения сказать, эскадру до зоны перехода, причем с изрядным запасом. Вопросы?

Старший навигатор и старший штурман начали по очереди спрашивать, указывая на ту или иную точку светящейся на экране трассы. Она отвечала, попутно обозначая возможные коррекции курса в зависимости от того или иного фактора и уточняя скоростные режимы для каждого отрезка. Офицеры кивали, слышались профессиональные шутки, к собравшимся присоединился вызванный кем-то старший смены двигательного отсека. Мэри улыбалась, но Корсакова положительно не устраивало то, как она выглядит. Лихорадочный блеск глаз, теперь уже непрерывно дергающееся веко и синюшность, снова проступившая в углах рта и

у крыльев носа, выходили за все рамки его представлений о нормальном. Да и улыбка была вымученной, напряженной. Ощущая себя чуть ли не предателем, он, отойдя подальше от оживленно общавшейся группы, связался с лазаретом. Буквально через пять минут в рубку ворвался разъяренный Тищенко с изрядных размеров коробом в руках.

- Мисс Гамильтон, это сущее безобразие! - закричал он с порога. - Я разрешил вам присутствовать в рубке, но не работать! Господа, как вам не стыдно, мисс Гамильтон еле дышит! А ты куда смотрел, черт кудлатый, чтоб тебя приподняло да шлепнуло! Я тебя зачем сюда отправил, ворон считать?!

Бедняга медтехник, чьи коротко остриженные волосы тем не менее действительно завивались жесткими кольцами, бочком-бочком отходил в сторону, изо всех сил стараясь слиться с интерьером и не попасть начальству под горячую руку. Офицеры расступились со сконфуженными лицами. Мэри слабо улыбнулась:

- Извините, доктор, это моя вина. Совершенно не умею болеть...

- Придется научиться. - Тищенко уже остывал. - Так, что тут у нас? - Портативный экспресс-диагност выдал на дисплей что-то, от чего пожилой врач досадливо скривился и уже почти жалобно воззвал: - Мисс Гамильтон, ну так же нельзя, в самом-то деле! Никита Борисович, я немедленно забираю пациентку обратно в лазарет. Довольно.

- Минуточку, доктор, я хотел бы задать мисс Гамильтон несколько вопросов... - попытался было вмешаться Савельев, но мгновенно увял под испепеляющим взглядом Тищенко, который ловко опустил спинку кресла, прижал к шее Мэри крохотную ампулу, и та обмякла.

- Успеете, Петр Иванович. Успеете. Мисс Гамильтон восстанавливается исключительно быстро, верно. Но это вовсе не означает, что вы можете до бесконечности использовать в качестве источника удовлетворения вашего безразмерного любопытства женщину, которую я с огромным трудом выцарапал с того света. Уважьте хоть мою работу, в конце-то концов! Пусть поспит. Так или иначе, это уже не ее драка. Все что могла мисс Гамильтон сделала. Чем она тут еще занималась? Помимо прокладки курса? Надо думать, в переговорах с соотечественниками участвовала? Ей-богу, как дети малые...

Глава XIII

В полном соответствии с выкладками капитана Гамильтон русские крейсера вышли к Зоне Сигма до того, как туда добрались остатки эскадры Джерайи Саммерса. Конечно, пришлось немного понервничать, не без этого. Кромка астероидного пояса оказалась действительно скверным местом для полета крупных кораблей и во время первого коррекционного маневра, скрупулезно расписанного капитаном чуть ли не по секундам, в рубке царила напряженная тишина. Однако все прошло настолько гладко, что каперанг Дубинин проникся к бельтайнке глубочайшим уважением и во всеуслышание пообещал выставить ей бутылку лучшей водки из личных запасов. На ехидную подначку Корсакова - что, если мисс Гамильтон предпочитает ликеры? - Дубинин искренне возмущился:

- Пилот? Ликеры? Такой пилот? - потом сообразил, что его пытаются подколоть, разгладил усы и заявил, что раздобудет и ликеры, если потребуется, но что-то ему подсказывает, что водка будет уместнее. В крайнем случае - коньяк. Дама все-таки. Пресекая посыпавшиеся со всех сторон замечания, он высказал твердую убежденность в том, что данная конкретная дама относится к категории "дам как дам!" и он лично не советовал бы некоторым из молодых да ранних проверять упомянутую гипотезу. Во избежание. А то он тут на досуге ("Где вы его взяли, Капитон Анатольевич?" - поинтересовался Корсаков) посмотрел краем глаза программу подготовки бельтайнских пилотов... Так вот, он имеет удовольствие напомнить особо шустрым, что замена зубов, выбитых не во время боя с противником, флотом не оплачивается.

Неизвестно, как далеко зашла бы веселая перепалка в рубке, но тут датчики дальнего обнаружения засекли, наконец, противника, и всем сразу нашлось, чем заняться. Никита

даже пожалел, что не владеет бельтайнской техникой сцепки - сейчас очень пригодилась бы возможность передавать команды по "поводкам". Саммерс, должно быть, решил, что семи смертям не бывать, одной не миновать, а помирать - так с музыкой, и вблизи Зоны Сигма началось форменное светопреставление. Примерно половина тех, кто пришел с Саммерсом в систему Тариссы, решила под шумок смыться - авось не заметят, а и заметят - глядишь, не погонятся. Разумеется, это заблуждение было немедленно развеяно штурмовиками, поддержанными залпами бортовых орудий крейсеров. Однако эта суэта смазывала и без того непростую картину боя и бабушка еще надвое сказала, остались бы в самом деле в целости надстройки "Александра", но в самый ответственный момент Зона Сигма озарилась несколькими вспышками, означающими переход в реальное пространство крупных кораблей. Пиратская эскадра, обнаружившая наличие в непосредственной близости от себя не двух, как предполагалось вначале, а шести крейсеров (не считая четырех эсминцев), почла за лучшее лечь в дрейф и задраить орудийные порты. Всякое бывает, судьба - девушка капризная, да и на каторге люди как-то устраиваются...

Корсаков, изрядно уставший и мечтающий сейчас только о душе и хотя бы паре часов сна, с неудовольствием понял, что отдых откладывается. В отличие от бритья. Ибо адмирал Гусейнов, командующий четвертого крыла Экспедиционного флота, сам не был распустихой и в подчиненных несобранности на дух не переносил. Пришлось спешно приводить себя в порядок и являться пред светлые очи начальства.

Теймур Ибрагимович Гусейнов был, как всегда, черноглаз, седоус и язвителен.

- Что же это вы, батенька, Никита Борисович, так завозились? Какой-то Саммерс! Тоже мне, эскадра!

- Живым хотелось взять главаря, Теймур Ибрагимович. - Корсаков сидел в салоне "Андрея Боголюбского" и с удовольствием наблюдал, как адмирал набивает трубку. Сигар Гусейнов не признавал, считая баловством и переводом табака, но к слабостям окружающих относился терпимо, и в пальцах Никиты уже тлела благородная "Анатолия".

- А отчего же обязательно живым? Форсу ради или нашлась солнцеекая и луноликая пери, которой вы непременно возжелали сделать подарок? А цветочки либо, там, конфеточки не пробовали?

- Ох, говорила же мне упомянутая "солнцеекая и луноликая", что по скорости распространения сплетен флот уступает только борделю и монастырю, а я, дурак, посмеялся... - покачал головой Корсаков.

- Вот и зря посмеялись. Интересно, однако, она у вас курс прокладывает: бордель, монастырь, флот... Мне аж завидно, - ехидно улыбнулся Гусейнов и тут же посерьезнел: - Шутки шутками, а я ведь тут не просто так оказался. Только вы в подпространство ушли - вызов. Да откуда! С Кремля! Сам князь Цинцадзе, не кто-нибудь. Как эта планетка в сферу интересов Ираклия Давидовича попала - не знаю, только мне было велено идти сюда на форсаже и на месте приглядеть, что да как. Дескать, Никита Борисович человек молодой, горячий, помчался сломя голову, а дело непростое. Вот так-то. Что скажете, Никита Борисович, непростое дело?

- Средней паршивости. Налет пиратской эскадры на планету, эвакуация трех тысяч детей на спешно переоборудованном транспорте. Погнались, конечно. Четыре фрегата шли за ними от Бельтайна и еще два ждали у зоны перехода. Корветы сопровождения - семь малышей! - приняли бой и, кстати, выиграли его. Во всяком случае, транспорт был очищен от абордажных капсул и готов уйти в подпространство на маневровых, но тут появились мы. Чего я не понимаю - как планета, о ВКС которой легенды ходят, осталась совсем без защиты. Одна орбитальная крепость и - на момент нападения - один боевой пилот, вот эта самая... гм... пери. Кстати, если я правильно понял, послать сигнал бедствия было именно ее идеей.

- Вот даже как? Я вам так скажу, Никита Борисович: умная женщина - редкая драгоценность. И опасная. М-да. Она хоть хорошенькая?

Корсаков извлек из футляра кристалл с записью:

- Желаете посмотреть в статике или в динамике, Теймур Ибрагимович?

- В динамике, конечно! Что мне статика...

Никита ухмыльнулся и включил воспроизведение. На экране возник борт транспортного корабля, усеянный абордажными капсулами, и корвет, проносящийся над самой обшивкой. Капсулы исчезли, сметенные выхлопом маршевых двигателей, транспорт остался неповрежденным. Показ остановился. Гусейнов медленно положил трубку в пепельницу:

- А ну-ка, еще раз! И помедленнее!

Корсаков повиновался. Адмирал покачал головой и несколько преувеличенно вздохнул.

- Ну, Теймур Ибрагимович, что скажете? - не удержался Никита. - Хороша?

- Ах, - темпераментно всплеснул руками Гусейнов, - свет очей! - и снова потянулся за трубкой. - А в статике что?

Голографический снимок из досье капитана Гамильтон занял место кораблей. Адмирал всмотрелся, пошевелил губами, то ли систематизируя кресты и звезды, то ли просто считая невозможным для занимаемого положения выражать эмоции вслух, одобрительно покивал и решительно подтвердил:

- Красавица.

- Это еще что, - сказал Корсаков, убирая кристалл обратно в футляр. - Если хотите, я вам перешлю копию того курса, который она для "Александра" рассчитала. Навигаторы преклоняются, штурмана благоговеют, Дубинин грозитя лучшей водкой поделиться...

- А что ж не привели, Никита Борисович? Хоть бы познакомили. Или боитесь, что старик Гусейнов не так уж и стар? - насмешливо прищурился командующий.

- Я бы привел, - помрачнел Корсаков, - но она сейчас в лазарете, а с доктором Тищенко спорить...

- Это верно, Станислав Сергеевич человек серьезный. А почему в лазарете? Что там такое, что сам Тищенко до сих пор не справился?

- Видите ли, бельтайнские пилоты используют в бою такую химию, что Тищенко при одном упоминании волком смотрит и рычит, спасибо, хоть не кусается. А у химии есть ограничение: при малейшем кровотечении или недавнем повреждении кожи ее использовать нельзя, даже если кошка поцарапает. Так что несколько дней в месяц бельтайнки - у них пилоты исключительно женщины - воевать не могут. А я уже говорил, боевой пилот на планете был один-единственный, в лице мисс Гамильтон. Остальные - пенсионеры-резервисты. Детей надо было спасать, других кандидатур попросту не нашлось, вот капитан и наплевала на запреты. Вы бы видели ее нательный комбинезон, выжимать можно было. Насилу откачали.

- Дела, - Гусейнов встал, прошелся по салону, остановился возле иллюминатора, побарабанил пальцами по стеклу.

- Да тут другое плохо, Теймур Ибрагимович. По их уставу за такое расстрел полагается. Если она своим медикам попадется до того момента, пока уже нельзя будет по составу крови точно определить, что там было, чего не было...

Адмирал пристально взгляделся в собеседника, понял, что тот и не думал шутить, и тихонько помянул шайтана.

- То-то я смотрю: вроде бы раньше Никита Борисович в адмиральскую каюту гостей не зазывал... Расстрел? Боевой офицер принял неравный бой с превосходящими силами противника, спас - сколько? Три тысячи? - детей, и за это ему не ордена и дворянство, или что там у них, а смертная казнь?! За нарушение пункта устава?!

- Уставы кровью писаны, ваше высокопревосходительство, вам ли не знать... - поморщился Корсаков.

- Знаю. Устав - дело хорошее, правильное дело, но в данном случае... я вас всецело поддерживаю, выручайте капитана. Икра-то у вас есть? Нету? А гостью после кровопотери чем потчевать собрались? Эх, молодо-зелено...

Когда час спустя Корсаков, нагруженный черной икрой и десятком доставленных аж с

самой Земли гранатов (Гусейнов утверждал, что настоящие, правильные гранаты растут только на родине его предков) добрался до "Александра", ему доложили, что Джерая Саммерс арестован и требует суда. Смертельно уставший Никита, пробормотав что-то вроде: "Каков наглец!", заявил вахтенному, что отправляется спать, а что делать с Саммерсом - пусть решает мисс Гамильтон. Запереть мерзавца, выставить охрану и пускай посидит, поразмыслит над своими перспективами. Оставив эскадру Гусейнова улаживать дела с захваченными кораблями и их командами, "Александр" и "Борис", уже никуда не торопясь, двинулись к Бельтайну.

Проснувшись, Корсаков первым делом наведалься в рубку. До планеты оставалось около четырех часов хода. С "Глеба" сообщили, что спуск детей на поверхность начался и проходит без осложнений. "Сент-Патрик" прошел около пятнадцати процентов пути. Сопровождающие штурмовики двигаются в режиме автопилота. Каперанг Якубович испрашивает разрешения по окончании высадки детей оставить на орбите количество штурмовиков, идентичное сопровождающим "Сент-Патрик", и выдвинуться навстречу транспорту: автопилот автопилотом, но люди устали. Разрешение тут же было дано. Сообщение от премьер-лейтенанта Донахью лично для адмирала: "Медики встретили у трапа". Ответа не требуется.

Разобравшись с текущими делами, Никита поинтересовался местонахождением старшего помощника и ничуть не удивился, услышав, что Петр Иванович в лазарете, навещает капитана Гамильтон. Поражаясь самому себе, он не стал задерживаться в рубке ни секунды сверх действительно необходимого, и при первой же возможности отправился туда же. Первое, что Корсаков услышал, войдя в указанный куда-то спешащим медтехником коридор, был взрыв хохота. Он остановился, не дойдя до открытой двери, и прислушался:

- Ну сами посудите, Петр, - обращение к старпому по имени почему-то неприятно кольнуло контр-адмирала, - как должен поступить истинный джентльмен, если у пьяной в дым красотки отказывают ноги в непосредственной близости от него?!

- Разумеется, предложить свою помощь, - судя по голосу, Савельев улыбался до ушей. - Подать руку, поддержать...

- Именно! Именно это он и сделал! - похоже, капитан Гамильтон изо всех сил старалась не рассмеяться раньше времени. - А у меня на пальце перстень был. Тяжелый такой, с крупным, грубо ограненным камнем. Конечно, я оцарапала беднягу! И Келли, умница, тут как тут - тебе, мол, надо проветриться, Аманда, не пройти ли тебе в дамскую комнату! Ну, я и пошла. А в сумочке-то анализатор, и ДНК-грамма соответствующая загружена! В общем, через десять минут в переносицу господина ван Хоффа упирался пистолет Келли, а в затылок - мой. Тем все и кончилось. Чистой прибыли за один приятно проведенный вечер - помимо задержания - четыре с половиной тысячи фунтов и шляпа.

- Какая еще шляпа?! - еле выдавил старпом, безуспешно пытающийся сдержать рвущийся наружу смех.

- У ван Хоффа отобрала. Трофей, как ни крути! - теперь уже оба собеседника хохотали, причем так заразительно, что настроение Никиты, подпорченное было приятельскими интонациями его гостя по отношению к Савельеву, моментально исправилось.

- Я вижу, мисс Гамильтон, вам уже лучше? - сказал он, заходя в небольшой двухместный отсек.

- Благодарю вас, господин Корсаков, значительно, - ответила Мэри, сидящая на койке, скрестив ноги и опираясь спиной на две подушки.

- Капитан Гамильтон рассказывает мне о своей службе в планетарной полиции Бельтайна, - пояснил Савельев, вставая с другой койки, на краю которой он только что сидел. - Поскольку капитан собирается в самое ближайшее время выйти в отставку, я намерен предложить ей работу...

- Только в том случае, если эта самая работа не понадобится моей родной планете, господин Савельев. Надеюсь, вы понимаете, - Мэри говорила мягко, но твердо. - Тем не менее спасибо за предложение, я буду иметь его в виду. Боевым пилотам не так-то просто

привыкнуть к штатскому существованию, уж поверьте второму лейтенанту полиции...

- Верю, мисс Гамильтон. А теперь разрешите откланяться, - Савельев с достоинством кивнул и вышел, послав напоследок Никите весьма выразительный взгляд. Понятно, старпома распирает информация, которой он непременно желает, поделиться с контр-адмиралом.

Корсаков присел на освободившуюся койку и внимательно осмотрел свою гостью. Бельтайнка выглядела вполне нормально, свободная поза отличалась от деревянной посадки в гравикресле как небо от земли.

- Вы действительно хорошо себя чувствуете? - задал он, наверное, банальнейший из всех вопросов, но надо же было как-то начать разговор.

- Вполне, - улыбнулась Мэри. - Более того, господин Тищенко тоже полагает, что я хорошо себя чувствую, что, согласитесь, гораздо важнее.

- Вы совершенно правы, мисс Гамильтон. Доктор Тищенко - тиран, каких поискать, и не будь он совершенно уверен в вашем благополучии... Ну, раз уж вы себя чувствуете достаточно здоровой, могу ли я надеяться, что вы присоединитесь ко мне за обедом? Скажем, через час?

- Почту за честь, господин Корсаков, - улыбка почему-то стала чуть напряженной, но Никита решил, что разберется с этим позднее.

- В таком случае, я вынужден вас покинуть. Есть некоторое количество дел, которые мне следует уладить до обеда, чтобы я уже мог не отвлекаться от вкусной еды и приятного общества, - с этими словами он поднялся на ноги, поклонился, и отправился на поиски Савельева, попутно отдавая через коммуникатор распоряжения накрыть обед на двоих в адмиральском салоне через час.

Мэри, задумчиво прищурившись, смотрела на опустевший дверной проем. Что-то... не то чтобы неладное, нет, но предельно странное творилось в ее голове. Мысли, роившиеся там, как потревоженные пчелы, вообще не должны были возникать у действующего бельтайнского пилота.

И эта разогретость мышц без всякой физической нагрузки... и явственно ощущаемое перераспределение крови в организме... Тищенко врач, причем из тех, кто никакие приказы как-то воздействовать на пациента (даже если предположить наличие этих самых приказов) выполнять не будет, так что мысль о том, что после его вмешательства в ее теле что-то прибавилось, смело можно отбросить. Значит, что-то убавилось. Что?

Разумеется, Савельев обнаружился у выхода из лазарета и, разумеется, он разве что ногти не грыз от нетерпения.

- Не здесь, Петр Иванович, - негромко произнес Никита, кивая на невозмутимого вахтенного. - И так уже все четвертое крыло в курсе наличия у меня гостьи. Мисс Гамильтон настолько часто оказывается права, что это даже начинает утомлять. Идемте в мой кабинет, у меня есть полчаса до того, как надо будет готовиться к обеду.

Вызванная предусмотрительным старпомом машина уже через несколько минут доставила их к дверям адмиральских апартаментов.

- Она действительно служила в полиции, Никита Борисович! - выпалил Савельев, едва за их спинами закрылась звуконепроницаемая дверь. - Я все проверил, связался с генералом Авдеевым... Видели у мисс Гамильтон татуировку на левом предплечье? Цифры "022"? Это ее позывной. Имени бельтайнского аналитика, вычислившего ван Хоффа, не знал даже Авдеев, пока я не влез со своими вопросами. Но позывной ему назвал тамошний командующий полицейскими силами, и Михаил Алексеевич до сих пор находится под впечатлением... как же это он выразился... филигранной работы ноль двадцать второго. История ареста на Бельтайне Эрика ван Хоффа широко известна в узких кругах, вы понимаете, о чем речь, - но я даже мечтать не мог услышать когда-нибудь подробности от непосредственного участника событий. Совершенно сумасшедшая планета! Доверить четырнадцатилетней девчонке "Сапсан"...

- Повторите, сколько ей было лет?! - Опешивший Никита привстал было и снова упал в

кресло.

- Вы не ослышались, четырнадцать. В этом, по любым меркам нежном, возрасте она осуществляла патрулирование и сажала корабли работорговцев и наркодилеров. На фоне этого полеты в астероидном поясе выглядят детскими играми на лужайке. А когда ей было шестнадцать, преступники получили в свое распоряжение корабельные орудия и зенитные установки, доставленные на планету при посредстве упомянутого ван Хоффа. Канал поставки надо было перекрыть, и эта девочка мало того что выяснила, чьими руками налажен ввоз вооружений, она сообразила, где в конкретный отрезок времени следует ожидать появления главного действующего лица, и арестовала его. Кавалерист-девица Дурова, прости господи! И при всем этом она готовилась к поступлению в Академию, сдавала экстерном экзамены по программе первых двух ступеней и продолжала гонять челноки и рудовозы от шахт до монастыря и от монастыря до базы "Гринленд". Нет, как вам это поправится: ее сверстницы бегали на танцуйки и свидания, присматривали женихов, учились домоводству под приглядом маменек. А у мисс Гамильтон были долг, честь и ответственность, труднейшая работа в двух местах сразу - и ничего больше. Вообще ничего. Любая крестьянка времен крепостного права имела больше свободы в выборе образа действий, в крайнем случае, она могла утопиться, а выращенные Линиями дети даже этого не могут по определению, не так воспитаны. Слышали девиз: "Я живу, чтобы служить"? Тут покруче будет, они не только живут, чтобы служить, они рождены для служения, зачаты для него. Пары родителей - правильное было бы сказать, производителей - подбирает Генетическая Служба. В учебный центр - в двухмесячном возрасте. В пять лет - Испытания, и чем лучше ребенок себя проявил, тем меньше интересуются, чего хочет он или его родители. Отобрали для службы в ВКС - пожалуйста на операционный стол, импланты вживлять. Имплантация проходит успешно в шестидесяти процентах случаев. Остальные сорок - некондиция, отработанный материал, похоронить, забыть и рожать новых. Это, кстати, и произошло со старшей сестрой Алтеи Гамильтон, матушки мисс Мэри. На Бельтайне даже не существует такого понятия, как боевая награда: все, что украшает парадную форму пилота, он получает только и исключительно от нанимателей. Родная планета любой подвиг, любое самопожертвование воспринимает как должное, как обыденность, не стоящую того, чтобы быть замеченной и оцененной. Средневековое какое-то, воинствующий орден... И заметьте, в этой практике подготовки кадров мисс Гамильтон смущают только две вещи: растущая социальная напряженность, вызванная разделением общества на линейных и нелинейных, и, как офицера полиции - недостаточно продуманная система адаптации отставников. Сумасшедшая планета.

- М-да... - Корсаков откинулся на спинку кресла и задумчиво прищурился, глядя куда-то мимо собеседника. - Однако при этом на выходе они имеют таких специалистов, что у простых смертных, вроде вас с Дубининым, да и меня, и адмирала Гусейнова, глаза на лоб лезут.

- Лезут, - легко согласился Савельев. - Но скажите, Никита Борисович, положу руку на сердце: вы бы хотели видеть на месте мисс Гамильтон свою дочь или сестру? Нет? И я бы не хотел.

Памятуя о том, что его будущая сотрапезница обладает лишь тем гардеробом, который может ей выделить корабельный каптернамус, Никита благоразумно решил оставить парадный китель в шкафу. Правду сказать, он не отказался бы покрасоваться перед мисс Гамильтон во всем блеске, но прекрасно сознавал, что может смутить гостью столь явно подчеркнутой разницей в возможностях продемонстрировать статус. Пусть будут форменные брюки и белая рубашка. Галстук... нет, не стоит. И верхнюю пуговицу рубашки расстегнуть. Отражением в зеркале он остался доволен. Молод, хорошо сложен, седина на висках вполне уместна. Выбрит до синевы уже, слегка пьян скоро будет... Кстати, о выпивке.

Выйдя в салон, Корсаков полюбовался на накрытый стол и добавил к стоящим на отдельном небольшом буфете напиткам несколько бутылок красного вина. Планета Крым

исправно снабжала империю великолепными винами любого цвета, крепости и сладости, от соломенно-золотистого брюта до густого, почти черного портвейна, но Тищенко категорически порекомендовал приготовить для пациентки красное полусухое. Гранаты заняли почетное место на блюде с фруктами, икра была разложена по крохотным таралеткам. Он вынул пробки из пары бутылок, чтобы дать вину возможность подышать. Все было в полном порядке, начиная от закусок и заканчивая десертом. Правда, сервировка... М-да, сервировка. Знает ли она, как пользоваться всеми этими приборами и бокалами? Вряд ли ее этому учили... Может быть, пока не поздно, спрятать лишнее? Никита покосился на часы. До прихода мисс Гамильтон оставалось меньше минуты, не хватало еще, чтобы его застали за суетливой уборкой. Не успел он об этом подумать, как дверь отворилась и его гостья возникла на пороге. За ее спиной маячил вахтенный, который, должно быть, и довез ее от лазарета. Жестом отпустив сопровождающего, Никита с улыбкой двинулся навстречу Мэри. Дверь закрылась за ее спиной. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом дружно расхохотались: на бельтайнке были надеты форменные брюки и белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей.

- Прошу к столу, мисс Гамильтон, - сказал хозяин салона, - надеюсь, вам понравится обед. Как вы полагаете, мы справимся сами, без обслуживающего персонала?

- Разумеется, справимся, - отозвалась Мэри, опускаясь на придерживаемый Никитой стул с таким привычным достоинством, как будто всю жизнь обедала исключительно в дорогих ресторанах. С первых же минут застолья все сомнения Никиты развеялись, как дым. Никаких проблем с использованием нужных приборов у его визави не было. Должно быть, до конца скрыть свое удивление он не сумел, потому что после нескольких ничего не значащих фраз (как же трудно начинать застольную беседу на космическом корабле - о погоде-то не поговоришь!) Мэри посмотрела на него в упор и тихонько рассмеялась.

- Судя по всему, господин Корсаков, вы не ожидали, что капитан наемного флота умеет вести себя за столом, накрытом по всем правилам высокого искусства?

- Виноват, мисс Гамильтон. Мне следовало лучше следить за лицом.

- Не извиняйтесь. В чем-то вы правы, в программу подготовки боевых пилотов этикет входит только в той степени, которая может понадобиться в повседневной жизни простого обывателя, то есть практически ни в какой. Разумеется, все, что касается отношений старшего и младшего по званию и общения с союзниками и нанимателями, преподается в полном объеме, а остальное отсекается по принципу бритвы Оккама. Вы же понимаете, абсолютно все знать невозможно.

- Надеюсь, в таком случае, что вы простите мое любопытство... разумеется, если это не тайна.

- Никакой тайны, господин Корсаков, - начала Мэри, но Никита ее перебил:

- Быть может, нам имеет смысл обращаться друг к другу по имени?

- Как вам будет угодно, Никита. Мне это тоже кажется разумным, но, согласитесь, такого рода предложение должно исходить от старшего по возрасту и званию.

Никита почему-то почувствовал себя задетым. Уж не считает ли она его стариком?! Тем временем Мэри продолжила как ни в чем не бывало:

- Вернемся к этикету. Уже довольно давно, когда я только начинала свою карьеру, одна весьма умная и высокопоставленная женщина посоветовала мне изучить правила этикета, принятого в высших кругах тех государств, которые могут пожелать воспользоваться моими профессиональными услугами. Честно говоря, Российская империя по вполне очевидным причинам в составленный мною список не входила, но правила поведения за столом в Бурге, Венецианской Республике и, скажем, Скандинавском союзе примерно одинаковы. Так что у меня были некоторые основания полагать, что и за столом русского контр-адмирала я не опозорюсь. - Как Никита уже имел возможность заметить, улыбка преображала лицо Мэри, делая его мягче и женственнее. Пока она не улыбалась, ее вполне можно было принять за молодого мужчину. Хотя нет, губы были все-таки женскими. Ох, что-то его не туда повело... Чтобы скрыть смущение, он задал вертевшийся на языке вопрос:

- Скажите, а эта умная и высокопоставленная женщина... вы говорите о вдовствующей императрице Лин Юань?

- Совершенно верно. Ее величество удостоила меня аудиенции по окончании церемонии награждения, дала совет, о котором я вам уже рассказала, и даже предположила, что возможно однажды мы с ней встретимся на равных. Не думаю, что это когда-либо произойдет, но предложение изучить этикет показалось мне дельным. Во всяком случае, когда меня представляли дожу, я точно знала, сколько шагов следует сделать и как именно поклониться. Венецианцы были в восторге. - Мэри снова улыбнулась своим воспоминаниям.

Обед продолжался. Никита со вздохом признался, что ему не часто удается вот так, никуда не торопясь, насладиться трапезой и нашел в лице Мэри полное понимание и сочувствие. Чуть ли не впервые в жизни он мог говорить с дамой за обедом о чем угодно, не опасаясь наскучить собеседнице. Да и объяснять через слово используемую терминологию не приходилось. Напротив него сидел, смакуя запеченную телятину, собрат-офицер, а то, что этот офицер был женщиной, только добавляло вкуса изысканному соусу.

Когда с горячим было покончено, Никита предложил Мэри перебраться из-за стола на диван, дабы отдать должное десерту в более непринужденной обстановке. Здесь Мэри впервые замешкалась: как правильно есть гранаты, она не знала, потому что видела их впервые и жизни. Никита этого не знал тоже, и они решили, что будут действовать, как получится, и никому об этом не скажут. Каким-то чудом Мэри ухитрилась поймать несколько рубиновых капель сока до того, как они безнадежно испортили рубашку, но перемазалась она при этом... Никита с трудом сдерживался, чтобы не предложить свои услуги, рука с салфеткой почти сама собой потянулась к подбородку девушки и он еле успел придержать ее и сделать вид, что просто хотел положить салфетку на столик. Лгать самому себе он не собирался, Мэри Гамильтон волновала его как женщина, но пока что он слабо представлял себе, как она отреагирует на его попытку поухаживать.

Чтобы чем-то занять руки, он попросил разрешения закурить и получил его при условии, что предложит сигару и даме. Мэри по достоинству оценила аромат незнакомого табака, заметив лишь, что "Восход Тариссы", к которому она привыкла, не столь крепок, да и сама сигара тоньше. Никита со смехом заявил, что если его гостя не осилит "Анатолию" целиком, она может, если пожелает, для каждой затяжки раскуривать новую сигару, был шутливо обвинен в мотовстве и охотно согласился с этим. Нет, положительно, вечер удался на славу. Приятная беседа, сигара, коньяк... Только почему-то в салоне стало заметно жарче. Система терморегуляции сбоит или он просто выпил больше, чем следовало? А может быть, дело в том, что взгляд, будто намагниченный, все время соскальзывает к распахнутому вороту рубашки сидящей неподалеку женщины? Вот в этом и заключается главный недостаток дружеской беседы - перенести ее в плоскость флирта совсем непросто...

Судя по всему, Мэри заметила и взгляды, которые бросал на нее исподтишка собеседник, и внезапно возникшую напряженность, но истолковала их по-своему. Безуспешно попытавшись найти в зоне досягаемости качественную отражающую поверхность, она, наконец, решительно обратилась к Никите:

- Простите, у вас здесь не найдется зеркала?

- Зеркала? - удивленно переспросил он. - Зачем вам зеркало? Поверьте, Мэри, вы прекрасно выглядите!

- Видите ли... - Мэри замялась, - у меня создалось впечатление, что либо с моим лицом, либо с одеждой что-то не в порядке. Вы так пристально смотрите...

А, была не была!

- Я смотрю на вас, потому что вы мне нравитесь. Вы удивительная женщина, капитан Гамильтон, мэм, - Никита старался говорить легкомысленным тоном, но глаза оставались серьезными. - Я благодарен судьбе за то, что она позволила мне встретить вас и, пусть совсем недолго, наслаждаться вашим обществом.

Мэри окинула его долгим внимательным взглядом, встала с дивана и отошла к иллюминатору. За толстым, абсолютно прозрачным стеклом плыл шар Бельтайна, на орбиту

которого крейсер вышел где-то между телятиной и коньяком.

- В Нью-Дублине ночь, - произнесла она невпопад, и Корсаков, поднявшись на ноги, решился:

- Мэри, мы оба офицеры, ни одному из нас не принадлежат ни его жизнь, ни его смерть; нас обоих ведет за собой долг перед нашими государствами. Совсем скоро вы спуститесь на Бельтайн и будете участвовать в восстановлении родной планеты, а я вернусь в империю и после отпуска снова уйду в рейд. Возможно, мы встретимся снова, и очень скоро. Возможно, не встретимся никогда. Но сейчас в Нью-Дублине ночь, и я хочу, чтобы вы разделили ее со мной.

Мэри молчала так долго, что Никита потерял всякую надежду не только на согласие, но даже на ответ. Однако извиниться он не успел - она заговорила, глухо и безучастно, не оборачиваясь и водя пальцем по стеклу иллюминатора:

- У меня есть встречное предложение, Никита. Я рекомендую вам подождать до спуска на Бельтайн. Ведь вы же спуститесь? Наверняка Совет будет рад приветствовать командующего союзников, и потом, этого требуют правила уже обсуждавшегося сегодня этикета...

- Разумеется, я спущусь, - осторожно согласился Никита, - но почему вы заговорили об этом?

- Видите ли, - Мэри на секунду оторвалась от созерцания планеты, послала ему странную, как будто замороженную улыбку, и снова повернулась к иллюминатору, - я не могу говорить обо всей Галактике, но в Лиге Свободных Планет самыми красивыми женщинами официально признаны бельтайнки. К сожалению, это правило не распространяется на пилотов, красота не относится к тем признакам, которые призваны передавать по наследству подбираемые генетиками пары. Но даже по меркам пилотов я некрасива. Это не кокетство, - покачала она головой, пресекая вырвавшиеся было у Никиты возражения, - обычная констатация факта. Когда вы ступите на Бельтайн, вас встретят самые красивые женщины на три десятка парсеков окрест. Давайте договоримся так: если и после этого вы захотите повторить мне то, что сказали только что, я приму ваше предложение. Принять его сейчас было бы с моей стороны нечестно. Я не хочу быть нечестной. По отношению к вам - не хочу.

Двумя шагами Никита преодолел разделяющее их расстояние, за плечи, осторожно, но решительно, развернул Мэри лицом к себе. Сильные пальцы сжали, приподнимая, подбородок:

- А эти женщины, о которых вы говорили... Эти красавицы... Они могут рассчитать курс крейсера или смести выхлопом маршевых двигателей абордажные капсулы?

Мэри, не делая попытки высвободиться, смотрела ему прямо в глаза:

- Разумеется, нет, - судя по тону, которым это было сказано, самая мысль о подобной возможности показалась ей нелепой. Жесткие губы Никиты были совсем близко, так близко, что дыхание обожгло ее кожу:

- Так я и знал, что ты попытаешься подсунуть мне дурнушку.

Мужчина, женщина, приглушенный свет, сброшенная одежда. Парение между сном и явью, между вчера и завтра, между фактом и вымыслом, между белым и черным, между звуком и тишиной...

- Я сделал тебе больно? - мужчина осторожно гладит голову женщины, уже начавшую покрываться микроскопическим ежиком. Кончики волос колот ладонь, ему щекотно и он слегка улыбается.

- Нет. А я тебе? - женщина проводит подбородком по плечу мужчины, где проступают пятна следов от вцепившихся пальцев.

- Нет. Мэри, почему ты мне не сказала?

- А если бы сказала? Что бы это изменило?

- Это изменило бы все.

- Вот именно поэтому и не сказала, - женщина шевелится, пытаясь устроиться

поудобнее. Сибаритски-просторный, для двоих широкоплечих диван все же узковат. - Боюсь, я испортила обивку...

- К черту обивку! Послушай, я...

- Никита, - пальцы женщины предостерегающе накрывают губы мужчины. - Ты слишком много думаешь о том, что могло бы быть. А я живу здесь и сейчас. Или не живу, - она слегка пожимает плечами. - Может быть, я умерла, тогда, на шестой палубе, и все это - последняя вспышка активности угасающего мозга. И сейчас откроется вон та дверь и на пороге встанет Петр-ключарь. Впрочем, надеюсь, что нет. Старик будет шокирован, к тому же я сейчас не в той форме, чтобы даже просто рассказать кому-нибудь о своей жизни, не говоря уж о том, чтобы как-то оправдаться. Да и не хочу я оправдываться. Не уверена, что Господу нужны мои оправдания, хотя мать Альма, прежняя аббатиса, не согласилась бы со мной. Знаешь, на Бельтайне живет один старый упрямец... надеюсь, что все еще живет. Так вот, он сказал однажды: "Бог, поди, не дурак". Мне было тогда четырнадцать лет, но я запомнила его слова. Потому что очень хотела верить, что именно так и обстоит дело. Как ты думаешь, он прав?

- Не знаю. Но в одном я уверен: ты жива. И если кто-то сейчас сунется в ту дверь, это точно будет не апостол Петр. И я запущу в него... - мужчина шарит свободной рукой возле дивана, - вот этим ботинком.

- А чей это ботинок? - интересуется женщина. Философское настроение оставило ее, в голосе слышатся игривые нотки.

- Понятия не имею. А какая разница?

- Да, в общем, с точки зрения физического воздействия на вошедшего почти никакой... но если мой, советую поискать получше, в твоих апартаментах у меня только одна пара обуви, не ходить же мне босиком!

- А куда это ты собралась идти? - мужчина неуловимым плавным движением поднимается и легко подхватывает женщину на руки. - Ты всерьез полагаешь, что я позволю тебе воспользоваться для перемещения в спальню твоими ногами? А для чего в таком случае нужны мои?

Глава XIV

Оставив спящую Мэри досматривать сны - судя по легкой улыбке на припухших губах, приятные, - Никита бесшумно встал, оделся и отправился было в рубку, но передумал и прошел в кабинет. Никакой застенчивостью он сроду не страдал, но то, что произошло накануне, было слишком личным, и он не хотел расплескать ощущение восторга пополам с мягкой грустью. Однако если даже ты попытаешься забыть об окружающем мире, это вовсе не означает, что окружающий мир забудет о тебе. Первое, что он увидел, опустившись в кресло, был сигнал вызова, мигающий на экране большого коммуникатора. Мысленно поблагодарив подчиненных за деликатность - могли ведь и на клипсу сбросить, - он закурил и прикоснулся к сенсорной панели, принимая сообщение.

- Доброе утро, Никита Борисович, - невозмутимо поздоровался Дубинин. - Простите, что беспокою вас, но с нами от имени Совета Бельтайна связался командующий планетарной обороной полковник Фортескью. Внизу готовят торжественную встречу и спрашивают, готовы ли вы прибыть на поверхность через... - он покосился на хронометр, - через три с половиной часа. В качестве места для посадки указан запасной космодром, Центральный космодром сильно пострадал в результате орбитальной бомбардировки. По нашим расчетам, спуск и корректировка по месту назначения займут около двух часов.

Никита мысленно прикинул, прошли ли уже двое бельтайнских суток с того момента, как Мэри вступила в бой. По всему выходило, что почти прошли. Да еще время до встречи. Да еще черта лысого он кому-либо позволит сразу ее куда-то тащить.

- Передайте на Бельтайн, что я буду на планете в назначенное время.

Дубинин помялся:

- Никита Борисович, полковник спрашивал, прибудет ли вместе с вами мисс Гамильтон, и я взял на себя смелость сказать, что, по моим сведениям, она намеревается спуститься одновременно с вами.

Никита поморщился.

- Если я позволил себе лишнее... - встревожился каперанг, но Корсаков только махнул рукой:

- Не беспокойтесь, Капитон Анатольевич, вы все сделали правильно. Приготовьте адмиральский катер и два катера охраны, мы вылетаем через полтора часа. Вы и Петр Иванович также летите на Бельтайн. И передайте Чабанову и Якубовичу, чтобы они присоединились к нам.

- Они уже на борту, ждут ваших распоряжений.

- Отлично. - Иногда, вот как сейчас, Никита думал, что его эскадре, в общем-то, не нужен командир, старшие офицеры прекрасно справлялись со своей задачей и без него.

Заметив, что командующий собирается прервать связь, Дубинин торопливо добавил:

- С поверхности доставили посылку для мисс Гамильтон. Прикажете принести в салон?

- Несите, - кивнул Никита, - и заодно пришлите уборщиков.

Через несколько минут (он как раз успел собрать и забросить в спальню раскиданную по салону одежду) ему вручили приличных размеров и довольно увесистую коробку. Она не была запечатана, просто закрыта крышкой, и он с трудом подавил желание открыть ее и заглянуть внутрь. Пришлось самым категорическим образом напомнить себе, что любопытство сгубило кошку. Дождавшись ухода уборщиков, которые справились со своей задачей с почти немыслимой быстротой, Никита отворил дверь в спальню и ничуть не удивился, обнаружив, что постель пуста. Из душевой доносился плеск воды, и он позавидовал своей гостье: сам он, боясь разбудить ее, только наскоро обтерся влажной простыней. Вода престала шуметь и на пороге появилась Мэри, завернутая в полотенце.

- Привет, - несколько скованно поздоровалась она, и Никита поймал себя на том, что тоже смущен и не знает, что сказать и куда девать руки.

- Привет. Тут для тебя с планеты передали... - он протянул ей коробку, дожидавшуюся своего часа на краю кровати. Мэри приподняла брови, получше закрепила полотенце, уселась на кровать, поставила коробку между ними и сняла крышку. Внутри обнаружился берет с начищенной кокардой, лежащий поверх тяжелого от орденов кителя. Под ними, судя по всему, были остальные элементы парадной формы капитана... э, нет. Судя по погонам майора Гамильтон.

- Даже так... - протянула Мэри с кривой улыбкой. - Знаешь, что это такое? - она ткнула пальцем в погон.

- Тебя повысили в звании, - пожал плечами Никита, - С моей точки зрения - вполне заслуженно. Поздравляю.

- Это отставка, Никита. Почетная, да. Но даже не резерв. Чистая отставка. Черт... Что там вообще происходит?! Послушай, мне надо вниз.

- Мне тоже. - Настроение Мэри предалось Никите, он нахмурился. - Спустимся вместе. Нам там готовят торжественную встречу, и я хочу, чтобы во время церемонии ты была рядом со мной. Командующий союзников поблизости и три крейсера на орбите... Что бы там ни происходило, повредить тебе не смогут. Не посмеют, - он хотел сказать что-то еще, но наткнулся на мрачный взгляд исподлобья:

- Никита, ты хорошо подумал, прежде чем говорить? Это мой дом. Мои соотечественники. Мое командование. Что бы они ни решили в отношении меня, они имеют на это полное право. Они - имеют. Ты - нет. Даже думать забудь кому-то грозить или делать прозрачные намеки. Я сама разберусь, ясно?

Никита, которого уже давно никто даже не пытался поставить на место, только кивнул.

- Впрочем, во всем этом есть и положительная сторона, - продолжила Мэри, закрывая коробку и хлопая ладонью по крышке.

- Какая? - хмуро поинтересовался Корсаков.

- В последний свой прилет я оставила парадную форму в офицерском общежитии при Центральном космопорте. Космопорт, как мне показалось с орбиты, разнесли вдребезги, но, видимо, что-то уцелело, иначе откуда бы они взяли китель? Значит, все не так уж плохо, как бы эгоистично это ни звучало. Ладно, все. Мне пора одеваться, да и тебе тоже. Давай ты пройдешь в душевую, тебе же еще побриться надо.

Никита вздохнул, поднялся с кровати, достал из шкафа парадную форму и скрылся в душевой. Она опять была права и это опять начало утомлять.

Сорок минут спустя он вышел из душевой, обнаружил, что постель аккуратно застелена, а спальня пуста, и выглянул в салон. Мэри стояла у того же иллюминатора, что вчера, и так же смотрела на Бельтайн. Все было по-прежнему и все изменилось. Осанка, посадка головы, заложенные за спину руки - во всем чувствовалась холодная отчужденность. Услышав шорох закрывающейся двери, она повернулась лицом к Никите, опустив руки по швам, и он, в который раз, понял разницу между голографическим изображением и реальностью. Снимок даже наполовину не передавал ауру славы, силы и чести, окружающую сейчас майора Гамильтон. У иллюминатора стоял, спокойно и прямо глядя на него, боевой офицер во всем блеске наград и заслуженной репутации. Женщина исчезла без следа, словно приснились ему стискивающие плечи пальцы и горячий шепот. Мэри отточенным жестом вскинула два пальца правой руки к берету, Никита столь же официально ответил на приветствие, указал на дверь, пропустил ее вперед и вышел следом. Говорить было не о чем.

Бок о бок они подошли к машине, за пультом управления которой сидел умирающий от любопытства вахтенный. Если что-то и могло в эту минуту улучшить настроение Никиты, так это смена выражения лица водителя, который как будто даже поперхнулся при виде гостя командующего. С несколько мрачным удовлетворением Корсаков подумал, что теперь навряд ли кто-то станет трепать ее имя - слишком очевидным был тот факт, что в адмиральских апартаментах гостила отнюдь не девка. Болтать, конечно, будут, люди есть люди, но вот скабрзность из болтовни выметет как по мановению волшебной палочки. Любой из тех, кого видел сейчас Никита в коридорах, по которым проезжала машина - а было там раза в три больше народу, чем обычно, - без разговоров вцепится в глотку всякому, кто посмеет без должного почтения отозваться о майоре Гамильтон.

У шлюза, к которому был пристыкован адмиральский катер, их встретили Дубинин, Савельев, доктор Тищенко и почему-то старик Михеев. Хотя этот последний, должно быть, просто желал полюбоваться на плоды трудов своих праведных. Судя по всему, зрелище ему понравилось. Потому что после того, как Мэри, приняв поздравления с повышением и попрощавшись с врачом, вслед за офицерами скрылась в катере, Никита услышал за спиной одобрительное кряканье и прокуренный бас Фаддеича, во всеуслышание провозгласивший по-русски:

- Ну чисто адмиральша!

Никита усмехнулся с неожиданной даже для него самой горечью и тоже прошел в катер. Что бы там ни говорила Мэри, как бы ни была она права, если от него будет зависеть хоть как-то улучшить ее положение, он это сделает, и будь что будет. Шлюз закрылся, ремни были пристегнуты и катер оторвался от обшивки "Александра". Внизу их ждал Бельтайн.

Уже в катере, после взаимных представлений (Чабанов с Якубовичем были в меру почтительны и тщательно скрывали мужской интерес к майору Гамильтон), Корсаков поинтересовался, какова будет, с точки зрения Мэри, дальнейшая судьба Саммерса. Он знал, что того, в соответствии с ее пожеланием, высказанным по пути от Зоны Сигма к Бельтайну, отправили на планету сразу же, как только "Александр" вышел на орбиту.

- Будет суд, - пожала плечами бельтайнка, - причем, надеюсь, не слишком скорый.

- Простите, мисс Гамильтон, - вклинился командир "Глеба", - а разве суд над таким мерзавцем может быть СЛИШКОМ скорым?

Ответную усмешку Мэри Никита истолковал как усталый вздох убеленного сединами ветерана, вынужденного слушать, какую пургу несет зеленый новобранец.

- Видите ли, господии Якубович... Под слишком скорым судом я понимаю ситуацию, и

которой у кого-то из конвойных Саммерса на поверхности не выдержат нервы и его пристрелят или отдадут толпе, не разбираясь и причинно-следственных связях. Я специально попросила Терри Малоуна проверить все максимально скрытно и включить в конвойную группу только тех, чьи близкие не пострадали при налете. Казнить Саммерса мы всегда успеем. Но сначала недурно было бы обстоятельно допросить его относительно обстоятельств, при которых он принял свой последний заказ. Вы же не думаете, что он явился сюда исключительно по собственной инициативе? Джерайя Саммерс - человек наглый и удачливый, но чтобы нанять такую эскадру, нужны средства, которых у него не может быть по определению. А уж для того, чтобы так изумительно точно подгадать момент нападения - ведь даже "Дестини" оказался на орбите случайно, это была моя прихоть, не более того, - совершенно недостаточно средств, удачи и наглости. Нужен информатор на планете, причем информатор, входящий в самые высокие круги. С самого начала всей этой потехи меня не оставляет мысль, что все корабли, которые могли быть использованы в качестве эвакуационных транспортов или на скорую руку переоборудованы в боевые единицы, были разогнаны совершенно сознательно. Не говоря уж о том, что часть корветов ВКС всегда несла боевое дежурство в родной системе. Они-то куда подевались, черт побери? Будь здесь стандартное соединение боевого охранения, как минимум половина этого сброда была бы выбита еще на подступах к планете, а там и "Гринленд" бы подключился. Не считите за хвастовство, но атака бельтайнских корветов в ближнем бою штука страшная, было бы кому атаковать. С русскими крейсерами мы, конечно, ничего существенного бы не сделали, так ведь у Саммерса и не было русских крейсеров. У него вообще крейсеров не было. А это рыхлое сборище из эсминцев и фрегатов при грамотном командовании разбирается на составляющие довольно быстро, поинтересуйтесь хоть кампанией Бурга в системе Лафайетт. Да, не спорю, мой ордер здорово потрепали при отходе к Зоне Тэта, но вы не путайте нападение и оборону, когда надо прикрывать транспорт с детьми. Совершенно разный рисунок боя. Так что если бы в системе Тариссы была обычная группа корветов, все сложилось бы совсем по-другому. А ее не было. И это не случайность. Ну не бывает такого, господа, уж поверьте полицейскому аналитику. Ведь это же не первый налет на систему. Лет пятьдесят назад мы отбились с блеском, хотя и не без потерь. Конечно, с тех пор репутация бельтайнских ВКС взлетела до немыслимых высот, но даже самый распоследний дурак понимает, что на одной репутации далеко не уедешь, ее надо подкреплять материально. Вот я и хочу узнать, куда и зачем дели это самое материальное подкрепление, а главное - с чьей подачи это было сделано. И посмотреть этой твари в глаза. Очень нежно посмотреть, поверьте, я это умею...

Последние слова были произнесены свистящим шепотом, в салоне катера ощутимо похолодало - так, по крайней мере, показалось Никите. Его старшие офицеры глядели на Мэри как замороженные. Первым опомнился Савельев:

- Вы совершенно правы, майор. Если хотите, я попробую навести некоторые справки по своим каналам. Все всегда оставляет следы, вам ли не знать.

- Буду вам признательна, сэр, - кивнула Мэри и отвернулась к иллюминатору, показывая, что разговор закончен.

Три русских катера приземлились в указанной точке, из двух выпрыгнули, рассыпаясь цепью, десантники, окружившие третий. Наконец открылся люк, трап нащупал твердую поверхность и закрепился в устойчивом положении и высокие гости спустились на Бельтайн. Толпа за формальным гвардейским оцеплением разразилась приветственными криками.

Корсаков, сошедший с трапа первым и протянувший Мэри руку, на которую она с достоинством оперлась, с любопытством осмотрелся по сторонам. По космодрому гулял ветер, доносящий слабый, но отчетливый запах гари. На ближайших стартовых квадратах застыли знакомые силуэты "Сапсанов", обожженных, но гордых, несмотря на многочисленные повреждения. Полиция Бельтайна летает на "Сапсанах", вспомнилось ему. Да уж, видим. Летает, еще и как летает.

Чем ближе они подходили к встречающим, тем громче шумели люди за оцеплением. В

центре группы, состоящей примерно из пятнадцати человек, стоял уже знакомый полковник Фортеस्कю. По правую руку от него широко, хотя и немного напряженно, улыбался долговязый седой дядька лет восьмидесяти в полицейской форме с полковничьими погонами, держащий бархатную подушку с чем-то зеленым. Рядом с долговязым напряженно вглядывались то ли в Корсакова, то ли в идущую рядом Мэри наголо бритый крепыш со странными, словно потухшими глазами, и женщина неопределенного возраста и немыслимой красоты. Впрочем, красота эта оставила Никиту совершенно равнодушным, хотя он и оценил ее по достоинству. Слева от полковника стояли несколько монахинь во главе с матерью Агнессой. Вот эти точно смотрели только на Мэри, глаз не сводили. Особенно одна, худощавая, высокая, уже в летах. Ни апостольник, ни просторное одеяние, ни четки в руках не могли скрыть безукоризненную выправку. "Капитан София Гамильтон, бабушка мисс Мэри", - прошелестел в коммуникаторе шепот Савельева, проследившего, должно быть, за направлением взгляда Корсакова. Никакого сходства с внучкой. Вообще. Еще трое или четверо военных. Ну и, конечно, экипаж "Дестини", при всех орденах и полном параде.

Полковник повелительно поднял руку, и тут же установилась почти полная тишина, только ветер продолжал свистеть в посадочных опорах кораблей.

- Господин контр-адмирал! - заговорил Фортеस्कю. - Я рад, что именно мне выпала высокая честь приветствовать от имени Совета наших русских союзников. Добро пожаловать на Бельтайн, господа. И добро пожаловать домой, Мэри Александра Гамильтон, отныне и навсегда - Гамильтон ап Бельтайн.

Полицейский полковник шагнул вперед. Марк Фортеस्कю поманил к себе ошеломленную, застывшую, как изваяние, Мэри, взял с подушки и прикрепил внутрь петли тарисситового аксельбанта зеленый эмалевый лист клевера. На листе, как на ладони, лежало выполненное из белого золота стилизованное изображение системы Тариссы.

- Мэ-ри! - рявкнула толпа, состоявшая в основном, как мельком отметил Корсаков, из мужчин и женщин с такой же, как у монахинь, военной выправкой, - Мэ-ри! Мэ-ри! Мэ-ри!

- Я о таком только слышал, - прошептал в клипсе коммуникатора Савельев. - Это что-то вроде местной разновидности ненаследуемого дворянства. Ап Бельтайн были первые поселенцы, внесшие наибольший вклад в развитие колонии, в частности Кристофер Гамильтон, предок мисс Мэри. Он был старшим помощником на "Гринленде" и дал имя планете. Потом изредка ап Бельтайн становились самые выдающиеся граждане. На протяжении последних двухсот лет это звание не присваивалось никому.

Мэри повернулась к русским. Дрожащие губы пытались улыбаться, по левой щеке ползла одинокая слеза.

- Простите меня, господа, я... никак не ожидала...

Не сговариваясь, старшие офицеры эскадры во главе с Корсаковым отдали честь растерянной девушке. Она козырнула в ответ, шагнула к соотечественникам, тут же попала в объятия бабушки... Церемония перестала быть формальной, прибывшие и встречающие смещались, но Никита не спускал глаз с Мэри и поэтому уловил момент, когда она обратилась к крепышу, не принимающему участия во всеобщем гвалте:

- Шон, а где Келли? Он что, не мог освободить пару часов и встретить меня?

Бельтайнцы затихали один за другим, полицейский полковник осторожно переместился за спину Мэри, губы матери Агнессы превратились в тонкую линию.

- Шон, не молчи! Он что, ранен?! Тяжело?!

- Он не ранен, Мэри... - выдавил крепыш. - Ты же знаешь, нас бомбили... Прямое попадание в Координационный. Никто не выжил.

- Что... - прошептала она, и уже громче, срываясь на крик: - Этого не может быть, Шон, этого просто не может быть! Что за чушь, как это Келли может погибнуть, мы же с ним... договорились... - заглушая рвущийся из груди тоскливый вопль, она впиалась зубами в кулак затянутой в перчатку правой руки, покачнувшись, но полицейский - Морган? да, полковник Морган - не зевал. Ловко оттеснив шагнувшего вперед Никиту, он развернул Мэри лицом к

себе, прижал к кителю и что-то зашептал на ухо. Подошедший крепыш обнял ее со спины, тоже что-то шепнул, Мэри высвободила одну руку, обхватила его за плечи, то же сделал Морган, и теперь все трое стояли, обнявшись и уткнувшись друг в друга головами. София Гамильтон сжала четки так, что казалось, еще секунда - и отполированные прикосновениями рук деревянные шарики посыплются на шербатое поле. В обманчиво-хрупких пальцах аббатисы мелькал шприц-тюбик.

Марк Фортескью виновато откашлялся:

- Капитан Келли О'Брайен был напарником мисс Гамильтон во время службы в полиции и ее ближайшим другом. Боюсь, она не сможет присоединиться к нам за обедом. Прошу вас, господа.

Следуя за полковником к ожидающему кару, Корсаков оглянулся. Толпа рассасывалась, монахини образовали одну группку, команда "Дестини" - другую, и отдельно стояли три обнявшихся человека, как будто отгородившиеся ото всех своей болью. Лишь ветер не обратил никакого внимания на то, как изменилось настроение людей, и как ни в чем не бывало гонял песок и гарь по неровным обожженным плитам.

Был уже вечер, когда Мэри поняла, что не знает, куда ей податься. Податься между тем было совершенно необходимо, но только не в обществе унылого парня, проводившего ее до самых дверей офицерского общежития. До последней минуты ей не удавалось избавиться от сопровождения. Рядом с ней все время кто-то был, всем что-то было от нее нужно. Она понимала, что так распорядился кто-то из командиров - Морган или Фортескью, а то и мать-настоятельница руку приложила. Даже в похоронной конторе, от посещения которой ее дружно пытались отговорить и бабушка, и Морган, и Шон, на заднем плане маячил кто-то из офиса командующего планетарной обороной. Гробы стояли закрытыми, но спорить с Мэри, так и не снявшей парадную форму, пожилой служитель не рискнул и все-таки поднял тяжелую крышку, табличка на которой гласила: "Келли Лахлан О'Брайен". Придать прежнюю форму разможенной голове не смогли, но лицо совсем не пострадало и на секунду ей показалось, что Келли просто спит. Она осторожно погладила холодную щеку, сжала скрещенные на груди руки и грустно покачала головой:

- Ну вот как это называется, Келли? А кто мне сюрприз обещал? Ну почему ты, почему, мне казалось, что у меня больше шансов не пережить эту заварушку... Ты так берег меня всегда, а теперь мне предстоит тебя хоронить... Келли, Келли, умирать совсем не страшно, ты это знаешь и я это знаю, хоронить страшнее, правда... Видишь, какая я эгоистка - даже не подумала, каково было бы тебе хоронить меня... не сердись, ладно?

Мэри замолчала. Мысли путались, то ли от усталости, то ли от горя. Она отошла от гроба, кивком головы разрешила служителю закрыть его и опустилась на колени перед массивным распятием. С юности знакомые, слова пришли сами:

- Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя! Восстань, Судия земли, воздай возмездие гордым. Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут?

Старенький капеллан огорченно вздохнул: двадцать второй псалом был, с его точки зрения, уместнее у гроба, чем девяносто третий.

Должно быть, скорбь вытеснила смирение из сердца майора Гамильтон. Если, конечно, оно было там хоть когда-нибудь. А Мэри все говорила, тихо, но отчетливо, не просила, но требовала:

- Кто восстанет за меня против злодеев? Кто станет за меня против делающих беззаконие?

Тяжелый горящий взгляд. Стиснутые руки. Судорога коверкает запекшиеся губы, превращая лицо женщины в маску горюльи.

- ...и обратит на них беззаконие их, и злодейством их истребит их, истребит их Господь Бог наш.

Это не молитва, почти с ужасом подумал отец Уильям. Это клятва.

И вот теперь она, наконец, осталась без присмотра. Относительно, конечно: тренированный слух безошибочно определил, что ненавязчивый, но непреклонный

сопровождающий подтащил кресло к двери ее комнаты и с удобством в нем расположился. Мэри уселась на кровать, откинулась было к стене, забросив за спину большую из двух подушек и скрестив ноги, однако чуть ли не впервые в жизни привычная поза не показалась ей удобной. Она спустила ноги с кровати, оперлась локтями о колени и обхватила ладонями голову, но это почти не помогло. Если уж на то пошло, не помогло совсем. Слезы, которые она так долго сдерживала, покатались из глаз, горло перехватило рыдание, она судорожно вздохнула и закричала, стиснув кулаки и откидывая голову так, что почти не могла дышать. В дверь тут же сунулся все тот же парнишка и его растеряннo-сочувствующее:

- Мисс Гамильтон, вам плохо? Может быть, вызвать врача? - подействовало на Мэри как пощечина в сочетании с ведром ледяной воды. Ее ровная, спокойная речь, весьма емкая при всей краткости, свелась к тому, что если этот (полдюжины красочных эпитетов) немедленно не уберется, она за себя не ручается. А уж если сюда притащат еще и врача - мало ей этого (еще полдюжины эпитетов), - то в ее комнате, помимо двери, есть еще и окно, и она охотно проверит раму на прочность. Хотя при помощи врача, хоть при помощи... А этаж, между прочим, второй. Молоденький лейтенантик решил, видимо, не рисковать, и мгновенно ретировался, но кресло передвинул так, что дверь теперь и вовсе можно было открыть только снаружи. Мэри рухнула на кровать и затравленно огляделась. Одно было совершенно очевидно: как бы ни мешали ей люди вокруг, одной ей оставаться нельзя. Истерический припадок - полбеда, но ближе к утру могут возникнуть проблемы посерьезнее. А для того, чтобы отомстить, ей надо быть не только вменяемой, но и вообще живой. Так что, как ни крути, нельзя ей коротать эту ночь в одиночку. Точнее, можно, но для этого надо выпить полбутылки виски. Или бутылку. Залпом. Чтобы наверняка. Она заглянула в шкаф и чертыхнулась про себя: бутылки не было. Куций набор штатской одежды, который она сама же принесла сюда четыре... неужели только четыре?... дня назад - был, знаменитая шляпа, дожидавшаяся своего часа с тех пор, как эту комнату выделили тогда еще премьер-лейтенанту Гамильтон - тоже, а вот бутылка исчезла. Ах так?! Ну-ну. Мэри криво усмехнулась и принялась за дело. Прежде всего следует разобрать постель. Покрывало скатать в трубку и свернуть пополам: под одеялом сойдет за ноги. Снять китель, придать ему объем при помощи пледа, засунув часть в рукав. Из маленькой подушки получается вполне приличная голова. А теперь все это накрыть одеялом... отлично. Эх, мальчик, не учился ты в Звездном Корпусе... Так, теперь приподнять краешек плинтуса... готово. Карточка лежала там, где ей и полагалось. Келли... Господи всеблагий, именно Келли посоветовал ей когда-то держать некоторое количество денег во всех местах, где она бывает. Вот и пригодилось. Она прошла в душевую, включила воду так, чтобы в коридоре уж точно слышали, и присела на корточки перед раковиной. Вторая плитка снизу в углу... есть. Достав из углубления тот самый пистолет, который когда-то так мешал мисс Аманде Робинсон, Мэри засунула оружие за ремень. Выключив воду и выйдя из душевой, она погасила в комнате свет, накинула вынутую из шкафа куртку и тихонько приотворила окно, не трогая фиксатор: когда она спрыгнет, доводчик бесшумно вернет створку на место. Второй этаж - ерунда, что бы ни думал по этому поводу ее впечатлительный страж. Справа внизу светилось окно, значит, спускаться надо левее. Мэри встала на подоконник, еще раз прикинула траекторию, слегка отклонилась назад, касаясь кончиками пальцев оконной рамы, и соскользнула на ухоженный газон. Теперь надо было переждать, пока луч прожектора, обшаривающего окрестности, уйдет в другую сторону. Будем надеяться, что здесь ничего не изменилось и никому не пришло в голову напичкать пространство между зданием и улицей датчиками движения или инфракрасными сканерами. Она тенью метнулась к невысокой ограде, вскарабкалась по выложенному изрядно выветрившимся кирпичом столбу и соскочила с внешней стороны. Так, все тихо. Теперь можно и поискать, где надраться. Интересно, таксисты уже работают?

Некоторое время спустя она убедилась в том, что нью-дублинский таксист - существо абсолютно неистребимое и бесстрашное. Во всяком случае, пешком ей пришлось пройти не больше квартала. Крохотная двухместная машина спикировала рядом с ней и разбитной

парень, такой рыжий, что даже Рори обзавидовался бы, протараторил, откинув колпак:

- Такси, офицер? Куда прикажете? - тут он разглядел ее лицо и преисполнился благоговения, смешно смотревшегося на круглой конопатой физиономии:

- Майор Гамильтон?! Прошу вас, мэм, садитесь скорее! Пожалуйста! Я видел вас сегодня по сети, госпожа майор. Ну, расскажу я Кристи, что возил вас - не поверит же! Вы только скажите, куда!

Мэри уселась в кресло, защелкнула замок ремня - привычка, никуда от нее не денешься и скомандовала:

- А забрось-ка ты меня к "Крылу сапсана" на углу Дженкинса и Первых Поселенцев. Знаешь, о чем я?

Таксист вытаращился на нее, как будто увидел что-то до невозможности жуткое:

- Это к копам?! Да, как же это... да на кой они вам сдались, что, в городе больше выпить негде?! Тем более что у них там сегодня поминки, никакого веселья...

Тут он, должно быть, разглядел ее глаза и осекся. Мэри постаралась натянуть на лицо улыбку, но, должно быть, ничего путного из этого не вышло: теперь на физиономии водителя читался откровенный страх. Она глубоко вздохнула, оставила попытки улыбаться и тихо, устало произнесла:

- А с чего ты взял, парень, что мне весело? Давай, разогревай свой драндулет, а то дождешься, я сама на управление сяду. А я еще трезвая, так что мало тебе точно не покажется... Живей, не зли меня.

В "Крыле сапсана" действительно было невесело. За большими столами вплотную друг к другу сидело человек семьдесят, все как один в полицейской форме с пилотскими нашивками. Закуски практически не было, обилие бутылок говорило само за себя. Разговоры за столами, и без того негромкие, при появлении Мэри стихли совсем. Она подошла к стойке, кивнула бармену в знак приветствия и спросила двойной виски. За ее спиной послышался скрип отодвигаемого стула, но она не стала оборачиваться, продолжая сверлить глазами бармена, который двигался так медленно и безмятежно, как будто ее заказ его совершенно не интересовал. Осведомиться о причинах такого поведения она не успела: на плечо легла крупная ладонь с длинными сильными пальцами, рывком развернувшая ее лицом к залу. Уже не слишком трезвый парень примерно лет на пять моложе Мэри смерил ее презрительным взглядом и процедил сквозь зубы:

- Здесь пьют копы, госпожа майор, мэм. Мы поминаем наших павших товарищей и посторонние нам тут ни к чему. Вам ясно?

У Мэри неожиданно зачесались кулаки. Вспышка ярости на секунду заволокла все окружающее красноватым туманом, пришлось напомнить себе, что она пришла сюда не ссориться, по подходящие к ситуации слова никак не желали находиться. Однако говорить ей не пришлось. Резкий окрик "Каллахан!" рассек напряженную тишину, как удар бича, и в поле зрения Мэри возник Морган, вышедший, должно быть, из задней комнаты.

- Каллахан, прекрати, - уже спокойнее произнес полковник, и хватка на ее плече ослабла, а потом исчезла совсем.

- Извините, сэр! - рявкнул пилот, но Дядюшка только зло оскалился в ответ:

- Да ты не передо мной извиняться должен, сопляк, а перед ней!

- Перед ней?! - набычился тот. - А с какой это стати?! Кто она такая? Поду-умаешь, ап Бельтайн!

Вместо ответа Мэри, жестом остановив готового взорваться Моргана, неторопливо расстегнула левую манжету рубашки, так же неторопливо засучила рукав и протянула Каллахану руку внутренней стороной предплечья вверх, не сводя с него требовательного взгляда. Он взгляделся, снова посмотрел на Мэри, глаза его расширились, и - должно быть, от неожиданности слишком громко - он потрясенно ахнул:

- Ноль двадцать два?! Не... не может...

Полицейские за столами задвигались, заговорили, кто-то уже вставал и подходил поближе, желая, видимо, удостовериться в том, что коллеге не померещилось с пьяных глаз.

- Может-может, - усмехаясь уголком рта, подтвердил Морган. - Понял теперь, кого выгнать хотел? Ты бы, сто пятьдесят третий, попросил мисс Мэри поучить тебя летать на досуге. Глядишь, не откажет, она добрая девочка. Была, по крайней мере. А ты-то как здесь оказалась, дорогуша? - повернулся он к бывшей подчиненной. - Ужасно выглядишь, уж прости за прямооту. И ведь мне только что доложили - спит, мол, сном праведницы...

- Угу, - криво ухмыльнулась Мэри. - Спит. Мой китель там спит вкуне со свернутым покрывалом. Вы мне лучше скажите, кто додумался убрать из шкафа бутылку? Оставили бы - так мне бы не пришлось в окно вылезать.

- Вот ты поправь меня, если я ошибаюсь... развел руками Морган. - Мы с тобой знакомы девятнадцать лет, так? И все это время я не знаю, чего от тебя ожидать.

- По ведь так интереснее, Дядюшка, вы не согласны? - Мэри невинно похлопала ресницами и повернулась к бармену: - Мне сегодня в этом заведении нальют или нет?

Проснувшись утром, она не сразу поняла, где находится. Комната была смутно знакомой, но именно смутно. Какое-то давнее воспоминание... если бы еще голова не так болела... Мэри сморгнула и попыталась сесть. С третьей попытки ей это удалось и она смогла как следует осмотреться. Диван... Большой стол... Да она же в доме Морган! Ну, допустим. А как она сюда попала? Вечер вырисовывался с трудом. Впрочем, ничего удивительного. Это ж надо было столько выпить, да с устатку, да на голодный желудок... Впрочем, не совсем на голодный. Вроде бы после четвертой порции Морган заставил ее съесть тарелку супа, но ситуацию это уже не спасло. Кажется, ей пришлось пожать руку всем в зале, включая бармена, на предплечье которого под языками пламени тоже просматривались цифры, причем не абы какие, а... Кто бы мог подумать, этот парень летал на том же "Сапсане", что и она... Примерно к середине второй бутылки начались воспоминания, и в какой-то момент ей показалось, что все полицейские, погибшие за эти годы, незримо присутствуют в "Крыле сапсана". Во всяком случае, Мэри готова была поклясться, что слышит ехидный смех Келли, и почему-то это было совсем не больно. Вчера - не больно. А сегодня...

Она бесшумно застегнула ботинки, прислушалась к доносящемуся из спальни храпу и вышла на пустынную улицу. Постояла на крыльце, подняла голову, зажмурившись и подставляя лицо солнечным лучам, потом открыла глаза и посмотрела на по-утреннему зеленоватое небо Бельтайна - прозрачное, наполненное светом, прекрасное. И чужое.

Мэри вздохнула, засунула зябнущие на резком утреннем ветру руки поглубже в карманы куртки и побрела в направлении центра города. Если она хочет сегодня быть годной хоть на что-нибудь, аптеку надо найти прямо сейчас.

ГЛОССАРИЙ

Американская Федерация - государство, основанное выходцами из Северной Америки. Формально входит в состав Лиги Свободных Планет. Высшее должностное лицо - президент. Основные статьи экспорта: программное обеспечение, высокотехнологичное оборудование.

Бастион Мариико - хорошо защищенная система станций пересадки, расположенная в системе звезды Мариико, имеющей одиннадцать зон перехода.

Бельтайн - вторая планета системы Тариссы (см.). Государство, основанное выходцами из Кельтского Союза (см.) Формально входит в Лигу Свободных Планет. Высшее должностное лицо - принцепал Совета Бельтайна. Основные статьи экспорта: тариссит (см.), вейвит (см.), табак, виски, кожа, лошади.

Бург - государство, основанное выходцами из Германии и Швейцарии. Высшее должностное лицо - канцлер. Основные статьи экспорта: транспортные средства наземного и атмосферного класса, горнодобывающее оборудование, спортивный инвентарь.

Вейвит - минерал, добываемый на Бельтайне открытым способом. Используется для производства облицовочных материалов и предметов обихода.

"Великая Стена" - орден, высшая награда Небесной империи (см.).

Венецианская Республика - государство, основанное выходцами из Италии. Входит в состав Лиги Свободных Планет. Высшее должностное лицо - дож. Основные статьи экспорта: грузопассажирские перевозки, сельскохозяйственная продукция.

Гамильтон, Кристофер - первый помощник поискового корабля "Гринленд" (см.). Дал планете, открытой экспедицией, имя "Бельтайн".

Гринленд - Поисковый корабль Кельтского союза (см.). Орбитальная крепость, грузовой терминал и пересадочная станция на орбите Бельтайна. Также включает в свой состав комплекс Звездного Корпуса (см.).

Дженкинс, Пол - командир поискового корабля "Гринленд". Первооткрыватель системы Тариссы.

Дженкинс, Тарисса - жена Пола Дженкинса. Звезда названа в ее честь.

"Драккар" ~ орден Скандинавского союза.

Закон Выявления - один из бельтайнских законов, согласно которому все дети Бельтайна, достигшие к определенной дате возраста года месяцев проходят Испытания (см.).

Звездный Корпус - учебное заведение военно-космических сил Бельтайна. Зачисление детей в ЗК происходит по результатам Испытаний и последующей имплантации в возрасте пяти лет. Кадеты ЗК принимают присягу перед первой отправкой на "Гринленд". По окончании ЗК выпускникам присваивается звание "премьер-лейтенант". Наиболее талантливые выпускники продолжают обучение в Академии Свободных Планет на планете Картан (см.), пилоты - после послушания в монастыре Святой Екатерины Тариссийской (см.).

"Звездный Парус" - орден Венецианской Республики (см.).

Зона Тэта, Зона Сигма - зоны перехода в подпространство, расположенные вблизи звезды Тарисса.

Испытания - ранжирование детей Бельтайна по умственному и физическому развитию с помощью двадцати пяти групп тестов. Принято считать, что показать наивысшие результаты в тестах на умственное развитие невозможно. Дети, показавшие лучшие результаты в ходе Испытаний, проходят процедуру имплантации и зачисляются в Звездный Корпус (см.). По итогам Испытаний и дальнейшего обучения возможно принятие того или иного нелинейного ребенка в Линию в качестве генетического партнера.

Картан - планета, входящая в Лигу Свободных Планет. Население смешанное. На Картане расположено наиболее известное высшее учебное заведение Лиги Свободных Планет.

Кельтский союз - государство на Земле, в первой трети XXI века де-факто включившее в свой состав Ирландию, Шотландию и Уэльс.

Клен, Соломон, Стоухендж, Хеопс и др. - боевые ордера, составленные из корветов, которыми управляют бельтайнские пилоты при помощи "сцепки" (см.).

Кремль - планета-метрополия Российской империи.

"Крест Вашингтона" - орден Американской Федерации (см.).

Линия - генетическая последовательность, направленное воспроизведение и улучшение определенных наследуемых признаков в потомстве. По сути своей - закрытая каста, зачатие ребенка в Линии санкционируется и жестко контролируется Генетической службой Бельтайна. Партнеры подбираются с учетом необходимой к воспроизведению совокупности факторов. Обычно Линия носит имя основателя. Бельтайнские генетики различают Линии Пилотов, Инженеров, Канониров и Десанта. В Линиях Пилотов рождаются только девочки, в Линиях Инженеров и Десанта - только мальчики, в Линиях Канониров возможно разнополое потомство.

Монастырь Святой Екатерины Тариссийской - католический женский монастырь, чья главная резиденция расположена в поясе астероидов системы Тариссы. Монахинями и послушницами становятся исключительно выпускницы Звездного Корпуса (см.). Основная задача насельниц монастыря - обеспечение бесперебойной добычи тариссита. Необходимость постройки монастыря была обусловлена тем, что без сверхнормативных

потерь в астероидном поясе Тариссы могли летать только женщины с определенной подготовкой и физическими кондициями, поддержание которых невозможно или крайне затруднено при проживании в обычных условиях.

Мурена - бельтайнское дерево-эндемик. Название получило за форму листьев. Используется в деревообрабатывающей промышленности и как комнатное растение.

Небесная империя - государство, основанное выходцами из Китая. Включает в себя семь планетных систем.

Новый Амстердам - планета, входящая в Лигу Свободных Планет. Населена потомками выходцев из Нидерландов. Высшее должностное лицо - президент. Основная статья экспорта - космические корабли малого и среднего классов. Также славится своими юристами в области межпланетного торгового права и торговыми посредниками.

Ново- Архангельск - планета, входящая в состав Российской империи. Верфи Ново-Архангельска производят аэрокосмические истребители и тяжелые штурмовые катера.

Рах Мехгсана - государство, основанное выходцами из Центральной и Южной Америки. Включает в себя планеты Санта-Мария, Пинта и Нинья. Формально входит в Лигу Свободных Планет. Высшее должностное лицо - президент. Основные статьи экспорта: кофе, текила, ром, табак, натуральный сахар, голосериалы, тропические фрукты, какао-бобы.

Перекресток Харта - второй по значимости транспортный узел после Бастиона Марико (см.). Назван в честь Роберта Харта, открывшего область пространства с восемью зонами перехода.

"Поводок" - технология, позволяющая построение сцепки (см.).

Пространство Лордан - система астероидом и космических станций. Подчиняется так называемым "законам свободной торговли". Управляется преступными кланами. Является средоточием разного рода злочных заведений, лабораторий и предприятий по производству наркотиков и генетических диковинок.

"Сапсан" - один из лучших аэрокосмических истребителей в галактике. Производится исключительно на верфях Ново-Архангельска. Стоит на вооружении планетарной полиции Бельтайна.

Сегунат - государство, основанное выходцами из Японии.

Скандинавский союз - государство, основанное выходцами из Норвегии, Швеции, Дании, Исландии. Входит в состав Лиги Свободных Планет. Высшее должностное лицо - премьер-министр. Основные статьи экспорта - минеральные удобрения, гидропонное и оранжерейное оборудование, натуральные шерстяные ткани, оборудование пищевой промышленности.

"Солнечный ветер" - орден Бурга (см.).

Сцепка - организация связи между кораблями боевого ордера бельтайнских корветов. Возможна только при условии, что все пилоты, чьи корабли образуют сцепку, обладают тарисситом и имплантатами.

Тарисса - звезда класса В, планетная система состоит из двух планет и пояса астероидов.

Тариссит - металл, в естественном состоянии обнаруженный в поясе астероидов системы Тариссы. Является сверхпроводником. Улучшает свойства некоторых сплавов. Используется при изготовлении тарисситовых имплантов (см.) и броневых покрытий космических кораблей. Считается одним из лучших материалов для нейрошунта, напрямую соединяющего мозг пилота с корабельным компьютером.

Тарисситовые импланты - импланты, изготовленные из тариссита. Вживляются под кости черепа. Увеличивают скорость прохождения нервного импульса. Используются для повышения качества мыслительных процессов служащих ВКС Бельтайна.

Фосса - бельтайнское растение-эндемик. Происхождение названия неизвестно. Клубни используются в пищу как в обработанном, так и в сыром виде.

Хэйнань - первая система, колонизированная выходцами из Китая. Планета разрушена в результате падения крупного метеорита. Система Хэйнань является объектом

паломничества правящего дома Небесной империи (см.).

Чернострельник - бельтайнское растение-эндемик. Название получило за форму и цвет ветвей. Очень ядовито.

[1] вольный перевод Анны Волошиной.

[2] Танго "Закат над Веракрус" - Павел "Рикардо Вернер" Балашов и Анна Волошина.

This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
22.04.2010